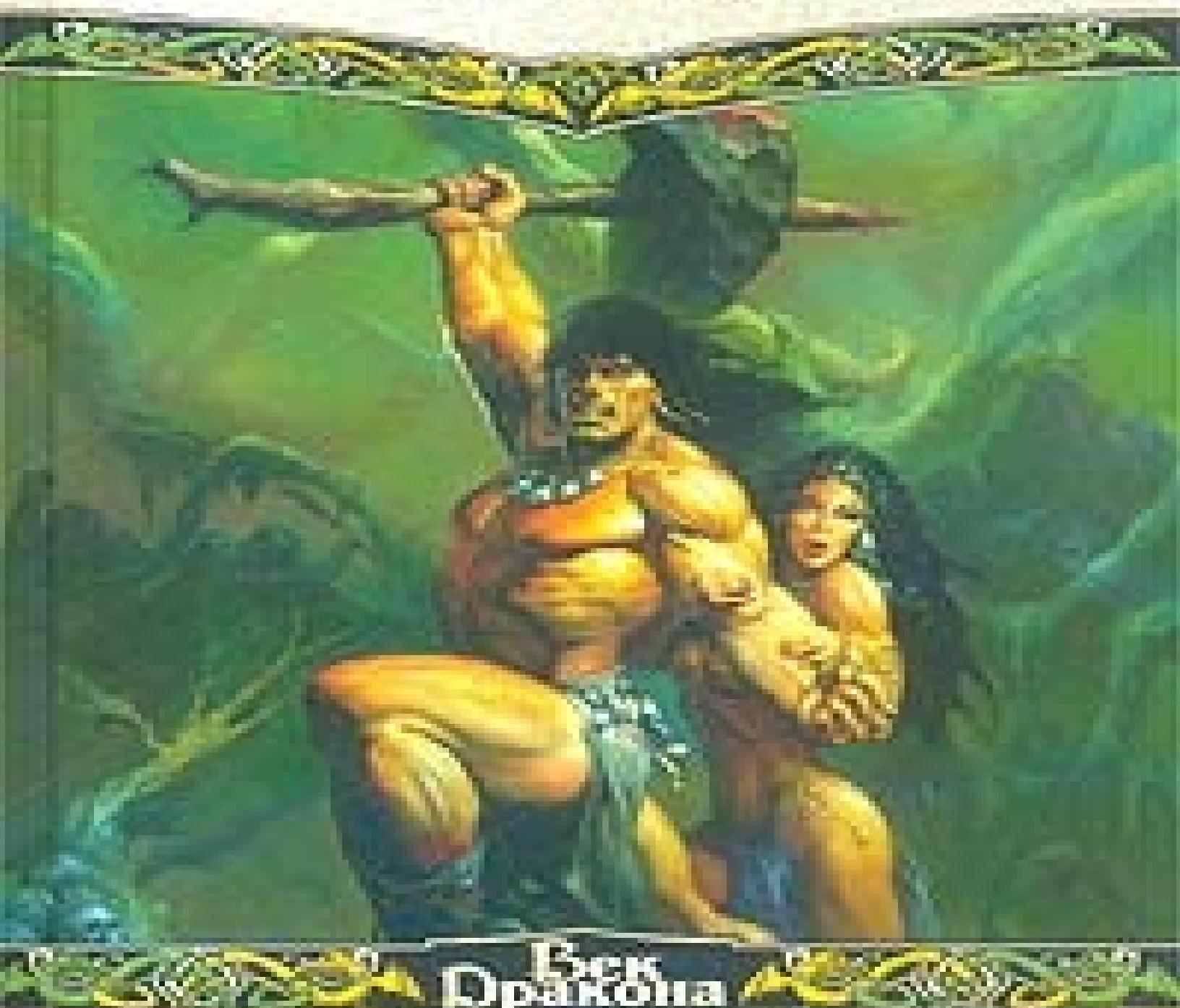

РОБЕРТ ДЖОРДАН

**СЕРДЦЕ
ХАОСА**

Библиотека
Дракона

Annotation

Конан-варвар ЖИВ! Слишком велика была популярность самого знаменитого персонажа за всю историю «героических фэнтези», чтобы приключения его закончились со смертью его создателя. Вслед за Робертом Говардом эстафету саги о Конане принял Роберт Джордан – и подарил миллионам поклонников семь романов о новых деяниях отважного киммерийца. Перед вами – новые приключения бесстрашного борца с силами Тьмы Конана-варвара. На сей раз его смертельно опасная дорога лежит в подлинное логово Зла – в самое СЕРДЦЕ ХАОСА...

- [Роберт Джордан](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Эпилог](#)
-

Роберт Джордан

Сердце Хаоса

Пролог

Штормовой ветер, дувший от сокрытого в полуночной мгле моря Вилайет, бился о гранитные стены резиденции служителей Культа Хаоса. Сама резиденция напоминала небольшой город с безлюдными улицами. Не только буря и поздний час заставляли его обитателей лежать в кроватях и молиться о сне. Лишь немногие могли вслух назвать истинную причину, остальные лишь молча думали о ней. Боги возвышают человека, и они же низвергают его. Но каждый надеется, что гнев богов пройдет мимо него.

Человек, которого теперь называли Джандар, не знал, вмешиваются ли боги в дела смертных, да и существуют ли сами боги. Но он твердо знал, что и в этом мире есть Великие Силы. Настоящие Великие Силы, одну из которых он научился употреблять себе на пользу и даже, сумел в некотором роде подчинить ее. А боги – пусть они остаются для тех, кто сейчас спал в лагере и кто называл его Великим Господином.

Сейчас этот человек в оранжевом одеянии сидел, скрестив ноги перед источником той самой Силы. Помещение, в котором он находился, было пустым. Ничто не украшало ни мраморные стены жемчужного цвета, ни арки двух входов. Простые круглые колонны поддерживали купол, возвышавшийся над небольшим – не более десяти шагов в длину – мелким бассейном. Этот бассейн явно был самой важной деталью помещения, в котором не было ни резных фризов, ни орнаментов, ни скульптур. Никакая работа по камню, никакие украшения не могли сравниться с этим бассейном и с Силой, исходившей от него.

То, чем был наполнен бассейн, лишь на первый взгляд могло показаться водой. Голубая поверхность испускала серебряное свечение. Джандар медитировал, погрузившись в лучи Силы, а бассейн сверкал все сильнее и сильнее. Казалось, что уже тысячи светильников освещают зал. Поверхность бассейна забурлила, над нею поднялся густой туман, вставший куполом над бассейном. Яркие вспышки молний Силы прочертят обе полусфера – бассейн и купол тумана над ним.

Лишь однажды Джандар видел, как жидкость, наполнившая Сосуд Великого Хаоса, выплеснулась из бассейна. И, честно говоря, ему не хотелось бы увидеть это снова. Когда-то это должно случиться вновь. Но не здесь, не сейчас.

Он чувствовал, как Сила проникает в самую глубину его тела. Настала пора действовать. Он медленно встал и вышел через одну из арок в узкий, освещенный бронзовыми светильниками, коридор, ступая босыми ногами по прохладным мраморным плитам. Джандар с гордостью не носил красивых одежд и ярких украшений. Даже сандалии были ему не нужны. Он, как и Сосуд Силы, не нуждался в украшениях.

Коридор привел его в круглое помещение – святилище. Стены зала были покрыты резным орнаментом, высокий потолок поддерживали алебастровые колонны. Свет исходил от золотых чащ-светильников, подвешенных на серебряных цепях. Тяжелые бронзовые двери преграждали главный вход. Их поверхность была покрыта рисунком, изображавшим сам Хаос. Эти узоры выполнил художник, познавший Силу, но сошедший с ума, не выдержав ее тяжести. Да, Сила не может принадлежать каждому.

В зале собралось сорок человек – пятая часть Избранных. Им-то и было нужно роскошное убранство помещения, чтобы подчеркнуть блеск и величие их миссии. Но самый важный предмет святилища – алтарь, стоящий точно в центре круглого зала, был сделан из куска ничем не украшенного черного мрамора.

Сорок голов повернулись к вошедшему Джандару. Сорок пар глаз почтительно проводили его. Сорок пар ушей напряженно ловили любое слово, произнесенное им.

Все присутствующие были одеты в оранжевые одежды, как того требовали предписания Культа. Эти же правила обязывали мужчин бриться наголо и запрещали женщинам стричься.

— Я пришел от Вместилища Первопричины, — нараспев произнес Джандар.

Почтительный вздох присутствующих был ему ответом, словно он только что говорил с богами. Хотя для служителей Культа это и было почти одно и тоже. Ведь они считали, что их допустили до самых сокровенных тайн учения, тогда как на самом деле они ничего не знали о его истинных целях.

Джандар медленно проследовал к алтарю, ловя на себе взгляды тех, кто почитал его как божество во плоти. При всех своих амбициях он себя таковым не считал. Пока.

Джандар был высокого роста, крепко сложенный, но при этом стройный. Некрупные черты лица в сочетании с бритой головой затрудняли определение его возраста, хотя что-то в его темно-карих глазах говорило о немалом жизненном опыте. Чуть оттопыренные уши придавали ему вид существа из другого мира. Зачастую один лишь его взгляд убеждал собеседника, что перед ним — великий мудрец, еще до того как Джандар произносил хоть слово. На самом деле, ему не было еще и тридцати.

Он воздел руки к небу.

— Слушайте меня! — раздалось в зале.

— Мы слушаем, Великий Господин, — в один голос ответили сорок ртов.

— В начале не было ничего. Все пришло из ничего.

— И все должно уйти в ничто.

Губы Джандара тронула легкая улыбка. Эта фраза — знамение, пароль его последователей — всегда забавляла его. Безусловно, все обратится в ничто. Несомненно. Но не так скоро. По крайней мере, он сам не торопился.

Совсем мальчишкой, еще до того как он впервые поменял имя, судьба забросила его за море Вилайет, за далекую Вендию, в почти легендарный Кхитай. Там, в услужении у черного мага — старого человека с длинными седыми усами и кожей цвета старой слоновой кости — он многому научился.

Но провести жизнь в поисках тайного знания — это было не по нему. В конце концов молодой ученик убил старого мудреца, чтобы завладеть его магическими талисманами и свитком тайных заклинаний. Прежде чем он освоил малую часть этого богатства, убийство было раскрыто, и Джандара бросили в тюрьму. Но к тому времени он уже обладал знаниями и силой, достаточными, чтобы выбраться из каменного мешка. Разумеется, после этого ему пришлось бежать из Кхитая. Позднее в его жизни было еще несколько таких бегств. Но каждый урок судьбы шел Джандару на пользу. Сейчас его путь лежал вперед и вверх, к заоблачным, почти недоступным для смертного, высотам.

— Сначала все родилось из ничего. А до этого был Хаос.

— Благословен будь Великий Хаос! — последовал ответ.

— Естественным состоянием Вселенной был и остается Хаос. Но появились боги, сами по себе — лишь порождение Хаоса, — и навязали миру порядок — неестественный, нечестивый порядок, этот бунт против Хаоса, породившего их.

Голос Джандара проникал в мозг его слушателей, будил их ужас, затем рассеивал его, пробуждал надежды и рвение.

— Боги навязали человеку нечестивый дар, лишив большую часть человечества истинного знания. Ибо это знание — не от богов. Оно пришло из Хаоса, из великого естественного беспорядка, который боги связали и навязали миру и человеку в виде насильтвенного порядка.

Он сделал паузу и протянул руку к слушателям, словно желая обнять их. Огонь экстаза зажегся в глазах тех, к кому он обращался. Они замерли в ожидании так нужного им его

благословения.

— Вы настойчиво работали над собой, чтобы избавиться от нечестивости этого мира. Ваши земные ценности отброшены в сторону. Вы сами отказались от плотских удовольствий. Теперь, — его голос прогремел, как раскат грома, — теперь вы — Избранные.

— Благословен будь Великий Хаос! Мы избраны Великим Хаосом!

— А сейчас пусть введут женщину по имени Натрин, — скомандовал Джандар.

В зал втолкнули госпожу Натрин, жену лорда Таримана. Сейчас она меньше всего походила на жену одного из Семнадцати Советников, самых приближенных к королю Турана Йилдизу вельмож. Раздетая, со связанными ногами, она не смогла бы устоять на ногах, если бы двое из Избранных не поставили ее прямо, грубо тряхнув. Ее руки были связаны за спиной. Широко раскрытые глаза были полны ужаса, губы непрестанно шевелились, пытаясь вытолкнуть кожаный кляп. Ее стройное, красивое тело было покрыто потом от страха. Никто, кроме Джандара, не смотрел на нее как на женщину — Избранным запрещалось и думать о плотских удовольствиях.

— Ты попыталась предать меня, Натрин.

При звуке голоса Джандара женщина вздрогнула словно от укола. Некоторое время назад она, как и многие другие скучающие жены местных аристократов, увлеклась изучением доктрины Культа. К несчастью, высокое положение ее мужа привлекло к ней особое внимание Джандара. Своими заклинаниями он сумел проникнуть во все затаенные уголки ее жизни. У большинства аристократок Турана были секреты, ради сохранения которых они готовы были пойти на все, даже на убийство. Натрии, со своими пороками и любовниками, не была исключением. Натрин возмутило такое вмешательство в ее жизнь, но она была вынуждена исполнить волю Джандара и надавить кое в чем на своего мужа. Но затем колдовские чары поведали Джандару, что женщина решила рассказать обо всем мужу и положиться на его милость. Люди Джандара не убили ее там, где застали, — во дворце ее мужа, а привели живую в резиденцию Культа. Натрин ждала и боялась смерти, но Джандар подготовил для нее кое-что похуже.

— Приготовьте ее, — раздалась команда.

Женщина, извиваясь, попыталась вырваться из рук, тащивших ее за запястья и лодыжки к черному камню — алтарю. Кляп был вынут, сухие от ужаса губы прохрипели:

— Смилийся, Великий Господин! Позволь мне служить тебе!

— Этим ты сейчас и занимаешься, — ответил Джандар.

Из чаши чеканного золота, преподнесенной одним из Избранных, Джандар взял нож с серебряным лезвием. Чаша была поставлена рядом с алтарем. Стоны Натрин смешались с речитативом Джандара, призывающего себе на помощь Силы Хаоса. Хотя он не кричал, его голос, словно гром, метался между стенами. Джандар почувствовал Силу в себе, струящуюся сквозь него энергию. Над алтарем засиял голубой купол, покрывший камень, жертву и колдуна. Избранные рухнули на колени и прижали лица к мрамору пола. Нож Джандара сверкнул в воздухе. Последний крик Натрин — и лезвие по самую рукоятку вошло в тело под левой грудью.

Быстро наклонившись, Джандар подхватил золотую чашу и резким движением поднес ее к ране. Поворот лезвия — и в чашу хлынула алая струя. Лишь несколько красных капель упали на мрамор пола.

Вынув клинок из тела, Джандар поднял чашу и нож вверх, ледяным голосом призывая Силу, вызывая жизнь, которая не будет жизнью, и смерть, которая не будет смертью. Не опуская чашу, он наклонил ее, выливая кровь Натрин. Алая струя растворилась в воздухе, не долетев до каменного пола. С последней каплей погас и мерцающий купол.

С довольной улыбкой Джандар выпустил из рук чашу и нож. Орудия колдовства со звоном

рухнули на пол. Красоту тела Натрин уже не обезображивала рана на груди.

— Проснись, Натрин, — скомандовал колдун, разрезая спутывавшие ее веревки.

Веки женщины вздрогнули и приподнялись. Ее взгляд, полный ужаса и какой-то пустоты, неотрывно следовал за Джандаром.

— Я... я умерла... — прошептала она. — Я уже видела подножие трона Эрлика.

Вся дрожа, она подобрала под себя руки и ноги, свернувшись клубком.

— Мне холодно, — пожаловалась она.

— Конечно, так и должно быть, — словно издеваясь, сказал Джандар. — В твоих венах больше не течет кровь. Ты уже не жива. Но ты и не мертва, Натрии. Ты — где-то посередине. И пока настоящая смерть не найдет тебя, ты будешь служить и подчиняться мне.

— Нет, я не буду...

— Молчать! — прикрикнул Джандар. Протест Натрин оборвался на полуслове. Джандар обернулся к своим последователям.

Они наконец-то посмели оторвать лица от пола и почтительно смотрели на своего повелителя, ловя каждое его движение и слово.

— За что вы сражаетесь? — задал он традиционный вопрос.

Из складок своих одеяний Избранные выхватили тонкие острые кинжалы и взмахнули ими в воздухе.

— За беспорядок, смятение, анархию — вот за что мы боремся!.. За Священный Хаос!.. За Смерть!

— Тогда вперед! — скомандовал Джандар. Кинжалы исчезли, и Избранные цепочкой вышли из святилища и отправились искать тех, чьи имена были названы им ранее.

Джандар остановился в задумчивости. Жаль, очень жаль, что старый колдун, его учитель, не дожил до этого дня. Насколько же дальше него ушел ученик, и какое величие еще ждет его впереди!

Джандар щелкнул пальцами, и та, кто уже лишь отчасти была госпожой Натрин из Турана, покорно последовала вслед за ним из святилища.

Глава 1

Многие города были прозваны «Великими» или «Порочными», но Аграпур не нуждался ни в каких прозвищах. Могущество и порочность столицы Турана, города белоснежных башен и золотых куполов, были столь известны, что поминать их лишний раз было бы столь же разумно, как покрывать золото позолотой.

Больше тысячи золотых дел мастеров было внесено в свитки ремесленных гильдий Аграпура. Вдвое больше – чеканщиков серебра. Еще больше – ювелиров и гранильщиков драгоценных камней. Они да еще множество торговцев шелком и благовониями услаждали приходи горячих черноглазых аристократок и придворных дам. За алебастровыми стенами Аграпура можно было встретить любой порок – от порошков, вызывающих сны наяву, и приворотных зелий, продаваемых смуглыми иранистанцами, до страшных публичных домов улицы Доувес.

Туранские триремы бороздили от края до края море Вилайет. Торговые суда причаливали к пристаням Аграпура с грузами, привезенными из дюжины стран. Товары еще двух десятков государств доставлялись на рынок Аграпура караванными тропами. Изумруды и обезьяны, слоновая кость и павлины – все, что только мог представить себе покупатель, немедленно предлагалось ему десятком торговцев. Вонь пота рабов из Каваризма смешивалась с ароматом офирских апельсинов, мирры и гвоздики из Вендии, розового масла из Хаурана и тонких духов из Зингары. Высокие, сильные купцы из Аргоса и темнокожие торговцы из Шема заполняли улицы города. Дикие горцы с Ибарра сталкивались лицом к лицу с коринфийскими студентами, а кофийские наемники стояли у прилавков кешанских купцов. В общем, на улицах Аграпура ежедневно знакомились люди, до того считавшие, что страна его собеседника – выдумка фантазеров.

Однако все чудеса этого города, похоже, мало занимали высокого юношу, с грацией выслеживающего добычу тигра продвигавшегося по переполненным улицам. Положив руку на кожаную оплетку рукояти меча, он с одинаковым равнодушием проходил мимо мраморных дворцов и прилавков торговцев. Пыль дальнего путешествия покрывала его загорелое лицо, на котором живыми казались лишь настороженно посматривающие вокруг голубые глаза. Красный плащ молодого человека стоял колом от въевшегося пота и грязи. Парень только что проделал долгий путь из Султанапура, откуда был вынужден срочно уехать, не собрав вещей и не попрощавшись с друзьями. Это бегство было единственным способом избежать топора палача за контрабанду да еще кое-какие грешки перед королевским двором.

Этого юношу судьба забросила далеко от холодных хребтов его родной Киммерии. Несколько лет он промышлял воровством в Немедии, Заморе и в городах-государствах Коринфии. И хотя ему еще не было и двадцати лет, он, подумав, решил сменить род занятий. На своем пути он встречал немало нищих стариков, в юности бывших ворами, но никогда ему не приходилось слышать о богатом воре. Золото, приносимое воровством, уплывало из рук, как вода сквозь сито. Киммерийцу это было не по нраву. И даже неудача с контрабандой не поколебала его уверенности навсегда расстаться с кражами. В Аграпуре можно найти все. По крайней мере, так говорили люди. Но на данный момент ему был нужен всего лишь трактир «Синий бык». Это все, что ему успели назвать друзья в Султанапуре, сказав, что там можно поживиться кое-какой информацией. А уж вор-то знал, как важно получить вовремя нужную информацию.

Неожиданно его размышления были прерваны странной, фальшиво звучащей музыкой. По заполненной людьми улице к киммерийцу двигалась странная процессия. Впереди шел худощавый смуглый сержант туранской армии, в широких шароварах и спирально закрученном

тюрбанообразном шлеме. На боку у него висела изогнутая сабля. Следом за сержантом шел солдат с большим барабаном, за ним – еще двое, с немыслимо хрипящими трубами. Основную часть колонны составляли с десяток солдат с алебардами, выстроившихся в каре и не то сопровождавших, не то охранявших дюжину молодых парней в гражданской одежде, пытающихся идти в ногу. Сержант встретился взглядом с высоким юношей и резко остановился прямо перед ним.

– Да будут твои боги милостивы к тебе. Ты, как я вижу, ищешь… – Сержант вдруг прервал свою привычную вербовочную речь и воскликнул: – Митра! Ну и глаза!

– Какое тебе дело до моих глаз, – пробурчал юноша, напрягая мышцы.

– Никакого, приятель, – ответил сержант, подняв руку в примирительном жесте, – просто я никогда раньше не видел глаз цвета моря.

– Там, откуда я родом, не часто встречаешь человека с темными глазами.

– Понятно. Путник из дальних стран. Ищешь приключений. А у кого их больше, чем у солдата короля Турана Йилдиза. Мое имя – Алсаам. А как зовут тебя?

– Конан. Но я не собираюсь служить в твоей армии.

– Да ты только подумай, Конан, – с привычной сладкой настойчивостью продолжил убеждать его Алсаам, – представь, как ты возвращаешься из похода. С тобой – твои трофеи. Столько, сколько ты можешь унести. Герой и покоритель. От баб отбоя не будет. Да ты посмотри на себя. Ты прирожденный воин.

– Поговорил бы ты с ними, – предложил Конан, показывая на группу кочевников-гирканийцев в накидках из овечьих шкур и штанах из овечьей же шерсти. На головы кочевников были плотно натянуты полностью прикрывавшие волосы войлочные шапки, надвинутые на лоб. Глаза гирканийцев с подозрением следили за всем происходящим вокруг.

– Похоже, они рвутся в герои, – продолжил Конан со смехом.

На лице сержанта появилась кислая улыбка.

– В них ни на грош дисциплины нет. Странно, что они вообще оказались здесь. Обычно они не любят бывать на этом берегу моря Вилайет. Да ну их. А ты все-таки подумай. Приключения, слава, добыча, женщины…

– Я не собираюсь становиться солдатом, – отчеканил Конан.

– Может, если бы мы посидели где-нибудь, выпили вместе, я смог бы тебя убедить, – вздохнул сержант. – Ну да ладно. Мне еще надо норму выполнить. Король Йилдиз решил увеличить армию. А большую армию не создают просто так. Ее используют. Помяни мои слова. Трофеев будет – выше головы.

Алсаам повернулся к своим подчиненным:

– Пошли. Вперед шагом марш.

– Минутку, – остановил его Конан, – не подскажешь, как добраться до «Синего быка»?

Сержант брезгливо поморщился:

– А, этот свинарник. Он недалеко от порта. Улица Лотосовых Снов. Там такие ребята – за рваные башмаки глотку перережут. Шел бы ты лучше в «Тоскующую Девственницу». Это на Монетной. Там выпивка недорогая, девочки чистенькие… Да, если все-таки надумаешь – найди меня. Спросишь сержанта Алсаама в полку генерала Мундара Хана.

Конан отступил на шаг, чтобы дать пройти солдатам и новобранцам, безуспешно пытающимся идти в ногу. Проводив их взглядом, он повернулся и увидел, что чуть не оказался в середине другой процессии. На этот раз кортеж состоял из двух десятков человек в оранжевых одеждах: мужчины – наголо бритые, женщины – с длинными, спускающимися по спине косами. Предводитель колонны был в бубен, и они шли, негромко напевая что-то, не замечая никого и ничего вокруг. Чтобы отойти с пути процессии, Конан сделал два шага и оказался в самой

середине группы гирканийских кочевников, невольно растолкав их.

Темные глаза злобно повернулись к нему. Руки гирканийцев плотно сжимали рукояти кривых кинжалов. Конан чуть не выхватил свой меч, уверенный, что это его неделикатное вторжение вызвало такое недовольство. Но взгляды кочевников лишь скользнули по нему, а затем с еще большим холодом и ненавистью обратились к процессии. Конан изумленно глядел, как кочевники, не обращая на него внимания, проследовали за группой одетых в оранжевое людей.

Пожав плечами, Конан пошел своей дорогой. В конце концов, подумал он, никто еще не говорил, что Аграпур – город без странностей.

По мере приближения к заливу ему становилось все более понятно, что, несмотря на все странности, Аграпур не столь уж отличается от других городов. Позади остались дворцы знати, лавки богатых купцов и дома зажиточных горожан. Здесь же вонь гниения висела в воздухе. Дома, казалось, готовы были рухнуть в любой момент. Зловонная жижа хлюпала под ногами. Торговцы предлагали фрукты слишком перезрелые, гниющие – такие, которые невозможно было бы продать где-либо еще. Повсюду – нищие, настойчиво цепляющиеся за проходящих мимо моряков. Шлюхи, едва ли не в большем количестве, чем нищие, носили платья из прозрачного шелка, не столько скрывавшего, сколько подчеркивавшего формы груди и бедер. Пот, специи, гниющие отбросы и нечистоты создавали густую завесу вони, которую не мог развеять даже морской ветер. Не менее плотно висели в воздухе и причитания нищих, подбадривающие крики проституток, зазывания торговцев.

Вдруг сквозь всю эту какофонию до Конана донесся тонкий девичий голос:

– Если вы будете спокойными и терпеливыми, то хватит всем.

Заинтересовавшись, Конан посмотрел в сторону, откуда доносился голос, но не увидел ничего, кроме толкущихся нищих, стремящихся пробраться к одной цели, прижатой к стене полуразвалившегося дома. Кто или что это было – киммериец не разобрал. Он видел лишь все новых нищих и проституток, толкающихся и пытающихся проложить себе путь вперед, к стене. Неожиданно посреди толпы вдруг выросла девушка, видимо вставшая на скамью.

– Потерпите, – крикнула она. – Я дам вам все, что у меня есть.

В руках она держала объемистую корзину, полную драгоценностей. Раз за разом девушка опускала руку в корзину и протягивала то или иное украшение толпящимся вокруг. Каждое движение сопровождалось взрывом криков и стонов.

Конан покачал головой. Девочка явно была не из портовых кварталов. Ее платье из кремового шелка было богато украшено драгоценными камнями и золотой вышивкой. При этом оно было так скроено, что не выявляло и не подчеркивало ее соблазнительных форм, которые, однако, не ускользнули от внимательного взгляда киммерийца. На ее лице не было ни капли косметики, но она все равно была очень хорошенкой. Волосы цвета воронового крыла спадали до пояса и обрамляли овальное лицо с кожей цвета темной слоновой кости. Карие глаза ярко сверкали на этом тонком лице. Какого черта она здесь делает, удивился Конан.

– Мне! – раздался вопль из толпы.

Другой голос подхватил:

– И мне, и мне!

Девушка продолжала испуганно уговаривать:

– Подождите. Пожалуйста.

– Еще!

– Давай!

Трое мужчин с косичками, завязанными на манер моряков, заинтересовались происходящим и начали прокладывать себе дорогу сквозь толпу.

Нищие попытались было не пропустить их, но пары ударов тяжелых матросских кулаков,

оказалось достаточно, чтобы толпа расступилась. И хотя женщины продолжали визжать, а нищие бормотать вполголоса ругательства, ничто уже не мешало матросам добраться до цели.

Конан знал, что ему следовало идти своей дорогой. В конце концов, это не его дело, ему еще надо найти «Синего быка», а тут и без него разберутся... Но почему же, черт возьми, он не движется с места?

Через мгновение сильные, жилистые руки вырвали у девушки корзину. Она отчаянно вскрикнула, когда ее пальцы безжизненно разжались, но попыталась вновь схватить свою ношу. Корзина, словно мяч, полетела из рук одного моряка к другому. С каждым броском часть ее содержимого выссыпалась, и нищие бросались на камни мостовой, ломая и обдирая колени и пальцы, пытаясь схватить упавшие драгоценности. Женщины колотили друг друга и царапали лица соперниц, тоже пытаясь урвать свою долю. При этом их жалкие одежды спадали на землю, но никто вокруг не обращал на это внимания.

Вдруг один из матросов – человек, через переносицу которого шел длинный шрам, оканчивавшийся под повязкой, закрывавшей его правый глаз, – вскочил на скамейку рядом с девушкой и заорал:

– А я вот чего хочу!

С этими словами он сгреб ее в объятия и толкнул в руки своих приятелей.

– Эрлик побери всех этих дур, – пробормотал Конан.

Как охотящийся зверь, проскользнул он сквозь круг дерущихся, ползающих по мостовой нищих и проституток. Одноглазый и его приятели – долговязый кофиец и остроносый иранистанец в красной косынке, завязанной вокруг головы так, что из-под нее торчала только косичка, – все трое были слишком увлечены девушкой, чтобы заметить приближение киммерийца. Девушка визжала и вырывалась, но что могли сделать ее слабые кулаки, наносившие удары по плечам и рукам, выдубленным суворыми ветрами моря Вилайет.

Рука Конана легла на шею кофийца и легко ткнула его лицом в грязную лужу рядом с упавшей корзиной. Нос иранистанца хрустнул под ударом тяжелого кулака, а еще один удар отправил человека со шрамом к приятелям на камни мостовой.

– Найдешь себе другую бабу, – гаркнул Конан, – на твой век тут шлюх хватит.

Девушка уставилась на него, явно сомневаясь в том, что этого парня следует расценивать как спасителя.

Одноглазый вскочил на ноги и сплюнул:

– Я тебе кишки вырву, а что останется – скормлю рыбам! – В его руке блеснул кривой кинжал каваризмийской работы.

Двое других тоже поднялись и выхватили из-за поясов кинжалы. Иранистанец не особо лез вперед, вытирая текущую из носа кровь, ограничился лишь злобными взглядами и ругательствами. Котиец же, напротив, был готов проучить обидчика. Он небрежно перекидывал кинжал из руки в руку, угрожающе ухмыляясь:

– Мы тебя за ноги к рее подвесим, ублюдок. Ты еще вволю поорешь, прежде чем сдохнешь.

Среди уроков, которые жизнь преподала Конану, был и такой: если пришло время драться, то дерись, а не трать его на разговоры. Молниеносным движением киммериец выхватил из кожаных ножен меч, который описал дугу в воздухе и в следующее мгновение уже воткнулся в нижнюю челюсть кофийца. Кинжал выпал из ослабевшей руки и со звоном упал на камни. Тело его обладателя рухнуло сверху.

Оставшиеся двое были не из тех, кто тратит время на причитания по погившему товарищу. Такие на море не выживают. Не успел долговязый упасть, как оба бросились на молодого киммерийца. Клинок иранистанца скользнул по предплечью Конана, но пинок ногой в живот заставил длинноносого согнуться в три погибели. Одноглазый, пригнувшись, бросился вперед и

нанес удар сбоку. Конан успел отпрянуть, но все же почувствовал, как лезвие кинжала прошло сквозь тунику и полоснуло по ребрам.

Мгновение спустя меч киммерийца воткнулся в тело одноглазого в том месте, где шея соединяется с плечом, уйдя при этом на две ладони внутрь. Одноглазый вскрикнул и, подняв руки, попытался помешать клинку противника. Сталь звякнула о сталь, но силы уже покинули моряка. Конан отпихнул ногой труп (потому что упавшее на мостовую тело уже было трупом) и обернулся, чтобы встретить третьего противника.

Иранистанец, хотя и поднялся на ноги, не торопился нападать на Конана. Наоборот, тупо поглядев на трупы друзей, он резко повернулся и бросился бежать по улице с криком: «Убийство! Убийство!», не обращая внимания на то, что сам размахивает окровавленным кинжалом. При этом всех нищих и проституток, замерших на месте во время поединка, как ветром сдуло. Конан поспешил обтереть меч куском туники одноглазого и спрятать клинок в ножны. Мало что могло быть хуже, чем оказаться схваченным городской стражей прямо рядом с телом. Особенно в Туране, где стража имела обыкновение пытать задержанного, пока тот не признается. Схватив девушку за руку, Конан присоединился к общему бегству, волоча ее за собой.

— Ты убил их, — словно не веря своим глазам, произнесла она. — Они, может быть, убежали бы, накричи ты еще раз на них.

— Может быть, лучше было бы вообще не вмешиваться, а оставить тебя им? Эти ребята взнудили бы тебя и загнали, как почтовую лошадь. Так что молчи и пошевеливай ногами!

Он потащил ее какими-то переулками и узкими проходами, пропахшими мочой и дерьям, мимо отвратительных кабаков с заблеванными порогами. Оказавшись на достаточном расстоянии от места происшествия, Конан перешел на шаг — бегущая пара была бы слишком приметна, — но не остановился. Ему хотелось быть на более чем достаточном расстоянии от трупов, на которые стражники слетятся как мухи. Киммериец продолжал лавировать между большими телегами, на которых товары из порта перевозились в центр города. Девушка неохотно следовала за ним, и то только потому, что его пальцы, словно стальные браслеты, держали ее тонкое запястье.

Наконец Конан нырнул в узкий тупик, затащил девушку за собой и, остановившись, внимательно огляделся. Вряд ли стражники смогли проследить его путь непосредственно, но рост киммерийца и его голубые глаза были хорошей приметой даже в таком большом городе, как Аграпур.

— Спасибо за помощь, — неожиданно холодным и внушительным тоном произнесла девушка, направляясь к выходу из тупика. — Мне пора, — добавила она.

Конан вытянул руку, преграждая ей путь. При этом ее грудь ткнулась в мощное предплечье юноши. Девушка вспыхнула от смущения.

— Не сейчас, — сказал он.

— Пожалуйста, — попросила она, стараясь не смотреть ему в глаза. Ее голос задрожал. — Я... я — девушка. Мой отец даст тебе много денег, если ты вернешь меня ему... такой же... — Румянец на ее щеках стал еще гуще.

Конан поперхнулся:

— Не нужна мне твоя девственность, детка. Ответь-ка мне лучше на пару вопросов.

К его удивлению, девушка обиженно заморгала и с горькой усмешкой сказала:

— Я, полагаю, должна быть счастлива, что даже убийцы предпочитают стройных, изящных девушек. Да, я знаю, что я — корова. Отец часто говорил мне, что я создана для того, чтобы... чтобы выносить многих сыновей и выкормить их всех самой, — тихо договорила она, покраснев до ушей.

Дурак же твой папаша, подумал Конан, оглядывая ее. Эта девушка была создана больше чем

только для вынашивания сыновей. Хотя, признаться, любой, которому доведется стать отцом ее детей, наверняка сочтет это мероприятие весьма приятным.

– Не верь глупостям, – попытался успокоить ее Конан. – Ты доставишь много радости любому мужчине.

– Правда? – недоверчиво спросила она. Ее полные слез глаза ласково глядели на лицо киммерийца – совсем невинно, убеждал себя он.

– А как... как загоняют почтовую лошадь?

Конан долго не мог понять, с чего она задала ему этот вопрос, а когда сообразил, то не мог скрыть улыбки.

– Долго и основательно... не давая ни минуты передышки. В общем, мерзкое дело.

Она снова покрылась румянцем до самого воротника платья. Конан закашлялся. Девушка краснела так легко и так очаровательно.

– Как тебя зовут, мальшка?

– Ясбет. Отец зовет меня Ясбет.

Она посмотрела на улицу, запруженную телегами и повозками, и вдруг спросила:

– Как ты думаешь, корзина... ну, то, что от нее осталось, будет там, если мы вернемся? Вообще-то она мамина, и Фатима жутко разозлится, если я ее потеряю. Даже больше, чем из-за украшений. Хотя она и так с ума сойдет от всего, что случилось.

Конан покачал головой:

– Как корзина, так и драгоценности поменяли с тех пор как минимум трех хозяев. У кого-то их перекупили, кто-то заплатил жизнью. Да, а кто такая Фатима?

– Моя няня, – ответила она, а затем вздрогнула и недовольно посмотрела на него, словно он обманом заставил ее раскрыть секрет.

– Ах, няня! – рассмеялся Конан. – Может, у тебя до сих пор и кормилица есть?

– Это отец так решил. Он считает, что няня должна присматривать за мной, пока я не выйду замуж. Мне это уже порядком надоело. Фатима думает, что мне все еще пять лет, а отец всегда слушает ее советы. – Ее голос все слабел и почти превратился в шепот. – Я вообще не знаю, чем все это для меня кончится. Фатима просто запрет меня в моей комнате, а то и... – Ее руки инстинктивно дернулись назад, словно пытаясь закрыть ягодицы от удара розгой.

– Ой, стоило бы... – задумчиво сказал Конан.

– Что стоило? Ты о чем? Что я сказала? – вздрогнув и покраснев, затараторила Ясбет.

– Стоило бы внимательнее следить за тобой. Не удивлюсь, если твой отец найдет еще пару-тройку нянюшек для тебя.

На самом деле, Конан счел бы и порку вовсе не лишней, но решил поберечь достоинство девушки и не говорить об этом.

– Ну а теперь ответь мне, Ясбет. Что это ты надумала? Что за шатания по улицам с раздачей драгоценностей? Какая дурь на тебя нашла?

– Это не дурь! – запротестовала она. – Я хотела сделать что-нибудь сама, лично. Ты даже не представляешь, как я живу. Фатима следит за каждым моим шагом. Мне нельзя ничего решить самой. На этот раз я была вынуждена перелезть через ограду сада без разрешения.

– Но раздавать украшения нищим и шлюхам?

– Эти... эти женщины... Я не собиралась давать им ничего. Просто я решила помочь бедным, а кто может быть беднее, чем нищие... Ничего, теперь отец поймет, что я больше не ребенок. Я вовсе не жалею, что отдала эти побрякушки. Они не так уж дороги мне. Зато помогать бедным – благородно!

– Да тебе и шестерых нянек мало! Детка, неужели тебе не пришло в голову, что с тобой может что-то случиться? Если ты хочешь помочь бедным, поспрашивай у своих слуг. Они

наверняка знают нуждающихся людей. И лучше было бы продать украшения, а беднякам отдать деньги.

Ясбет фыркнула:

– Даже если все мои слуги не были бы заодно с Фатимой, все равно – где бы я нашла честного покупателя на эти камни? Меня обманули бы или послали за отцом, чтобы вести переговоры с ним. А уж он-то точно прислал бы Фатиму, чтобы та забрала меня домой. Только такого унижения мне и не хватало.

– Думаешь, перекупщики драгоценностей узнали бы тебя? – недоверчиво переспросил киммериец. – Они знают твоего отца? Интересно, кто же он? Король Йилдиз?

Она вздрогнула и умоляюще посмотрела на него:

– Ты ведь не поведешь меня к отцу, правда?

– А почему бы и нет. Негоже тебе шататься по городу без сопровождающего, малышка.

– Но ведь тогда он узнает о том, что случилось сегодня, – она всхлипнула, – а потом и Фатима...

Облизнув губы, она наклонилась к Конану и прошептала:

– Послушай меня, пожалуйста, я...

Неожиданно она поднырнула под его руку и выскочила на улицу.

– Вернись, дура! – заорал Конан и бросился за ней.

Ясбет проскользнула чуть ли не под колесами большой повозки и скрылась из виду на другой стороне улицы. Телеги двигались вплотную друг к другу и Конан некоторое время не мог пробраться между ними. Когда же ему наконец удалось попасть на другую сторону, Ясбет нигде не было видно. Гончар-подмастерье раскладывал на пороге лавки изделия своего учителя. Торговец коврами предлагал свой товар. Моряки и портовые девки входили и выходили из трактира. Но девушки и след простыл.

– Вот ведь дурная девчонка, – пробормотал Конан.

В этот момент порыв ветра пошевелил заскрипевшую старую вывеску над трактиром «Синий бык». Ну что ж, что ни делается – все к лучшему. Аграпур, похоже, становился удачным городом для Конана. Подтянув пояс с ножами и поправив плащ на плечах, киммериец шагнул на каменные плиты входа в трактир.

Глава 2

Изнутри «Синий бык» был скупо освещен коптящими факелами, вставленными в грубые железные держатели на стенах. Дюжина посетителей сидели, попивая вино за столами, которые, как и каменный пол, были необычно чистыми для такого рода заведения. Три моряка упражнялись в метании ножей, всаживая их в специально подвешенную на стене доску с нарисованным углем изображением сердца. Каменная стена вокруг доски была иссечена десятками тысяч промахов. Пара шлюх дефилировала между клиентами, зазывно покачивая бедрами и почти обнажив свои прелести. Девушки-подавальщицы в костюмах, едва ли более солидных, чем у проституток, сновали туда-сюда с кубками и чашами. Запах прогорклого вина и прокисшего пива ничем не уступал по мерзости уличной вони.

Увидев за стойкой хозяина – высокого лысого мужчину, вытиравшего большой тряпкой столешницу, – Конан понял причину чистоты, царившей в этом заведении. Он знал этого человека. Его звали Фериан. Этот Фериан был одержим манией чистоты, что вообще-то не свойственно людям его профессии. Говорили, что он был вынужден бежать из Бельверуса в Немедии после того, как убил человека, заблевавшего только что вымытый пол трактира. Но как источник информации он был непревзойден. Если, конечно, он не изменил своим правилам, то из него можно будет вытянуть все новости Аграпура, а не только то, о чем болтают все подряд на улицах.

Фериан улыбнулся, когда Конан положил локти на стойку, хотя при этом в его глазах застыла настороженность. При этом, сам он не перестал тереть тряпкой крышку стойки.

– Разрази меня гром, киммериец! – тихо сказал Фериан. – Вот уж вправду, все дороги сходятся в Аграпуре. По крайней мере, здесь так говорят, а увидев тебя тут, я готов с этим согласиться. Еще через год вся честная компания из Шадизара переберется сюда.

– А кто еще из Шадизара здесь? – спросил Конан.

– Руфо, фальшивомонетчик из Кофа. Старина Шарак, астролог. Да, еще Эмилио.

– Эмилио! – воскликнул Конан. Коринфиец Эмилио был лучшим вором в Заморе, не считая Конана. – Он же поклялся, что никогда не уедет из Шадизара.

Фериан усмехнулся:

– А до этого он клялся, что никогда не уедет из Коринфии. Но и оттуда, и из других мест он был вынужден смыться. И все по одной и той же причине: его застукивали в постели не той женщины, какой следовало. На этот раз папаша девицы взялся за дело серьезно. Но еще больше хотела добраться до Эмилио мамочка опороченной девчонки. Поговаривают, что этот герой спал с обеими, да еще и прихватил кое-что из фамильных драгоценностей. Так эта старшая стерва даже наняла компанию бандюг, чтобы те оттяпали Эмилио его главное достоинство. Я слышал, что он сбежал из города, переодевшись нищей старухой, и до сих пор покрывается потом при одном напоминании об этой истории. Спроси его сам при случае. Заодно увидишь, как человек может сразу покраснеть, позеленеть и почернеть, проглотив к тому же язык. Он сейчас наверху, с одной из девок. Хотя после того, что он выпил, он вряд ли сможет быть ей полезен.

– Ну, тогда он ее до утра не выпустит, – рассмеялся Конан, – Эмилио не признает себя побежденным.

Киммериец выложил на стойку пару медяков:

– У тебя не найдется хораджанского эля? В глотке пересохло.

– Есть ли у меня эль из Кхораджана? Он у меня еще спрашивает! Да у меня есть вино и эль из таких стран, о которых ты даже не слышал. Да что там. У меня есть пиво из таких мест, о которых я и сам не слышал!

Фериан выудил из-под стойки большой бочонок и, наполнив большую кружку, спросил Конана:

– А как пошли Дела на Золотом побережье? Я слышал, тебе пришлось сматываться оттуда в изрядной спешке.

Конану стоило большого труда не выдать свое удивление. Не торопясь, он сделал пару больших глотков и вытер губы, затем сказал:

– Откуда ты знаешь, что я был в Султанапуре? И с чего ты взял, что мне пришлось бежать оттуда?

– Тебя видел там дней десять назад Зефран, работоговец. Он заходил ко мне, когда возвращался в Каваризм.

Самой большой ошибкой трактирщика было то, что он всегда давал людям понять, что он о них знает. Когда-нибудь ему всадят нож в бок за это.

– А что до остального, – продолжил Фериан, – то явижу тебя перед собой усталого, покрытого пылью. А ты, насколько я знаю, никогда не был любителем путешествовать для собственного удовольствия. Вот, собственно, и все.

Конан отхлебнул из кружки и прикинул, что стоит рассказать трактирщику. Киммериец знал, что Фериан готов выложить кое-какую полезную информацию за какое-либо не менее ценное известие.

А одна из новостей, которую собирался выдать Конан своему приятелю, была наверняка стоящей информацией. Если, конечно, кто-то не обогнал киммерийца на его пути в Аграпур.

– В Султанапуре здорово прижали контрабандистов, – наконец заговорил Конан. – Братство Побережья рассыпалось. Ребята сидят в своих норах и носа на улицу не высаживают. Пройдет не один месяц, прежде чем хоть один тюк шелка появится в этом городе, не пройдя портовую таможню.

Фериан безразлично хмыкнул, но загоревшиеся глаза выдавали его. Еще до восхода с ним щедро рассчитываются те, кто по его наводке решит направить караван с товаром на султанапурский рынок.

– А что ты мне расскажешь об Аграпуре?

– Ничего, – отрезал Фериан.

Конан удивленно посмотрел на трактирщика. Это было не в правилах человека, известного своей скрупулезной точностью. Фериан никогда не платил за информацию меньше, чем она стоила.

– Ты сомневаешься в том, что я тебе рассказал? – спросил киммериец.

– Не в том дело, Конан. Нет, я, конечно, могу тебе рассказать все то, о чем судачат на каждом углу. Йилдиз усиливает армию и посматривает на соседние страны, Культ Хаоса собирает все больше последователей...

– Культ Хаоса! – воскликнул Конан. – Это еще что такое, Митра его побери!

Фериан скорчил недовольную физиономию:

– Да ну, чушь какая-то. Ходят себе по улицам в оранжевом. Бритые наголо.

– А, видел, видел. Напевают что-то под бубен.

– Вот-вот, это они и есть. Они проповедуют, что все люди обречены и что бессмысленно накапливать земные сокровища. – Фериан высморкался и продолжил: – А что до сокровищ, то культ неплохо живет. Какую резиденцию себе отгрохали! Целий город. Ведь каждый, кто хочет посвятить себя Хаосу, должен отдать все свои богатства культу. Ну, всякие сынки да дочки богатых купцов, а то и кое-кто из аристократов внесли свою лепту. Я уж не говорю про богатых вдовушек. Родственники новообращенных подавали жалобы в королевскую канцелярию, но что толку? Культ исправно платит налоги, чего не скажешь о других храмах. Да еще и делает

неплохие подарки кому нужно, правда, это не афишируется. Резиденция Культа – недалеко от города, к северу по побережью. Если бы знать, где там у них хранятся драгоценности... Ты с твоими талантами за одну ходку сделал бы себе состояние, – говоря это, трактирщик весь засветился.

– Я больше не ворую, – оборвал его Конан (при этом Фериан сразу сник). – Что еще ты мне можешь рассказать?

Трактирщик тяжело вздохнул:

– Я сейчас знаю меньше, чем местные шлюхи. Их клиенты, по крайней мере, иногда болтают во сне. За последние три месяца большая часть тех, кто поставлял мне информацию, была убита. Всякие там слуги аристократов, ну да тебе известно, у кого я узнаю новости. То же самое и с теми, кто сообщал мне о том, что происходит в Гильдии купцов. То, что ты мне рассказал, – единственная информация за весь месяц. Так что, премного признателен, – недовольно добавил он. Фериан был не из тех людей, которые любят ходить в должниках. – Как только я узнаю хоть что-то стоящее, я сразу же передам это тебе.

– Я хочу знать новости действительно первым. Другим ты расскажешь это не раньше, чем через два дня.

– Через два дня! Еще скажи – через год. Новости прокисают быстрее, чем молоко на солнце.

– Два дня, – настойчиво повторил Конан.

– Ладно, два так два, – пробурчал его собеседник.

Конан улыбнулся. Нарушить данное слово – такого за Ферианом не водилось. Но что же это за непонятные убийства?

– Слушай, неужели за такой короткий срок убито столько людей?

– Это еще не все, приятель. – К удивлению Конана, Фериан налил ему еще кружку, не спросив денег. – Погибло очень много людей. В Аграпуре такого еще никогда не бывало. За три месяца – больше убийств, чем за весь прошлый год. Можно подумать, что тут какой-то тайный заговор. Ад только кому придет в голову устраивать заговор против слуг, стражников и других незаметных и небогатых людей? Нет, это какое-то дикое совпадение. Я так думаю...

– Конан! – раздался громкий крик, заставивший киммерийца обернуться.

На нижней ступеньке лестницы, ведущей из общей столовой в комнаты постояльцев, стоял Эмилио, обнимая худенькую, изящную девушку, весь наряд которой состоял из полосы красного шелка, которую она обмотала вокруг себя, прикрыв самые деликатные части тела. Девушка пыталась поддержать явно перебравшего Эмилио в вертикальном положении, что было нелегкой задачей. Эмилио был ростом почти с Конана, хотя и не так широк в плечах. Его большие глаза и правильные черты лица притягивали женщин, как магнит.

– Прими мои поздравления, Эмилио, – отозвался Конан. – Вроде больше не прикидываешься бедной старушкой.

Взяв кружку, он направился к лестнице. Эмилио отослал девушку, шлепнув ее по мягкому месту, и смерил Конана взглядом.

– Кто тебе рассказал эту басню? Фериан, наверное? Лысый мешок с дермом! Это вранье, я тебя уверяю. Чушь собачья. Я просто уехал из Заморы в поисках... – он помолчал, подбирав нужное слово, – в поисках лучших пастбищ. И ты – тот человек, с которым я больше всего хотел бы обсудить эту тему.

Конан явно почувствовал в тоне приятеля деловое предложение.

– Нам больше не по дороге, Эмилио, – ответил он.

Эмилио, казалось, не расслышал возражения киммерийца. Он схватил за руку проходящую мимо подавальщицу и крикнул ей:

– Вина, девочка! Слышала?

Она кивнула и поспешила отскочить в сторону, чтобы избежать неминуемого щипка. Эмилио попытался дотянуться до нее и чуть не упал. С трудом сохранив равновесие, он доплелся до ближайшего стола и плюхнулся на стоявший рядом табурет. При этом он небрежным жестом предложил Конану сесть рядом.

– Садись, садись, стариk, – пьяно улыбаясь, проговорил он. – Сейчас эта девчонка принесет вина, и мы с тобой выпьем.

– Я, кажется, никогда не видел тебя таким пьяным, – сказал Конан, опускаясь на табурет, – празднуй что-нибудь или, наоборот, топиши горе?

Его собеседник таинственно закатил глаза:

– Ты что, не знаешь, что блондинки здесь идут на вес рубинов? Эти туранские мужики готовы на все, лишь бы заполучить светловолосую любовницу. А если у нее еще и голубые глаза – тут они и мать родную зарежут.

– Ты что, работорговлей занялся? Я о тебе лучше думал.

Не удостоив приятеля ответом, Эмилио продолжил:

– В этих женщинах больше страсти, чем в других. Я думаю, все дело в волосах. Чтобы придумать какой-нибудь цвет волосам женщины, боги забирают часть ее жара. А у блондинок он остается весь нетронутым. Хотя это только мои домыслы. Но как бы то ни было, а Давиния – она горячей, чем кузнечная топка. А этот жирный генерал не успевает позаботиться о ее страсти. Слишком много времени занимает военная служба. – Хотя Конан почти перестал понимать, о чем ведет речь Эмилио, он решил дать пьяному приятелю выговориться. – В общем, я взял на себя труд обслуживать ее. Но ей нужны всякие штучки, побрякушки. Я ей говорю: на хрена тебе какое-то ожерелье? Ты сама – драгоценность. А она опять за свое. Говорит, что это ожерелье – волшебное. Что женщина, которая его носит, становится неотразимой. Тринадцать рубинов, каждый – с большой пальц величиной. Каждый закреплен золотой оправой на перламутровой раковине. В общем, вещичка стоящая. Надо бы ее прихватить. – Эмилио рыгнул, наклонился к Конану и доверительно сообщил: – Эта дура собирается рассчитаться со мной своим телом. Разбежалась. Я ее имел столько, сколько хотел. Сто золотых монет, сказал я ей. Сто. Золотых, как ее волосы. Такие мягкие, шелковистые. А какая у нее кожа... обалдеть!

Девушка-подавальщица подошла к их столу с кувшином в руках, но не торопилась ставить его на стол, вопросительно глядя на приятелей. Конан не дал понять, что собирается платить. Ему пока что не светили сто золотых монет. Девушка ткнула кулаком в бок Эмилио. Тот повернулся к ней, тупо смотря и не произнося ни слова.

– Или один из вас платит, или я уношу вино, – твердо произнесла девушка.

– Эх, не умеют здесь ценить хороших клиентов, – пробурчал Эмилио и полез в висевший на поясе кошелек, откуда извлек необходимую сумму. Потом он снова уставился на киммерийца: – Конан! Откуда ты свалился? Нет, просто замечательно, что ты здесь. У нас есть возможность снова поработать вместе, как раньше бывало.

– Мы вместе никогда не работали. И я больше не ворую.

– Чушь. Лучше послушай меня. К северу от города, совсем недалеко, есть место, где всяких побрякушек – завались. У меня есть там дело: стащить... э-э... в общем, стащить там одну штуку. Пойдем со мной. Ты там себе наберешь столько, что хватит на полгода роскошной жизни.

– Это твое местечко, часом, не хранилище драгоценностей Культа Хаоса?

Эмилио откинулся, чуть не свалившись с табуретки:

– А я-то думал, что ты еще ничего не знаешь про Аграпур. Слушай меня. Те семеро, которые, как предполагают, пошли на дело туда и бесследно пропали, – все они были туранцами. Этим местным воришкам далеко до нас с тобой. Они бы ни дня не продержались ни в Шадизаре, ни в Аренджуне. Честно говоря, я вообще не верю, что они решились на такое дело. Скорее

всего, пропали где-нибудь, а другие придумали эту историю. Так всегда бывает. Рассказывают страшные сказки про те места, где просто никто не бывал.

Конан хранил молчание.

Не воспользовавшись кружкой, Эмилио припал к кувшину и не отпускал его, пока тот изрядно не полегчал. Затем коринфиец снова нагнулся над столом и продолжил:

— Я точно знаю, где там у них драгоценности. На восточной стороне лагеря есть сад с единственной башней посередине. Там-то они и хранят самые дорогие украшения и разную древнюю ерунду. Эти дураки ходят и любуются своими побрякушками. Это должно им внушить мысль о бесполезности золота и камней. Видишь, я все знаю об этом деле. Я уже стольких людей расспросил, наверное, сотни.

— Если ты со столькими говорил, то неужели ты думаешь, что никто не сообразил, что ты затеял? Выбрось это из головы, Эмилио.

Неожиданно к их столу подошел гирканиец в войлочной шапке. От его шерстяной одежды за пять шагов разило потом. От уха, от которого осталась лишь половина, до угла рта этого человека тянулся глубокий шрам, придававший лицу подобие улыбки. Краем глаза Конан заметил еще четверых кочевников, наблюдавших за ним из другого угла комнаты. Киммериец не стал бы утверждать наверняка, но ему показалось, что именно эту пятерку гирканийцев он встретил сегодня на улице. Но подошедший лишь мельком взглянул на Конана, обратив все свое внимание на его приятеля.

— Ты — Эмилио из Коринфии, — гортанно сказал он, — мне нужно говорить с тобой.

— Отвяжись, — сказал Эмилио, даже не посмотрев на того, — не знаю я никакого Эмилио и никаких коринфийцев. Слушай, Конан. Я дам тебе половину того, что эта стерва обещала мне за ожерелье. Двадцать золотых монет.

Конан чуть не рассмеялся. Пьяный не пьяный, а надуть приятеля Эмилио не забудет.

— Я сказал, что мне нужно поговорить с тобой, — повторил гирканиец.

— А я сказал — проваливай! — закричал вдруг Эмилио, побагровев.

Схватив кувшин, он с размаху ударил им по голове гирканийца. Секунду-другую тотостоял, обливаясь остатками вина, а затем рухнул на пол в груду черепков.

— Кром! — буркнул Конан: четверо пропахших потом кочевников направлялись к ним.

Конан, не вставая с табурета, резко развернулся и сильно пнул одного из гирканийцев. Человек остановился как вкопанный, согнувшись пополам. Здоровенный кулак киммерийца обрушился на голову противника, рухнувшего на пол от такого удара.

Эмилио извивался на полу между двумя гирканийцами. Схватив одного из них за плащ, Конан оттащил его от коринфийца. Кочевник резко повернулся, замахиваясь кинжалом. На его лице отразилось удивление, когда ладонь киммерийца, перехватив его запястье, совершенно обездвижила руку с клинком. У Конана не было времени замахнуться изо всех сил, но даже короткого тычка ему хватило, чтобы сбить противника с ног и отправить его на пол, где уже валялись двое его приятелей.

Конан осмотрел комнату в поисках остававшихся гирканийцев. Но никто больше не проявлял желания нападать на него. Эмилио, пошатываясь, вставал на ноги, разглядывая кровоточащую рану на плече. Фериан молча направлялся к стойке, держа в руках здоровенную скалку. Через мгновение Конан разглядел торчащие из-за стола ноги, обутые в башмаки из овечьей кожи.

— А теперь — вытащите их отсюда! — заорал Фериан, убирай деревяшку под стойку. — Вы запачкали мне пол, так сделайте одолжение — очистите его. Вытащите их немедленно. Я кому сказал!

Конан взял одного из валяющихся без сознания за ноги и потащил его к выходу.

— Давай, Эмилио, — сказал он, — помогай. А не то тебе придется вступить в поединок с Ферианом.

Недовольно хмыкнув, коринфиец все же взялся за ступни другого кочевника. Вдвоем с Конаном они вытащили всех пострадавших на улицу, уже покрытую ночной темнотой, и уложили их у лавки торговца коврами.

Когда они закончили это дело (причем Конан удостоверился, что все кочевники живы), коринфиец внимательно посмотрел на руку и вздрогнул.

— Знаешь, Конан, у меня какое-то дурное предчувствие, — сказал он, — жаль, что ты не хочешь пойти на дело со мной.

— Пойдем лучше со мной, — отшутился Конан, — пойдем внутрь, выпьем еще вина и потолкуем с девочками.

— Ты иди, Конан, — покачал головой Эмилио, — ты иди... а я... — Он неожиданно сломя голову бросился бежать в ночную тьму.

— Эмилио! — крикнул Конан, но ответом ему был лишь свист ветра.

Ругаясь про себя, Конан вернулся в трактир.

Глава 3

Когда наутро Конан спустился в столовую «Синего быка», его сопровождала одна из девушек, постоянно обслуживавших клиентов этого трактира. Он положил ей руку на плечо, а она всячески пыталась поплотнее прижать его ладонь к своей груди.

Ткнувшись губами в массивное плечо киммерийца и взглянув на него снизу вверх, девушка негромко спросила:

– Вечером? – И добавила: – С тебя – полцены.

– Пожалуй, да, Заша, – сказал он, хотя прекрасно понимал, что даже за половину цены едва ли сможет провести с ней еще несколько ночей, – а теперь иди. У меня дела.

Она, танцуя и покачивая бедрами, убежала со звонким смехом, – что ж, пожалуй, еще одну ночь Конан мог себе позволить.

Забегаловка была почти пуста в такой ранний час. Двоих моряков в углу пытались лечить подобное подобным – заливая похмелье еще большим количеством вина, вытаскивая ради этого последние медяки из кошельков.

Однокая проститутка, отработавшая свое, сидела в углу, массируя себе ноги.

Фериан наполнил кружку кхораджанским элем, не дожидаясь заказа.

– Ну, есть что-нибудь стоящее внимания? – поинтересовался Конан, надеясь, что трактирщик постараится вернуть свой долг как можно скорее.

– Этой ночью, – начал Фериан, следя взглядом за тряпкой, которой возил по стойке, стирая с нее пыль, – стало известно, что Темба из Кассалии, перекупщик драгоценностей, важная шишка в торговой Гильдии, участвовал в тайных оргиях в храме Хаммирана. После этих мероприятий из храма исчезли бесследно четырнадцать девственниц и пять жриц. Наверное, теперь их можно разыскать где-нибудь на невольничем рынке. Тембе придется изрядно раскошелиться на храм, чтобы замять это дело. Кроме того, за ночь произошло по крайней мере двадцать убийств. Это только то, о чем мне уже известно. Я думаю, что еще о стольких же мы пока просто не знаем. Далее, пять дочерей лорда Бараша были застуканы, когда развлекались в конюшне с конюхами. Теперь их собираются отправить в монастырь Вары, как и принцессу Эсмиру, если, конечно, это не пустая болтовня.

– Мне нужно что-нибудь дельное, – прервал его киммериец, – что мне проку от девственниц да принцесс? Давай выкладывай.

Фериан усмехнулся, но не оторвал внимательного взгляда от своей тряпки.

– А вот последнее-то как раз и интересно. Эсмира – дочь принца Рошманли, главного из Семнадцати Советников короля Йилдиза. В этом городе грязных сплетен о ней говорили только то, что эта девушка – сама невинность. Однако ее решили отправить скрести полы храма и спать на жесткой циновке, пока ей не подберут мужа.

Неожиданно трактирщик ударил по столу кулаком и сплюнул. Плевок попал на деревянную стенку стойки, но Фериан даже не заметил этого.

– О Великий Митра! Киммериец, что тебе от меня нужно? Накануне вечером я сказал тебе, что не знаю ничего. Неужели ты думаешь, что я колдун и за одну ночь выясню ради тебя что-нибудь этакое? Если на твои вопросы могут ответить небеса, спроси старого Шарака. Он....

Вдруг взгляд Фериана упал на плевок, повисший на стойке. Трактирщик с осторожностью бросился вытираять его, словно боясь, что слюна прожжет доски.

Конан поиском взглядом знакомого ему по Шадизару астролога и увидел старика, опустившегося на табурет прямо перед входом. На нем была все та же старая хламида, похожая и на плащ и на тунику, запомнившаяся Конану еще в Шадизаре. Седых волос на голове старика

осталось совсем мало. Он, как обычно, опирался на длинный черный посох, который он называл волшебным, хотя никто никогда не видел, чтобы старик пользовался им в магических целях. Жидкие, но длинные усы обрамляли тонкий рот и спускались по подбородку. В костлявых, узловатых пальцах астролог держал несколько свитков.

Фериан еще раз протер крышку стойки и с сомнением оглядел ее.

– Не нравится мне мой долг, – пробурчал он.

– Я тоже не люблю, когда мне должны, – ледяные глаза Конана буравили кружку с элем, – особенно мне это не нравится, когда я вижу, что отдавать долг никто не собирается.

– Я всегда плачу, – запротестовал его собеседник, – что-что, а это известно всем. От Шахпурда до Шадизара. От Кутчемеса – до...

– Ну, так заплати мне.

– Трон Черного Эрлика! Да, может, твоя информация не стоит и двух медяков!

Конан заговорил тихо, не громче, чем шелестит нож, вынимаемый из ножен:

– Ты хочешь сказать, что я лжец, Фериан?

Фериан моргнул и судорожно сглотнул.

– Нет, что ты, Конан, – натужно засмеявшись, сказал он. – Ты неправильно понял меня. Просто я хотел сказать, что эта информация может оказаться не настолько ценной для других. Вот и все.

– Да если с тобой не рассчитались золотом сегодня же ночью, – презрительно усмехнулся Конан, – я готов податься в жрецы Асуры.

Фериан пробурчал себе под нос и, наконец, выдал:

– Ну, положим, я уже имею представление о том, сколько стоит твоя новость.

Конан расплылся в улыбке, однако трактирщик не почувствовал себя уютнее.

– Ну, если ты и впрямь представляешь себе ее ценность, Фериан, то почему бы нам не договориться о другой оплате долга?

– Заплатить по-другому? – глаза трактирщика забегали по-крысиному подозрительно. – А как?

Конан явно тянул время, неторопливо потягивая эль.

– Ну, киммериец, что ты предлагаешь? Как я должен расплатиться?

– Начнем с крыши над головой.

– Крыши? Ты хочешь пожить у меня? Пожалуйста. Можешь занять комнату на... на десять дней.

– Ты же человек чести, – ехидно заметил Конан и уточнил: – Твою лучшую комнату, а не свинарник, в котором я спал сегодня.

Фериан съязвил:

– Насколько я могу судить по лицу Заши, у тебя не так много времени оставалось на сон.

Посмотрев на выражение лица Конана, он поспешил согласиться:

– Ладно-ладно. Лучшая комната – твоя.

– И не на десять дней. На месяц.

– На месяц!

– И кое-какую информацию.

– Ему еще и информацию. Мы же договорились, что все это – вместо информации.

– Информацию, – твердо сказал Конан. – Я не настаиваю, чтобы оказаться единственным, кто узнает от тебя эту новость, как мы договаривались раньше. Но я хочу, чтобы ты рассказывал мне все, что узнаешь. И своевременно. В течение всего месяца.

– Я еще не согласился на месяц!

– Да, еще. Еда и выпивка. И учти, у меня зверский аппетит, – рассмеялся Конан. Обхватив

кружку, он опрокинул себе в рот ее содержимое. – Не откажусь еще от одной кружечки.

Кожа на бритом черепе Фериана задвигалась от злости.

– Может, что-нибудь еще? Весь трактир, например? Мою жену? Да, у меня еще есть дочь. Она живет где-то в Заморе. Хочешь, я отправлюсь на поиски и привезу ее тебе прямо в постель.

– А она ничего? – поинтересовался Конан. Он помолчал, как бы обдумывая решение, а затем покачал головой: – Нет, я думаю, что стол и жилье – этого будет достаточно.

Фериан только икнул и выпучил глаза.

– Конечно, – продолжил Конан, – при всем этом твой долг остается за тобой. Надеюсь, ты понял, что я жду по-настоящему стоящей информации. Я тебе подкинул ценную новостишку и ждал чего-нибудь подходящего взамен. Тебе же лучше, если ты выкопаешь что-нибудь поскорее, – лицо киммерийца помрачнело, и в голосе послышался скрежет металла, – а то ведь ты знаешь, мы, варвары, не такие понимающие, как вы, цивилизованные люди. Вдруг дней через десять я решу, что ты просто вздумал провести меня? Это ужасно разозлит меня. Я могу даже... – Его руки крепко впились в стойку, словно он собирался опрокинуть ее.

Фериану пришлось чуть ли не силой расцепить застывшие губы, чтобы прохрипеть:

– Нет! Не надо. Договорились. Решено – месяц и все остальное. Договорились.

– Договорились, – подтвердил Конан.

Трактирщик с тоской смотрел на него.

– Месяц! – простонал он. – Мои официантки будут проводить время в твоей постели. Какие из них после этого работницы! Слушай, киммериец, не трогай ты их. Ладно? Ты просто попользовался тем, что я мягкий, добрый человек.

– Я и не знал, что ты этим болен. Может, есть какое-нибудь лекарство от такой напасти, как доброта и мягкость?

– Спасибо Митре, что большинство твоих соплеменников обожает ваши богом забытые мерзкие скалы. Если еще парочка таких, как ты, спустилась бы с них и отправилась на юг, то все – вы бы прибрали к рукам весь мир.

– Да брось ты убиваться. Согласись, что ты заработал на мне раз в двадцать больше, чем потратишь.

Фериан хмыкнул:

– Только не лапать моих служанок, киммериец. Понял? А теперь вали отсюда. Если я хочу отработать убытки от тебя, я должен еще что-то делать. Иди поговори с Шараком.

Молодой киммериец взял кружку с элем и, смеясь, направился к старику.

– Он, по крайней мере, расскажет мне, что говорят звезды.

Астролог впился взглядом в подходящего к нему юношу. Вдруг его губы растянулись в улыбке:

– Я было подумал, что это ты, Конан, но не поверил своим глазам. Да, я уже не тот, что был двадцать, да даже десять лет назад. Садись. Я бы предложил тебе стаканчик вина, но мой кошелек плоский, как грудь моей покойной жены. Да хранят боги ее старые кости, – добавил он таким тоном, каким повторяют в тысячный раз ставшую уже привычной фразу.

– Не волнуйся, Шарак. Я закажу вина.

Но стоило Конану повернуться, как одна из подавальщиц поставила перед ним горшочек с чечевичным супом, положила добрую краюху хлеба и налила большую чашу вина. Выполнив ранее сделанный заказ, она повернулась, вопросительно глядя на юношу. Вдруг ее лицо вытянулось, и она с визгом отскочила от стола. Шарак ехидно захихикал. Девушка, потирая зад, ушла прочь.

Шарак далеко не сразу взял себя в руки и еще некоторое время продолжал довольно посмеиваться. Наконец он смог говорить. Первым делом он заявил:

– Главное, чтобы они поверили, что ты уже слишком стар и что тебя нечего бояться. Тут-то ты их и прихватываешь.

Конан запрокинул голову и от души захохотал.

– Нет, ты совсем не стареешь, – сказал он, отсмеявшись.

– Я – старый дурак, – сказал Шарак, запуская роговую ложку в суп. – Так говорит Фериан, и я, похоже, начинаю верить, что это так. Он два раза в день кормит меня. Если бы не это, мне бы пришлось питаться тем, что подадут на улицах, или отбросами на помойках. Так бывает почти со всеми, кто доживает до моих лет. Фериан чуть ли не единственный мой клиент. За харчи я читаю ему то, что говорят звезды. Каждый день. Такая тоска, скажу я тебе.

– А почему нет клиентов? Ты ведь читаешь по звездам, как писец – свой пергамент. Твои предсказания всегда сбывались, хотя в первый момент они зачастую были мне непонятны.

– Да ну их, этих туранцев, – вздохнул стариk. – В дурной час я решил перебраться сюда. Эти ребята половины звезд не знают. А эти местные астрологи... Таких ошибок, как они, я с детства уже ребенком не делал. Так они еще и приперли меня к стенке тем, что я – не член их Гильдии. Мне просто повезло, что на кол не посадили. Хотя результат, в общем-то, такой же. Только с отсрочкой приговора. Без разрешения Гильдии я не могу открыть свое дело. Меня сразу же арестуют. Кое-кому из чужеземцев я иногда читаю звездные карты, но они платят мне стаканом вина или парой лепешек вместо серебряной монеты, которую берут другие. Да окажись у меня хоть одна серебряная монета – я тотчас же вернулся бы в Замору.

С тяжелым вздохом он снова принял орудовать ложкой.

Конан немного помолчал, а затем медленно развязал кошелек на поясе и извлек оттуда серебряную монету.

– Расскажи мне мой гороскоп, Шарак.

Стариk так и застыл с ложкой на полпути ко рту. Он уставился на монету, потом заморгал и посмотрел на Конана:

– Зачем?

– Я хочу знать, чего мне ждать от этого города, – задумчиво ответил молодой человек. – Тебе я верю больше, чем любому члену Гильдии. Так пусть эта монета достанется тебе, а не им. Кроме того, она слишком тяжела для моего кошелька.

Шарак поколебался, затем кивнул. Не дотрагиваясь до монеты, он начал левой рукой разворачивать свитки, одновременно обтирая от супа правую. Когда нужный свиток был разложен на столе, астролог вытащил из складок своей заношенной туники восковую дощечку. Почти водя носом по пергаменту, он начал копировать нужные ему линии и символы на доске.

– Разве тебе не нужно знать, когда я родился и всякое такое? – спросил Конан.

– Я с закрытыми глазами нарисую карту твоего рождения, – ответил Шарак, не отрывая взгляда от пергамента. – Изумительная карта. Просто невероятная... М-м... Колесница Митры – позади...

– Изумительная? Ты мне никогда не говорил об этом.

Вздохнув, стариk поднял голову, чтобы взглянуть на киммерийца.

– Невероятная. Это я так. Ты бы мне просто не поверил, расскажи я тебе все это. А значит, ты не стал бы верить и всему остальному, что я тебе говорю. Следовательно, я не мог быть тебе полезен. Вот почему я молчал. Ну а теперь ты позволишь мне сделать то, за что ты мне платишь? – И, не дожидаясь ответа, он снова погрузился в свои расчеты. – Ага. Кровавая звезда входит в дом Скорпиона сегодня ночью. Это очень важно.

Конан сосредоточил внимание на выпивке. В зале появились посетители – в основном, как обычно, моряки и проститутки. Наблюдать за женщинами было интересно. Одна – невысокая, пышная, в ожерелье из монет – напомнила ему о Ясбет. Конан был бы рад узнать, что она дома,

цела и невредима. Еще больше он был бы рад увидеть ее у себя в комнате, в своей постели. Но если это невозможно – пусть сидит дома со своей Фатимой. Хотя, найди Конан эту девушку, – его жизнь в Аграпуре стала бы поприятней. Интересно, чего Эмилио так расписывал свою блондинку... как там ее? Кажется, Давиния. Неужели эта редкая для Турана блондинка – действительно так хороша? А что, если...

– У меня все готово, – прервал Шарак его размышления.

Конан вздрогнул и уставился на восковую доску, всю испещренную какими-то линиями и значками.

– Ну и что это значит?

– Все неясно, – начал старый астролог, покручивая ус. – Есть знаки блестящих возможностей и смертельной опасности. Смотри: конь и лев сочетаются в доме Драмата, и в тоже время Три Девы...

– Шарак, я не отличу дом Драмата от дома соседа-гончара. Что все это означает?

– Что означает? Все вы так: что значит, что значит? Всем наплевать на самое важное и интересное. На то, как... Да ладно. Первое: чтобы пойти вперед, тебе нужно отступить назад. Чтобы стать тем, кем тебе суждено стать, тебе придется стать тем, кем ты уже был.

– Что толку, – пробурчал Конан, – мало ли кем я был.

– Но это очень важно. Если тебе не удастся совершить это, ты не выберешься из Аграпура живым. Ты уже встал на этот путь и сам заставил события идти таким чередом.

Конана вдруг зазнобило.

– То есть как это – я сам заставил что-то или кого-то? Я здесь всего-то один день.

– И что? Ты ничего не делал? Ни с кем не разговаривал?

Конан только тяжело вздохнул:

– А про золото там есть что-нибудь?

– Золото будет у тебя в руках. Но это не важно. И оно влечет за собой большую опасность.

– Золото всегда важно. И всегда опасно. А про женщин что?

– Эх, молодость, – проворчал Шарак, – тут на твоем пути две женщины. А за ними – опять опасность.

– Женщины, пожалуй, всегда так же опасны, как и золото, – со смехом ответил Конан.

– Одна из них – черноволосая, а другая – наоборот, со светлыми волосами.

Смех киммерийца неожиданно оборвался. Блондинка? Давиния? Нет! Это означало бы пойти на кражу вместе с Эмилио, а он решил раз и навсегда развязаться с воровством. Но ведь Шарак только что сказал, что ему предстоит стать тем, кем он когда-то был. Нет. Конан попытался прогнать эту мысль. С воровством покончено. Слова астролога, наверное, относятся к чему-нибудь другому.

– Что еще? – хрипло спросил он.

– Я не виноват, если тебе не все понравится, Конан. Я только читаю то, что говорят звезды.

– Что еще, я тебя спрашиваю!

Шарак тяжело вздохнул:

– Не вини меня, если... Здесь снова большая опасность, связанная с дальней дорогой. Вот эти звезды, – он показал на группу связанных множеством линий точек, – указывают на путешествие по воде. А эти – показывают сушу. Непонятно мне это.

– Если хочешь знать мое мнение, то мне вообще ни черта не понятно, – пробурчал Конан.

– А здесь все становится и вовсе неясным. Желтый цвет приобретает огромную важность.

– Золото...

– Наплевать на него. Тут про него ничего нет. А с этим желтым цветом связана еще большая опасность.

Киммериец явственно заскрипел зубами:

– Тебя послушать, так даже дышать – и то опасно.

– Похоже, что так и есть, если верить карте. А что до остального, то число тридцать и красный цвет связаны между собой и тоже кое-что значат. Кроме того, это сочетание Обезьяны и Змеи говорит, что действовать придется быстро и решительно. Малейшее сомнение – и момент упущен. А тогда – только смерть.

– Ладно, чему быть – того не миновать, – задумчиво сказал Конан. – Меня не запугают ни звезды, ни боги, ни демоны.

Шарак нахмурился и вдруг пододвинул монету к Конану:

– Если тебе так не нравятся мои предсказания, то я не возьму плату.

Кровь словно вскипела в жилах юноши:

– Не твое дело, нравятся мне твои слова или нет. Забирай деньги, а я учту то, что ты мне наговорил.

Старик-астролог неожиданно заговорил совсем другим тоном:

– Мне восемьдесят два года. И за всю жизнь у меня не было никаких приключений, – он сжал ладонью свой посох, лежащий на столе, – в этой штуке есть магическая сила, киммериец. Так что я могу быть очень полезен.

Конан подавил улыбку:

– Я не сомневаюсь в этом, Шарак. Если мне понадобится такая помощь, я позову тебя, не беспокойся. А пока что помоги мне в другом деле. Ты не знаешь, где можно найти Эмилио в такой час?

– Этого пустомеля? – недовольно переспросил Шарак. – Он шляется по таким местам, что диву даешься, как он еще жив. Одно хуже другого. Я могу назвать десяток самых загаженных кабаков и борделей, где он имеет обыкновение проводить время. Я могу помочь тебе разыскать его, если это действительно нужно, хотя ума не приложу, на что он тебе сдался?

– Когда поешь, поищешь в своих свитках ответ.

– Я лучше поищу этого парня по борделям.

Конан рассмеялся и встал из-за стола, а Шарак вернулся к своему супу.

Повернувшись к двери, киммериец встретился взглядом с только что вошедшим человеком – смуглым, черноволосым, в тюраноподобном шлеме туранской армии. Судя по полосе на его тунике, он был офицером. Фериан вскочил ему навстречу, чтобы обслужить поскорее. При этом он недовольно нахмурился. Военные не были частыми гостями «Синего быка», и остальные гости их не жаловали.

– Я ищу человека по имени Эмилио-коринфиец, – обратился посетитель к Фериану.

Конан вышел на улицу, не дожидаясь ответа трактирщика. Это дело его не касалось. По крайней мере, он на это надеялся.

Глава 4

В седьмой трактир Конан зашел, пошатываясь от выпитого эля и вина. Шлюх в нем было больше, чем в других, и Конан сообразил, что верхние этажи здания заняты борделем. За столами и у стойки толпились плечом к плечу моряки и представители различных ремесленных цехов и купеческих гильдий. По соседству были видны и шелковые, вышитые золотом и серебром туники аристократов. Их тонкие, изящные пальцы щипали и прихватывали девушек не менее ловко, чем грубые лапы матросов.

Киммериец пробился к стойке и с грохотом опустил на нее два медяка.

– Вина, – потребовал он.

Подавальщик сунул ему грубую глиняную чашу, до краев наполненную пахнущей кислятиной жидкостью, и сгреб монеты. Лицо трактирщика напоминало морду змеи – худое, с маленькими подозрительными глазками и тонким ртом. Он был не из тех, кто запросто отвечает на вопросы. Другой посетитель позвал его, и трактирщик, вытирая руки о передник, пошел выполнять заказ.

Конан сделал глоток и сморщился. Вино было разбавлено, а его запах соответствовал вкусу.

Разглядывая помещение, он встретился взглядом со странно одетой проституткой. Она залезла на стол, чтобы танцевать перед полудюжиной матросов, хватавших ее за голые ноги. Ее вспотевшая грудь была обнажена, а весь наряд состоял из длинной полосы ткани шириной с ладонь, которую она обмотала вокруг бедер и пропустила между ног.

Странным же было то, что темная вуаль закрывала ее лицо книзу от горячих темных глаз до шеи. Уличные девки никогда не прячут лица. Наоборот, они размалевывают его, чтобы издалека привлекать внимание мужчин. А в этом зале Конан заметил еще троих женщин, чьи лица были скрыты вуалями.

Конан поймал трактирщика за полу туники, когда тот проходил мимо него:

– Я никогда не видел, чтобы шлюхи прятали лицо. Они что, скрывают сифилитические язвы?

– А ты, видать, недавно в Аграпуре, – с легкой улыбкой сказал тонкогубый трактирщик.

– Только что приехал. Так что с этими бабами?

– Говорят, что некоторые благородные дамы, которым наскучили их добропорядочные мужья, приходят в такие заведения, чтобы отвести душу, почувствовав себя настоящей проституткой. Ну, так они развлекаются. А лица они закрывают, чтобы их мужья, которые точно так же, как и менее благородные мужчины, ходят время от времени в бордель, не узнали их. Так говорят. А какой мужик откажется всего-то за серебряную монету трахнуть жену какого-нибудь лорда?

– Наверное, дело доходит до убийства, если какой-нибудь аристократ узнает, что только что купил свою собственную жену?

– А вот не угадал. Эти на вуальки не клюют. Подумай сам, кто захочет рисковать, – такой позор: узнать в шлюхе жену?

И вправду, вокруг каждой женщины с закрытым лицом толпились матросы и грузчики, иногда торговцы, но аристократы демонстративно не замечали их существования.

– Попробуй какую-нибудь из них, – предложил человек со змеиным лицом. – Узнаешь, по-другому ли будет держаться под тобой какая-нибудь аристократка.

Конан приложился к чаше, словно прикидывая. Если бы его сейчас интересовало приятное времяпрепровождение, он предпочел бы честную проститутку, а не прикидывающуюся онай аристократку. Но сейчас ему было важно разговорить трактирщика. Этот парень явно имел свое

с каждой из тех, с кем развлекались его посетители на верхних этажах. А следовательно, он будет более разговорчив, если увидит в Конане возможного клиента. Прикинув, Конан опустил чашу.

— Дело такое... стоит подумать, — протянул он, разглядывая ближайшую женщину. Настоящая кабацкая девка с размалеванным лицом, голым, как ее танцующая задница. Как бы невзначай Конан сообщил:

— Да я тут приятеля ищу. Мы не встретились, как договорились. А я так думаю, что сюда он наведывается частенько...

Трактирщик отпрянул, и его голос мгновенно стал ледяным:

— Посмотри вокруг. Если он здесь, ты его увидишь. Если нет — извини уж...

Пожав плечами, хозяин заведения решил было уйти, но Конан, перегнувшись через стойку, схватил его за руку, всячески стараясь изобразить на лице дружелюбную улыбку:

— Я тут его не вижу. Но он очень нужен мне. Его зовут Эмилио из Коринфии. Я готов заплатить столько, сколько стоит ночь с этой шлюхой, тому, кто поможет мне разыскать его.

Если Шарак прав (а он всегда оказывался прав), Конану и вправду позарез нужно было найти Эмилио.

Лицо трактирщика стало еще больше похоже на змеиную морду, но его глаза сверкнули при имени Эмилио.

— Мало кто согласится заплатить за то, чтобы найти приятеля. Может быть, этот, как ты его назвал, — Эмилио? — вовсе тебе и не друг. Может, он вовсе не рвется увидеть тебя. Ашра! Вышвырни отсюда этого придурука с бледными глазками.

— Слушай, — продолжал Конан, — я могу доказать, что знаю его. Он...

Тяжелая рука опустилась на плечо киммерийца, и гортанный голос произнес:

— Проваливай отсюда.

Конан повернул голову ровно настолько, чтобы оценить здоровенную ладонь, ломаные суставы и шрамы на пальцах. Затем его взгляд скользнул по руке, которая была толще, чем нога нормального человека. Затем — еще выше. Этот Ашра и вправду был на голову выше даже самого Конана и к тому же вдвое шире в плечах. При всем этом на нем не было ни капли жира. При всех шрамах на руках лицо и широкий нос этого великана не были обозражены ни единой царапиной. Мало кому удавалось даже достать до его головы, промелькнуло в мозгу киммерийца.

Конан пытался придать своему голосу самые примирительные интонации. Драка редко дает информацию.

— Я ищу человека, а не неприятностей. Убери руку, и я...

Вместо ответа верзила ткнул Конана в плечо. Киммериец позволил себе развернуться, как бы от удара. Но улыбка на лице Ашры оставалась недолго — лишь до того момента, когда кулак киммерийца влетел тому в бок, с явным хрустом ломаемых ребер. Вокруг раздались крики посетителей, отскакивающих от дерущихся. Второй кулак Конана тоже вошел в грудную клетку великана, и опять раздался хруст ломаемых костей.

С ревом Ашра схватил голову Конана обеими руками и сжал, словно желая раздавить череп противника. Но волчий огонь уже загорелся в глазах киммерийца. Он просунул руки между локтями Ашры и тоже схватил голову противника — одной рукой сверху, а другой снизу, за подбородок. Конан надавил изо всех сил, и бычья шея медленно-медленно стала поддаваться. Сделав шаг, Ашра вдруг ослабил хватку, но тотчас же перехватил Конана, сжав его обеими руками на уровне груди, решив сломать ему позвоночник.

Улыбка на лице киммерийца могла заморозить кровь в жилах нормального человека. Он понял, что через несколько мгновений сломает шею вышибалы. Но убийство заткнет рот

трактирщику лучше любого кляпа. Неожиданно Конан ослабил хватку. Ашра засмеялся, решив, что уже победил. Вдруг руки киммерийца взлетели в воздух и со всего размаху ударили открытыми ладонями по ушам противника.

Ашра застонал и отпустил Конана, закрыв руками кровоточащие уши. Освободившись, киммериец нанес два удара кулаками по уже сломанным ребрам, а затем еще один – в сердце противнику. Глаза Ашры вылезли на лоб, ноги подкосились, но он не упал. Конан ударил еще раз. Ни разу не ломанный нос верзилы брызнул фонтаном крови. Ашра медленно повалился навзничь, сломав стоявший позади него стол. Из последних сил он попытался встать, но затих, потеряв сознание.

Вокруг упавшего собралась щущукающая толпа. Двою взяли его за ноги и, кряхтя, потащили к выходу. Многие женщины тепло смотрели на Конана, облизывали губы, покачивали бедрами. Среди прочих и те, что носили вуали. Не обращая на них внимания, Конан вернулся к делу.

На лице трактирщика было почти такое же выражение, как у поверженного Ашры. В его руке так и осталась сжатой большая деревянная колотушка.

Конан вынул тяжелую деревяшку из рук трактирщика и взялся обеими руками за середину толстой ручки. Напряглись сильные мышцы – и два обломка с треском упали на стойку.

Трактирщик облизнул пересохшие губы, глядя на Конана как на привидение.

– Я еще не встречал человека, которого Ашра не мог бы разорвать пополам голыми руками, – пробормотал хозяин кабака.

Затем его взгляд упал на обломки колотушки, и змееподобное лицо вытянулось еще больше. Вдруг в почти остекленевших глазах сверкнула мысль.

– Слушай, – обратился трактирщик к киммерийцу, – а тебе работа не нужна? Место, занятное этим мешком мяса, ты освободил себе сам. Серебряная монета в день. Плюс комната, еда, выпивка и любая девочка на выбор, если она в этот момент не с клиентом. Мое имя – Манилик. А как зовут тебя?

– Я не намерен становиться вышибалой, – сухо ответил Конан. – А теперь выкладывай, что тебе известно об Эмилио.

Манилик мгновение колебался, а затем натянуто засмеялся:

– Похоже, ты и вправду знаешь его. Просто я умею держать язык за зубами. Ты ведь меня понимаешь? Сболтнешь что-нибудь лишнее, а потом и без языка останешься недолго. А я свой язык не на помойке нашел.

– Можешь высунуть его. Где Эмилио?

– Знаешь, чужестранец, это ведь проблема… нет, я все понял, я знаю кое-что об Эмилио, – заверещал трактирщик, увидев, как поднимается над стойкой тяжеленный кулак, – знаю, но очень мало. И потом, я его уже три дня не видел.

– Три дня, – пробормотал Конан. Никто из встреченных им не видел Эмилио позже, чем три дня назад. – Этот идиот наверняка развлекается со своей чертовой Давинией.

– Давиния? – в голосе трактирщика послышалось удивление. – Если ты знаешь о ней, то, может быть, знаешь и… – Он затрясся от нервного смеха под холодным взглядом Конана.

– А что тебе известно о Давинии, Манилик?

Трактирщик вздрогнул от того, как спокойно был задан вопрос. Это спокойствие напоминало покой могилы. Может быть, его собственной. Поэтому он не торопился с ответом. Слова срывались с его губ редко, как капли воды в пересохшем источнике.

– Она – любовница генерала Мундара Хана, вар… э-э, чужестранец. Опасная женщина для Эмилио. Он ей нужен даже не как мужик. Эта стерва хочет использовать его для каких-то своих целей. Она появилась в Аграпуре года два назад, с караваном какого-то заезжего торговца слоновой костью. Торговец уехал, а она осталась. Осталась в доме мелкого перекупщика

драгоценностей. Потом она несколько раз меняла мужиков с большой пользой для себя. Сначала – средней руки торговец коврами, затем третий в городе судовладелец, а теперь – Мундар Хан, двоюродный брат короля Йилдиза. Мог бы быть принцем, не будь его мать наложницей в гареме.

Слова слышались все реже и реже. Наконец Манилик совсем замолчал. Его рот перекосила гримаса боли, оттого что ему пришлось задаром выдавать то, что в другой ситуации он бы выгодно продал.

Конан нагло соврал, рассмеявшись и поинтересовавшись:

– Ты и дальше будешь мне рассказывать то, о чем болтают на каждом углу? Я уже слышал, как кабацкие девки обсуждали, сможет ли Давиния перебраться в постель к самому Йилдизу.

– Я и не знал, что это так хорошо известно, – оправдываясь, забормотал трактирщик, – тогда Эмилио следует побыстрее исчезнуть отсюда. Слухи скоро дойдут до генерала, и тогда твоему приятелю не поздоровится. Только пусть сначала с долгами рассчитается. Он тут что-то молол про золотишко, которое собирался подзаработать на каком-то деле. Если увидишь его и если ты действительно друг коринфийцу – предупреди его, что Наркесес-замориец очень злится на него и собирается либо получить обратно долг, либо всадить Эмилио нож в ребра. Только не проговорись, что это я предупредил тебя и твоего дружка. Мне вовсе не улыбается, чтобы замориец явился по мою душу прежде, чем Эмилио отправит его на тот свет.

Манилик нервно облизнул губы. Сама жадность во плоти. Конану было ясно, что при первой же возможности трактирщик отправит гонца, чтобы предупредить и Наркесеса. Кто из двоих – Эмилио или Наркесес – останется в живых, Манилику наплевать. Он просто потребует у победителя вознаграждение за вовремя переданное предупреждение. Но в планы Конана вовсе не входило добавлять неприятностей коринфийцу.

– Значит, он говорил, что собирается перехватить кое-какое золотишко?

Трактирщик только пожал плечами:

– Ты, быть может, знаешь об этом больше меня, незнакомец.

Конан, мрачно улыбаясь, вышел из трактира не попрощавшись. За первым же углом он остановился и стал ждать. Закатное солнце огненным шаром опускалось где-то за крышами, окрашивая город в кровавый цвет.

Через несколько минут из дверей кабака выскоцила, на ходу натягивая капюшон плаща, одна из подавальщиц – худенькая черноволосая девушка. Конан схватил ее за руку и утянул в узкий проход между домами. Глаза и рот девушки так и остались широко раскрытыми от удивления. Она даже не вскрикнула.

– Значит, Манилик послал тебя к Наркесесу, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Конан.

Очнувшись, она зло посмотрела на киммерийца:

– Я тебе ничего не скажу. Отпусти меня.

Разжав пальцы, Конан даже слегка подтолкнул ее к середине улицы:

– Ну что ж. Иди. Никогда я еще не видел, чтобы человек так торопился подставить под нож свое горло.

Девушка в нерешительности остановилась, потирая руку и разглядывая подпрыгивающие на булыжниках телеги. Матросы и торговцы сновали между большими колесами. Один рывок – и она затеряется в толпе. Но что-то удерживало ее на месте и заставляло спросить:

– А что Наркесес может иметь против меня? Я его ни на грош не обсчитала. Всегда молчала о том, что слышала, когда он спьяну болтал лишнее.

– Так ты что, не знаешь? – с преувеличенным недоверием спросил Конан. – Про алтарные делишки?

– Чего я не знаю? Какие еще делишки?

— Я слышал, как Манилик говорил, что посыпает девчонку к Наркесу, чтобы... — тут он прервался и покачал головой, — нет, лучше тебе и не знать этого. Все равно от судьбы не уйдешь.

Девушка натужно засмеялась:

— Не пытайся запугать меня. Я всего-то должна сказать Наркесу, что Манилик хочет поговорить с ним. А что ты слышал?

Конан только хмурился, словно раздумывая. Наконец девушка не выдержала и шагнула к нему, положив дрожащую руку на плечо:

— Ну, скажи мне. Пожалуйста.

— Не думаю, что это поможет тебе, — с деланной неохотой ответил Конан, — Наркес найдет тебя, куда бы ты ни сбежала.

— Мои родители живут в деревне, далеко от города. Он никогда не найдет меня там! Ну, скажи же!

— Наркес продает молодых девушек Культу Рока для жертвоприношений, — наугад соврал Конан и тотчас же стал добавлять устрашающие детали: — Тебя привяжут к алтарю, перережут горло и соберут твою кровь в священную чашу, а потом...

— Нет! — воскликнула она, отшатнувшись и схватившись рукой за горло. Ее лицо позеленело, казалось, что девушка вот-вот упадет в обморок. — Я никогда не слышала, чтобы Культ Рока устраивал человеческие жертвоприношения. И вообще, закон запрещает приносить в жертву свободных граждан.

— Разве кто-нибудь узнает об этом, когда ты тихо умрешь, а твое тело будет выброшено в море, — Конан пожал плечами. — Нет, если ты мне не веришь, отправляйся к своему Наркесу. Может быть, он тебе все толковее разъяснит по дороге к лагерю Культа.

— Что же мне делать? — простонала девушка, делая несколько нервных шагов то в одну, то в другую сторону. — У меня нет ни денег, ни чего-нибудь ценного. Только та одежда, что на мне. Как же я доберусь до своих родителей?

Вздохнув, Конан выудил горсть медяков из мешочка, висевшего на его поясе. Эмилио рассчитается с ним, узнав, на что пошли деньги.

— Держи. На дорогу тебе хватит.

— Спасибо, спасибо, — пробормотала она и, сжав в кулаке монеты, побежала по улице.

Хоть бы поцеловала на прощание, подумал Конан, провожая ее взглядом. Что ж, если повезет, то Манилик только к концу завтрашнего дня разберется в том, что случилось. Значит, есть день. День, чтобы найти Эмилио, не боясь наткнуться на его труп. История, которую Конан сочинил для девочки, оказалась даже более убедительной, чем он сам ожидал. С довольной улыбкой киммериец зашагал по улице.

В сгустившихся сумерках он не заметил бритоголового человека в оранжевой одежде, который, стоя в переулке рядом с трактиром, с интересом наблюдал за ним.

Глава 5

Ночь спустилась на резиденцию Культа Рока. Ни единой луч света не нарушал темноты, ибо все служители Культа просыпались, работали, ели и ложились спать только по команде. Ни единой монеты не тратилось на освещение. Однако в зале, где Джандар принимал сорок своих самых верных последователей, бронзовые лампы в виде львиных лап ярко освещали алебастровые стены с барельефами и многоцветную мозаику пола.

Все сорок Избранных встали на колени при появлении Джандара. Каждый приложил ко лбу кинжал.

– Благословен будь Священный Хаос! – затянули они свое ритуальное приветствие. – Благословен будь беспорядок, смятение и анархия!

– Благословен будь Священный Хаос! – в тон им ответил Джандар, одетый в такую же оранжевую тунику, что и все остальные.

Он окинул взглядом золотую, с изумрудными инкрустациями, шкатулку, стоявшую на треножнике перед ожидающими его людьми. Пальцы Джандара, словно змеиные языки, быстро пробежали по запечатанным крышкам четырех десятков каменных флаконов, стоявших в шкатулке. Даже сквозь камень он чувствовал свежесть крови, наполнявшей каменные сосуды.

Один из присутствующих нарушил молчание:

– Все было выполнено точно в назначенное время, Повелитель.

Джандар лишь бросил на него раздраженный взгляд. Естественно, что те, чья кровь сейчас покоилась в этих флаконах, были убиты в том месте и в то время, когда он приказал это сделать. Те, кто убивал, не знали, зачем они это делают, не знали, зачем нужно собрать кровь жертвы, пока ее сердце еще бьется. Они верили, что служат великой цели, и умели подчиняться. Джандару этого было вполне достаточно.

– Идите, – скомандовал он. – Вас ждет еда и вино. Потом – спать. Идите.

– Благословен будь Священный Хаос, – пропели они и, вытянувшись цепочкой, вышли из зала.

Джандар подождал, пока за ушедшими закроется тяжелая бронзовая дверь, и только тогда снова заговорил:

– Че Фан, – позвал он, – Суйтай. Ко мне.

Двоих высоких, сухощавых мужчин, одетых в черное, появились словно из-под земли. Стоило большого труда рассмотреть поворотную каменную плиту в стене, из-за которой они вышли. Увидев их, любой человек обратил бы внимание на столь необычных даже для видавшего виды Аграпура людей. Сильно раскосые глаза, кожа цвета пергамента, потемневшего на солнце. Они настолько сильно отличались от всех других, что невозможно было бы определить их возраст. Они были похожи, как близнецы. Тот, которого звали Че Фан, был, пожалуй, чуть повыше ростом. По призванию и профессии они были убийцами и могли убивать голыми руками.

Суйтай взял шкатулку, а Че Фан открыл в стене маленькую деревянную дверь, лакированную и отполированную до зеркального блеска. Джандар шагнул в узкий коридор, оба желтокожих человека следовали за ним по пятам. Бритоголовый колдун старался, чтобы эти двое пореже попадались на глаза людям. Даже Избранные редко встречались с ними.

Коридор привел их в другое помещение, в центре которого располагался круг черной, хорошо перекопанной земли. Тринадцать столбиков высотой по пояс окружали этот круг.

Привычными движениями Суйтай начал расставлять каменные флаконы, слегка вдавливая их в землю. Он расположил их четырьмя группами в форме крестов.

– Повелитель, – заговорил Че Фан хриплым шепотом, – мы следуем за тобой повсюду, куда

ты нам прикажешь. Но наша жизнь пуста.

Джандар посмотрел на него в изумлении. Ни один из этих убийц никогда не заговаривал первым.

— Может, вы предпочитаете оказаться там, где я вас подобрал?

Че Фан вздрогнул. Его и Суйтая замуровали заживо в стене тюрьмы в Кхитае, куда бросили и Джандара. Во время своего побега он случайно освободил их. Тогда оба поклялись следовать за ним повсюду и служить ему до смерти. Судя по испуганному виду убийцы, Джандар понял, что тот вполне правдоподобно представил себя вновь в каменном мешке.

— О нет, Повелитель, — наконец выдавил из себя кхитаец, — мы, Суйтай и я, лишь просим чаще использовать наши способности в деле. Ведь с тех пор как... — Тут его голос снова задрожал: второй убийца ничем не поддержал своего товарища, а молча, не глядя на него, продолжал выравнивать фланкончики.

Лицо Джандара потемнело. В этом «с тех пор» он почувствовал намек, напоминание о его поражении, случившемся несколько лет назад. Колдуна стоило больших усилий не сорваться на крик. Но и без этого его голос мало уступал по мелодичности скрежету железа о камень.

— Идиот! Ваши способности, как вы их называете, уничтожают саму сущность человека, как вы оба прекрасно знаете. Мне ничего не остается после ваших убийств. Когда мне снова потребуется ваш талант, и если он мне понадобится, я прикажу вам действовать. Или, может быть, вы хотите сейчас встать в круг и получить последний приказ?

Суйтай резко отскочил от круга земли.

— Нет, Повелитель, — хрипло ответил Че Фан, — я молю о прощении за мою дерзость.

Оба убийцы, как один, согнулись в глубоком поклоне.

Выдержав паузу, Джандар заговорил:

— Можете выпрямиться. Нам еще предстоят тяжелые дни, когда даже вас утомит столь любимое вами дело. А теперь можете идти. У меня тут есть чем заняться одному.

Как только они скрылись за дверью, Джандар переключил все свое внимание на более важные для него вещи.

Из складок своего одеяния он извлек черный мелок. На верхней площадке четырех равноудаленных от круга столбиков он начертил древние кхитайские символы четырех времен года. При этом он нараспев произносил какие-то слова на незнакомом даже ему языке. Но хотя он и не знал значения этих слов, результат их произношения был ему знаком. На следующих четырех столбиках были начертаны символы четырех сторон света, затем — четырех стихий. При этом Джандар ни на секунду не переставал начитывать свои заклинания. Оставался лишь один столбик, верхняя площадка которого была свободна. На нем Джандар начертил символ жизни, а затем поверх него — знак смерти.

В зале стало холодно, последние слова заклинаний вылетали из рта с облачками пара. От черной земли поднялась серебристо-голубая мгла, как над волшебным бассейном, только более бледная и почти прозрачная. Джандар почувствовал, как Сила входит в него.

В центре светящегося облака мелькнула яркая вспышка, и воздух в зале содрогнулся, как от удара грома. Стоявшие в круге каменные фланконы рассыпались в пыль, и земля жадно впитала пролившуюся кровь.

Не прекращая заклинаний, Джандар сосредоточился на Силе, лившейся по его венам, и заставил ее сделать то, что ему нужно. Каждая частичка его существа требовала, просила, умоляла о чуде вызывания, воскрешения мертвых.

Политая кровью земля зашевелилась. По ней поползли трещины. Вдруг в одной из трещин показалась извивающаяся рука мертвенно-зеленого цвета с ногтями, похожими на ногти дикого зверя. Рядом с ней появилась еще одна, потом еще. Так по всему кругу потянулись из-под земли

страшные руки, стремящиеся прорыть, прокопать себе путь наверх. Попавшие в рабство Джандару, эти создания мало чем походили на людей, хотя были тем, что осталось от убитых по приказу колдуна мужчин и женщин. Сейчас между ними не было разницы ни по полу, ни по возрасту. Все были одинаковы. Голая кожа плотно обтягивала купола черепов, на которых светились страшным огнем глаза, видевшие могилу изнутри. Безгубые рты издавали какофонию стонов и завываний.

Джандар прекратил читать заклинания и тотчас же почувствовал, как Сила уходит из него, словно вода из решета. Вместе с Силой исчезала и светящаяся мгла. Страшные создания повернулись к Джандару и, впервые увидев его, застонали и завыли еще громче.

– Молчать! – крикнул он, и в воздухе повисла гробовая тишина.

Он вызвал их, и им оставалось только подчиняться, хотя кое-кто и глядел на своего повелителя с неосознанной яростью. Такие находились в каждой партии.

– Слушайте меня. Каждый из вас должен вернуться в тот дом, где он служил при жизни. Там, в плотском обличье, вы будете смотреть и слушать. То, что скрывают ваши бывшие хозяева и хозяйки, вы расскажете мне, когда я вас вызову в следующий раз. Ничего больше вы не посмеете сделать без моего приказа.

– Слушаю и повинуюсь, – раздались нестройные голоса.

– Тогда во имя крови, земли и Силы Хаоса, которой я вызвал вас, – пошли прочь!

В воздухе раздался сильный хлопок, и уродливые формы исчезли.

Джандар усмехнулся и вышел из зала. Он уже знал о секретах Турана больше, чем любые десять самых информированных людей. Он уже мог влиять на самые важные в стране решения, вовремя шепнув в нужное ухо кое-что из того, что было ему известно и о чем обладатель этого уха предпочел бы хранить молчание. Фактически, он сам принимал эти решения. Скоро сам трон падет к его ногам. Джандар вовсе не жаждал, чтобы его роль истинного правителя Турана стала известна всем. Хватит и осознания того, что он правит. Сейчас Тураном, затем последует Замора, а затем...

– Повелитель!

Джандар, вырванный из сладких грез, недовольно посмотрел на бритоголового мужчину, нагнавшего его в одном из коридоров.

– Почему ты беспокоишь меня, Зефран? – спросил колдун. Ведь даже Избранным не позволялось заговаривать с ним первыми.

– Простите меня, Великий Господин, – сказал Зефран, низко поклонившись. – Но я оказался свидетелем одной очень знаменательной встречи в городе, на закате.

– Какой еще знаменательной встречи? Что за чушь?

– Какой-то варвар рассказывал одной девчонке о жертвоприношениях Культа и об использовании крови жертв в магических целях.

Джандар сжал кулаки так, что пальцы побелели:

– Кто это был? Гирканиец?

– Нет, Повелитель.

– Другого не может быть.

– Господин, его кожа там, где ее не покрыл загар, бледнее, чем у любого из нас. А самое странное – это его глаза. Синие, как море.

Джандар прислонился к стене. В Гиркании, по ту сторону моря Вилайет, он впервые основал Культ, выстроил Сосуд Силы. Он мог бы превратить дикие воинственные племена гирканийцев в единую силу, послушную его слову. Он послал бы эту гигантскую лавину всадников на завоевание Турана, Заморы, а затем и дальше на запад, к Великому Океану.

Но он невнимательно отнесся к поведению оживленных. Кое-кому из них удалось передать

правду о Культе живым. Тогда эти кочевники ополчились против него, начали убивать его последователей. Только ценой потери всего созданного он смог избежать неминуемой смерти. Но эти дикари – гирканийцы – затаили гнев на него до поры до времени и только ждали возможности отомстить. Где-то в глубине души Джандар боялся их. Хотя сейчас это было, наверное, смешно.

– Повелитель, – удивленно переспросил Зефран. – Я не понимаю, почему горстка гирканийцев так обеспокоила вас. Те немногие, которых я видел в городе...

– Ты ничего и не поймешь, – оборвал его Джандар. – Этот варвар. Ты убил его?

Зефран только смущенно вздохнул:

– Господин, я потерял его в толпе у порта.

– Идиот! Поднимай своих людей! Найти этого варвара! Он должен умереть. Нет! Привести его ко мне. Я должен выяснить, кто еще знает то, что не должен знать никто. Ну, чего ты ждешь? Давай, пошел отсюда! Живее, придурок!

Зефран убежал, оставив Джандара в лихорадочных раздумьях. Нет. Не может быть. Он не может позволить себе еще одну неудачу. Пусть мир погибнет, если это будет нужно. Но он больше не потерпит поражения.

Глава 6

Конан спустился по лестнице, ведущей в общий зал «Синего быка», с величайшей осторожностью. Он не был уверен, что его череп разлетится на куски при одном неверном шаге, но предпочитал не рисковать. Предыдущая ночь осталась в памяти как непрерывное хождение из одного трактира в другой. Стакан опустошался за стаканом. И вот награда за все старания – голова как чугунный котел.

С тяжелым вздохом Конан опустился на скамейку рядом с Шараком, увлеченно орудовавшим ложкой в горшке с супом.

– Как ты можешь это есть, Шарак? – пробурчал киммериец. – От одного запаха наизнанку выворачивает.

– Все дело в правильном образе жизни, – хихикнул Шарак. – Я живу подобающим образом, и мне не приходится мучиться от избытка винных паров в голове. По крайней мере не часто. И это приносит мне удачу. Этой ночью, расспрашивая трактирных девок про Эмилио, я выяснил, что они обожают заморскую астрологию. И знаешь почему?

– Что ты выяснил про Эмилио, Шарак?

– А все потому, что она – иностранная. А для этих дур все привозное лучше родного. Конечно, многие предлагали расплатиться не монетой, а натурой. – Шарак снова захихикал. – И я провел ночь с девочкой с восхитительной грудью и...

– Шарак! Что с Эмилио?

Старик вздохнул:

– Знаешь, если бы тебе пришло в голову прихвастнуть немного, я бы не стал тебя перебивать. Ничего особенного я не узнал. Три человека, из них две шлюхи, сказали мне, что Эмилио вчера отправился на дело. Грозился заработать много золота.

– Я разыщу его, чего бы мне это ни стоило, – сказал Конан, но уже без особого энтузиазма. К нему все больше приходила уверенность в том, что Эмилио мертв. Погиб, пытаясь украсть ожерелье.

– Почему я не пошел с ним! – воскликнул киммериец.

– Куда? – спросил Шарак. – Подумай, скольким людям этот болтун рассказал о своем деле. Ты представляешь, как многие ждали его появления, пряча кинжал за пазухой. И этот Наркес, и Фентрас из Кофа, и даже этот сержант, который приходил сюда расспрашивать об Эмилио. Если этот парень остался в живых, то в Аграпуре его нет. Это уж точно.

– Эмилио хотел забраться в хранилище Культа Рока, Шарак. Я так думаю, что он пошел на дело два дня назад.

– Тогда он точно покойник. Это место пользуется дурной славой у местных воров. Считается опасным даже подумать о том, чтобы поживиться там чем-нибудь.

– Он собирался украсть ожерелье с тридцатью рубинами для женщины со светлыми волосами и просил меня помочь ему.

Старик-астролог уронил ложку в суп:

– Может быть, я что-то напутал... В конце концов, я уже очень стар. Так что все это, вероятно, чистое совпадение. Ну, я про Эмилио и все остальное...

– Может быть, оно, конечно, и совпадение, – усмехнулся Конан, – но что-то не верится мне в это. Я не припомню ни одной твоей ошибки. Здесь, по-моему, все ясно. Я должен пробраться туда и украсть это проклятое ожерелье.

Скамья, на которой сидел Конан, неожиданно скрипнула под тяжестью опустившегося на нее человека.

— А я должен пойти с тобой, — вступил он в разговор.

Конан посмотрел на непрошеного собеседника. Это был тот самый смуглый черноглазый сержант туранской армии, который разыскивал Эмилио.

— Меня зовут Акеба, — добавил он.

Рука Конана легла на рукоять меча.

— Плохая привычка — подслушивать чужие разговоры, — с угрозой в голосе сказал он.

— Мне наплевать, что ты там собираешься воровать, — сказал Акеба. Его руки спокойно лежали на столе. Казалось, он не обращает никакого внимания на меч киммерийца. — Я знаю, что Эмилио не боялся этого места. Но ты говоришь, что он мертв. У меня там есть свое дело, и мне нужен напарник, который прикроет меня со спины, человек, который не боится Культа. Если ты пойдешь туда — я пойду вместе с тобой.

Шарак прокашлялся и спросил:

— Чего ради сержанту туранской армии вламываться в резиденцию Культа ночью, втайне от всех?

Лицо Акебы искривилось, как от боли.

— Моя дочь Зорель. Ее похитили последователи этого проклятого Митрой культа. Хотя она могла и сама присоединиться к ним по наивности. Они не позволяют мне встретиться с нею, но однажды я увидел ее издалека. Она стала совсем другой: не смеется, не улыбается. У нее не лицо, а ледяная маска. Я должен вызволить ее оттуда.

— Твоя дочь, — хмыкнул Конан, — это твое дело. А мне нужно попасть туда, наделав как можно меньше шума. Двое шумят в десять раз больше, чем один. А теперь представь еще сопротивляющуюся и хнычущую девчонку...

— Посмотрим, много ли ты сможешь украсть, если я прикажу своим людям арестовать тебя.

Кулак Конана плотно сжал меч.

— Ты ничего никому не прикажешь из могилы, — прорычал он.

Акеба схватился за свою саблю. Оба встали, явно готовые к поединку.

— Не будьте дураками! — охладил их пыл Шарак. — Ты, Акеба, никогда не увидишь свою дочь, если тебе снимут голову в этом трактире. А ты, Конан, подумай о той опасности, которая тебя ждет. Разве тебе помешает еще один клинок?

— Только не этот солдафон, — ответил киммериец, глядя прямо в глаза туранца, — он привык громко маршировать, а здесь нужна ловкость вора.

— Я три года был разведчиком в войне против горных племен хребта Ибарр. Как видишь, я остался жив и невредим. А на тебя посмотреть, так ты не ловчее быка.

— Разведчик? — с сомнением переспросил Конан. Значит, что-что, а скрытно делать свое дело этот парень умеет. Может быть, Шарак в чем-то и прав. Вполне возможно, что второй клинок окажется не лишним. А кроме того, убей он сейчас сержанта — и придется в ту же секунду бежать из Аграпура.

Конан медленно сел на скамью, Акеба последовал его примеру. Еще мгновение они напряженно смотрели друг на друга. Вдруг, словно по команде, оба отпустили рукояти своих клинков.

— Ну а теперь, — сказал Шарак, — попробуем определить функции каждого из нас в этом деле.

— А ты-то тут при чем? — спросил Акеба и перевел удивленный взгляд на Конана. Тот отрицательно покачал головой.

— Я еще не решил, возьму ли с собой Акебу, но ты-то мне точно не нужен. Найди себе на это время девчонку, которая любит астрономию. Могу порекомендовать кое-кого.

— А кто будет стеречь ваших лошадей, пока вы собираетесь геройствовать за стенами

лагеря? Мы же договаривались, Конан. Это – мой последний шанс испытать приключений. А кроме того, не забывай про мой волшебный посох. Он может очень даже пригодиться в таком деле.

Акеба нахмурился и внимательно осмотрел посох.

– Просто палка, – сказал он, глядя на Конана.

– Эта штуковина имеет волшебную силу, – подтвердил Конан, пряча глаза.

Секунду спустя темноволосый туранец понимающе улыбнулся:

– Как скажете. А если серьезно говорить о деле – я бы хотел развязаться побыстрее.

– Сегодня ночью, – сказал Конан. – Мне тоже нужно поторопливаться...

– Клятва! – влез в разговор Шарак. – Не забудьте про клятву.

Все трое склонились над столом голова к голове.

Глава 7

Оставив Шарака под большим деревом присматривать за лошадьми, Конан и Акеба бегом бросились к белоснежным стенам резиденции Культа Рока... Над стенами вздымались высокие башни и купола, едва различимые в черном ночном небе. В тысяче шагов море Вилайет билось о прибрежные скалы.

У подножия стены киммериец и турланец размотали заранее подготовленные веревки с железными крючьями на концах. Взмах двух сильных рук – и вот уже крючья, зацепившись за гребень стены, крепко удерживают веревки.

Конан взобрался по веревке с проворством большой обезьяны. Акеба вскарабкался рядом с ним и, не останавливаясь, взгромоздился на гребень стены. Такой ошибки не сделал бы и начинающий воришка: хозяева огороженных домов имеют обыкновение утыкать верхние части стен острыми черепками и осколками камня, чтобы непрошеный гость изрядно исцарапался и изрезался.

Перекинув веревку и поплотнее закрепив ее, Конан спрыгнул вниз, чтобы смягчить удар, он упал, подогнув ноги, и перекувырнулся через плечо. Вскочив, он осмотрелся. Они с Акебой оказались в саду, усаженном самыми экзотическими кустами и деревьями, пугающе шевелящимися на ночном ветру.

– Значит, – сказал Конан, – встречаемся у подножия самой высокой башни.

– Договорились, – подтвердил Акеба.

До этого они крупно поговорили по поводу того, чье дело нужно решать сначала. Акеба считал, что, украв ожерелье, Конан обнаружит их присутствие перед стражей. Киммериец же был уверен, что не удастся вытащить девушку, не подняв тревоги. Женские бараки наверняка охраняются. Эмилио же утверждал, что ожерелье находится в башне без стражи. Шарак предложил компромисс: Конан выяснит, где находится ожерелье, и попытается украсть его, а Акеба постарается определить местонахождение дочери. Затем они, встретившись в условленном месте, вдвоем постараются вызволить Зорель. Этот вариант не устраивал до конца обоих, но по крайней мере давал хоть какой-то выход из тупиковой ситуации.

Бросив последний сомневающийся взгляд на турланца, Конан, как пантера, помчался прочь. Он хорошо запомнил описание месторасположения ожерелья, данное Эмилио. Верхний этаж башни, стоящей в стороне от других – на восточной стороне лагеря. Значит, она неподалеку от перебравшихся через восточную стену смельчаков. Вскоре Конан и вправду увидел высокую, квадратную в плане, башню. Он перешел на шаг, прислушиваясь к каждому ночному шороху, затем остановился и внимательно осмотрел башню. Выстроенная из зеленого порфира, она имела лишь один дверной проем внизу и опоясывающий балкон на уровне верхнего этажа. Луковица купола поблескивала в лунном свете, словно усыпанная драгоценными камнями.

Больше всего киммерийца пугало отсутствие стражи. Конечно, для членов Культа башня была музеем ненужных вещей – золота и драгоценных камней. Но за всю свою жизнь Конан не припомнил ни одного человека, который, будучи в здравом уме, не запер бы такие побрякушки на хороший замок и не приставил к ним охрану.

Стены башни были отполированы так, что даже излазившему все киммерийские хребты Конану было нереально забраться по ним. Тогда юноша внимательно присмотрелся к площадке перед входом. Она была вымощена каменными плитами, покрытыми странным орнаментом. Любая из этих плит могла служить спусковым устройством для срабатывания западни, например, ямы с кофийскими кобрами или турanskими степными скорпионами.

Конан уже встречал такие штуки. Он встал на колени и внимательно осмотрел площадку. Из

лагеря к башне вела дорожка, выложенная мрамором. Конан присмотрелся к стыку мраморной плиты и камня площадки. Мрамор был немного выше. А кроме того, на край мраморной плиты явно часто укладывали что-то тяжелое, видимо нечто вроде мостков, опиравшихся одним концом на мрамор дорожки, другим – на порог башни, а серединой – на один из камней площадки. Разгадывать, какие из камней могли представлять угрозу, времени не было. Конан прикинул расстояние и решил рискнуть.

Прислушиваясь к каждому шороху, он пошел по дорожке, отсчитывая шаги. Через сорок шагов он остановился и перевесил меч так, чтобы тот оказался за спиной. Еще не хватало, чтобы клинок в самый неподходящий момент поддал хозяину под колени.

Подготовившись, Конан еще раз прислушался. Тишина. Что ж, по крайней мере Акеба еще не поднял шума. Глубоко вздохнув, Конан начал разбег. Площадка все приближалась, наконец, оттолкнувшись изо всех сил от последней мраморной плиты, киммериец взлетел в ночной воздух.

Мгновения полета показались ему вечностью. Наконец носки его сапог коснулись камня. Некоторое время киммериец балансировал на пороге, размахивая руками и рискуя упасть назад, но все же смог последним усилием втащить себя внутрь башни.

Негромко рассмеявшись, он перевесил меч и двинулся вперед. Попробуй подлови киммерийца, подумал он.

На нижнем этаже башни было несколько помещений, но все двери оказались закрытыми, что не очень огорчило Конана. То, что было ему нужно, находилось наверху. Туда, под купол, вела винтовая каменная лестница. Выставив меч вперед, киммериец начал осторожно подниматься. Не встретив никаких препятствий, он добрался до самого верха.

Посеребренный потолок отражал и усиливал лунный свет, превращая его в сказочную иллюминацию. Шесть резных проемов выходили на опоясывающий комнату балкон. А в центре помещения на мозаичном полу возвышались открытые резные ларцы из полированного черного дерева. В них на бархатных подушках лежали драгоценности, стоимость которых трудно было даже вообразить. Корона из рубинов и жемчуга, достойная любого короля. Изумруд размером с кулак. Два десятка сапфиров с палец длиной, ограниченных в эротические формы. И еще множество различных украшений, выставленных здесь лишь затем, чтобы внушить мысль о своей бренности и бесполезности.

Нужное Конану ожерелье тоже было здесь. Оно лежало на одной из подушек, мерцая своими камнями в лунном свете. Киммериец привычным взглядом оценил украшение, прежде чем опустить его в мешочек на пояс. Неважно, имеет оно волшебную силу приворотного камня или нет, но в любом случае Давиния явно не продешевила, пообещав за него сто монет. Конан еще раз обежал глазами помещение. Здесь были сокровища на десять тысяч золотых монет. Фериан был прав. Унеси отсюда сколько сможешь – и станешь богачом.

С некоторым трудом, но без всякого сожаления Конан отогнал от себя эту мысль. С воровством покончено, а то, что он совершил сегодня, – это совсем другое дело. Поддайся он сегодня соблазну – и второй раз заставить себя отказаться от старой жизни будет труднее. Кроме того, жизнь научила юношу, что деньги, вырученные за краденое, уходят из рук, как вода в песок.

Неожиданно в комнате раздался знакомый голос:

– Я надеялся, что ты все-таки придешь.

Конан повернулся, занес меч, но тут же опустил его с улыбкой:

– Эмилио! Я думал, что ты мертв, старина. Забирай это проклятое ожерелье и давай сваливать отсюда.

Высокий коринфиец поднялся по последним ступенькам лестницы. В его руках были меч и кинжал.

– Вполне удачное наказание – охранять то, что собирался украсть, не правда ли?

Волосы Конана встали дыбом:

– Тебя заколдовали?

– Я мертв, – ответил Эмилио и бросился вперед.

Конан отпрыгнул в сторону, и меч Эмилио разнес в щепки один из резных ларцов. Коринфиец снова и снова пытался напасть на Конана, но тот все время держался так, чтобы между ними стоял один из ларцов.

– Что за чушь ты несешь? – увернувшись очередной раз, крикнул Конан. – Ты же человек, а не привидение.

Эмилио глухо рассмеялся:

– Мне приказано убить любого, кто приблизится к башне, но разговаривать мне никто не запрещал. – Он продолжал кружиться между ларцами, выискивая более удачное место для нападения. – Меня схватили здесь же, в этой комнате. Видишь, как далеко я прошел. А затем мне воткнули острую железную трубку прямо в сердце. Я видел, как моя кровь лилась в золотую чашу, киммериец.

– Кром! – вырвалось у Конана.

Он покрепче сжал меч. Убить друга – это зло, даже в отношении того, которого заколдовали и приказали стать убийцей. Но, наверное, это все же меньшее зло, чем самому погибнуть от руки друга.

– Джандар, которого здесь называют Великим Господином, взял мою жизнь, – продолжал Эмилио, не ускоряя, но и не замедляя своего кружения по комнате. – А потом часть этой жизни он снова вил в то, что когда-то было моим телом. И теперь это создание, которое раньше называли Эмилио Коринфийцем, должно подчиняться приказам. Оно... я должен подчиняться.

Вдруг Эмилио резко вскочил на один из ларцов, ломая полки и безжалостно топча драгоценные украшения. Оттуда он бросился на киммерийца. Конан отскочил назад, и его поднятый меч высек искры из клинка коринфийца. В ту же секунду свободная рука Конана мертвой хваткой ската кисть противника, держащую кинжал. Пытаясь высвободить оружие, оба сделали несколько шагов в сторону и оказались на балконе. Размахнувшись, Конан изо всех сил пнул Эмилио в пах. Такой удар заставил бы согнуться пополам любого человека, но этот живой труп только хрюпло усмехнулся. Рискуя разблокировать меч коринфийца, киммериец резко ткнул рукояткой своего оружия в лицо противнику. Тот отскочил назад, чтобы не упасть на спину. Взмах меча – и Эмилио пришлось отступить еще на шаг: клинок Конана отхватил край его туники. Еще один выпад, и ноги коринфийца оказались на самом карнизе. Несколько мгновений Эмилио еще размахивал руками, пытаясь восстановить равновесие, но затем рухнул с балкона, даже не вскрикнув. Снизу донесся лишь глухой удар.

Тяжело дыша, Конан подошел к краю балкона и посмотрел вниз. В темноте различить детали было невозможно, но то, что Эмилио не выжил после падения (даже если его можно было назвать живым до того), – это бесспорно. В любом случае, подумал киммериец, убить друга – ничего хорошего в этом нет. Не к добру это.

С мечом в руках Конан поспешил вниз, к выходу. Около двери он остановился и присмотрелся. При падении тела Эмилио ловушка сработала: тонкие металлические пики длиной с человеческую руку выросли между плитами. Некоторые из них пронзили тело коринфийца.

– Последняя услуга старого приятеля, – пробормотал Конан.

Но времени на траурные размышления не оставалось. Нужно было еще разыскать Акебу. Пробравшись между пиками, Конан бегом понесся в сторону самого высокого шпиля, хорошо видного отовсюду в лунном свете.

Неожиданно женский визг разорвал тишину, оборвавшись столь же внезапно. Выругавшись, Конан ускорил бег к башне. Визг, похоже, раздался именно оттуда. Где-то вдалеке ударил гонг. Раз, второй, третий. Раздались далекие крики, кое-где появились алые точки факелов. Конан нырнул в тень высокого шпиля и чуть не наткнулся на Акебу. К удивлению киммерийца, тот прижал к себе красивую девушку в оранжевом платье, одной рукой удерживая неподвижно ее руки, а другой – зажимая ей рот. Большие черные глаза девушки зло смотрели на обоих мужчин.

– Это твоя дочь? – спросил Конан.

Акеба кивнул, торжествующе улыбаясь:

– Зорель. Мне просто повезло. Она вышла за водой к колодцу. Никто не видел меня.

Крики вокруг становились громче, а факелов, похоже, было уже больше, чем звезд.

– Теперь это не важно, – сухо ответил Конан, – нелегко будет смыться отсюда, да еще с девчонкой, которая, по-моему, вовсе не рвется к родному папаше.

– Я сам выберусь с ней, – холодно произнес туранец.

– Ладно тебе, – примирительно сказал Конан, – уйдем вместе, как пришли.

После того что случилось с Эмилио, киммериец ни за что не оставил бы девушку на милость этих извергов.

– Но нужно... Тсс! – Конан махнул рукой, призывая к молчанию.

Какой-то древний инстинкт подсказал ему, что за ним и его спутниками следят враждебные глаза, приближающиеся с каждой секундой. Но даже отличное зрение Конана не могло помочь ему в этой игре теней. Нет. Одна из теней приняла форму одетого в черное человека. Но, даже будучи уверенным в этом, Конан с трудом удерживал черную фигуру в поле зрения. Казалось, что-то мешало сфокусировать взгляд на ней. Это могло быть только колдовство. Черное, опасное колдовство.

– Митра! – воскликнул Акеба, отдергивая руку от рта своей дочери. – Она укусила меня!

Почувствовав, что рука отца, держащая ее, ослабела, девушка извернулась и впилась ногтями в лицо Акебы. Тот отпрянул, чтобы не дать ей выцарапать ему глаза. Воспользовавшись свободой, девушка бросилась бежать, крича на ходу:

– На помощь! Здесь чужие! Они хотели похитить меня! Помогите!

– Зорель! – закричал Акеба и бросился за ней. Конан лишь выругался и последовал за ними. Неожиданно черная фигура выросла рядом с девушкой. Взвизгнув, она отскочила. Человек в черном поднял руку, словно собираясь погладить Зорель по щеке. Девушка замолчала и вдруг рухнула как подкошенная.

– Зорель! – в стоне Акебы слышалось нечеловеческое горе отца, на глазах которого убили его ребенка.

Первобытный инстинкт снова предупредил Конана об опасности. Схватив Акебу за руку, он повалил его на землю, рухнув рядом с ним. Воздух над ними зазвенел от несущихся сквозь него множества стрел, предназначавшихся человеку в черном. Конан лишь замер в изумлении, увидев, как тот, двигаясь с быстротой молнии, отбил две стрелы в воздухе, поймал на лету еще две и, проскользнув между остальными, растворился в темноте.

Вслед за ним промчались с десяток гирканцев, вооруженных маленькими изогнутыми луками и кривыми ятаганами. Двое из них бросились к Конану и Акебе... но кто-то громко крикнул:

– Нет! Оставьте их! Нам нужен только Баальшам! – И кочевники скрылись в ночной тьме.

Конан медленно встал на ноги, покачивая головой. Откровенно говоря, он ничего не понимал в том, что происходит вокруг, да и не очень-то стремился понять. Нужно доделать свое дело, подумал он, а остальное пусть идет своим чередом.

Акеба наклонился над дочерью и поднял на руки мертвое тело. Его лицо было залито

слезами.

— Она умерла, киммериец, — прошептал он. — Он только дотронулся до нее, и она...

— Неси свою дочь и давай двигать отсюда. Что тут еще происходит — не наше дело.

Туранец осторожно опустил Зорель на землю, вынул саблю из ножен и внимательно осмотрел клинок:

— Пролита кровь, и я должен отомстить. — Его голос был тверд.

— Для мести нужна спокойная голова и холодное сердце, — возразил Конан. — Твоя же кровь кипит от гнева. Останься сейчас — и ты погибнешь, скорее всего, даже не увидев того, кто убил твою дочь.

Акеба резко повернулся к киммерийцу, его черные глаза чуть не выскакивали из орбит:

— Мне нужна кровь за кровь моей дочери. Тебе это понятно, варвар? Если понадобится — я начну с тебя.

— Значит, ты готов оставить Зорель червям и воронам?

Акеба прищурился и тяжело вздохнул. Затем он медленно вложил саблю в ножны и поднял дочь на руки. Его лицо напоминало глиняную маску.

— Надо выбираться из этого проклятого места, киммериец, — произнес он безучастным голосом.

Мимо них пробежала группа мужчин и женщин в оранжевом, явно гонимых страхом. Никто даже не посмотрел на двух вооруженных людей с мертвым телом на руках.

Еще дважды им попадались мечущиеся бестолково группы последователей Культа. Крики и стоны, доносившиеся из лагеря, слились в непрерывный шум. Неожиданно в небо взметнулись языки двух пожаров.

Конан с Акебой влетели в кустарник неподалеку от того места, где были оставлены веревки. Вдруг, словно стая куропаток из-под ног, на них выскочили перепуганные люди в оранжевых одеждах.

Конану пришлось отбросить с дороги двух замешкавшихся мужчин. Еще один получил хороший пинок пониже спины. Конан уже примерился, как поудобнее перехватить бегущую наперерез девушку... и вдруг остановился. Это была Ясбет.

— Ты? — крикнул он.

Не задумываясь, киммериец перекинул ее через плечо, словно мешок, и помчался вдогонку за Акебой. Маленькие кулачки девушки забарабанили по его широкой спине, а ноги безуспешно пытались пнуть его в лицо.

— Отпусти меня, — простонала она. — Ты не имеешь права! Пусти!

Добравшись до стены, Конан опустил ее на землю. Ясбет уставилась на него с негодованием оскорбленной королевы.

— Я обещаю, что забуду это, если ты сейчас же уйдешь. За то, что ты сделал для меня в тот раз, я не расскажу... — Она испуганно заморгала при виде того, как Конан достал кинжал и отхватил им несколько кусков ее платья. В несколько мгновений руки и ноги девушки оказалась туго связанными. Прежде чем она сообразила выразить криком свой протест, Конан довершил дело, вогнав ей в рот основательный кляп.

Акеба проверил надежность веревок, свисавших со стены, и повернулся к Конану.

— А это кто? — спросил он, кивнув головой в сторону Ясбет.

— Еще одна девушка, которую я не хотел бы отдавать на съедение этому Культу, — ответил Конан. — Лезь первым. Я привяжу тело Зорель, а ты втащишь его наверх.

Туранец задумался на несколько мгновений, а затем сказал:

— Сначала — живую девушку. На обеих может не хватить времени. — И, не дожидаясь ответа Акеба, полез вверх. Не обращая внимания на гневное мычание Ясбет, Конан обвязал ее веревкой.

Вскоре ее протест был слышен уже со стены. Привязав тело Зорель, Конан замер, прислушиваясь к тому, что творилось в лагере. Он слушал и ждал. Казалось, целую вечность. Наконец конец веревки упал к его ногам. Вскарабкавшись на стену, Конан оказался лицом к лицу с Акебой.

— Я уж было подумал, — сказал киммериец, — что ты бросил меня.

— В какой-то момент, когда тело моей дочери опустилось на землю по ту сторону стены, я и вправду был близок к этому, — сухо сказал Акеба, не глядя на Конана.

Тот кивнул и спокойно сказал:

— Ладно. А теперь пора сваливать, пока не поздно.

Подхватив каждый свою ношу, они бросились бегом к тому месту, где их ждал Шарак с лошадьми. В лагере за их спинами продолжала усиливаться какофония боя и суматохи.

Глава 8

Красное зарево пожара отбрасывало блики на лицо Джандара, когда он, стоя у окна, наблюдал, как посвященные в члены Культа бегали по лагерю с ведрами воды и песка. Одно из зданий горело уже слишком сильно, чтобы можно было надеяться спасти его.

– Ну что? – спросил он, отвернувшись от окна.

Че Фан и Суйтай переглянулись, и первый ответил:

– Это гирканийцы, Повелитель.

Джандар и его собеседники стояли в приемной – первой комнате личных покоях колдуна. Аскетичность, проповедуемая им, и здесь проявлялась во всем. Гладкий, хотя и мраморный, пол без мозаик и узоров; голые стены без ковров и лепных украшений.

– Я знаю, что это гирканийцы! – рявкнул Джандар. – Я слышал, как они кричали: «Смерть Баальшаму!» Вот уж не думал, что мне придется вновь услышать это имя. Сколько их было?

– Дюжины три, Повелитель. Может быть, четыре.

– Четыре дюжины, – прошептал Джандар. – Сколько осталось в живых?

– Жалкая горстка, Повелитель. Мы убили не меньше двух дюжин.

– Значит, вполне вероятно, что два десятка этих мерзавцев еще живы и мечтают добраться до меня, – задумчиво произнес Джандар. – Их надо найти. Вот и работка, по которой вы так соскучились.

– Великий Повелитель, – обратился к нему Суйтай. – В лагере побывали и двое других. Не гирканийцы. На одном из них был шлем туранской армии. Второй – высокого роста, со светлой кожей.

– Варвар? – встрепенулся Джандар. – С голубыми глазами?

– Глаза? – не понимая, переспросил Суйтай, а затем, собравшись, ответил: – Было темно, Повелитель, и в бою мне не удалось приблизиться к нему. Но эти двое ограбили Башню созерцания, украв ожерелье с тринадцатью рубинами и угрюхав того парня, которого вы оставили там за сторожа. – Кхитаец помолчал и добавил: – Еще они убили девушку, одну из недавних посвященных. Ее имя Зорель.

Колдун лишь отмахнулся. Он, конечно, наметил эту девушку для своей постели, но ее жизнь или смерть не имели сейчас никакого значения. Второй вор пришел за одним и тем же ожерельем. Это не могло быть случайным совпадением.

– Подождите здесь, – буркнул Джандар кхитайцам.

Плотно прикрыв за собой дверь, он вышел в большой зал с колоннадой, где его ждали с десяток Избранных с Зефраном во главе. Они считали себя телохранителями Повелителя, хотя любой из убийц-кхитайцев мог в два счета уложить их всех. При появлении Господина все низко поклонились.

Джандар обратился к Зефрану:

– Ступай к Башне Созерцания. Там рядом должно валяться тело того вора, которого я поставил туда сторожить. Принесешь тело в Зал Оживления.

– Сию секунду, повелитель, – ответил Зефран, но не двинулся с места, а поспешил добавить:

– Это были гирканийцы, Великий Господин. Я уверен, что те самые, о которых я говорил вам. – Зубы Джандара скрипнули, но лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

– Ты знал, что в Аграпуре появились гирканийцы? – тихо спросил он.

– Да, Повелитель. – Зефрана прошиб холодный пот. – Это те... те самые, о которых я говорил вам, Господин. Разве вы не помните?

– Принеси тело, – повторил свой приказ Джандар.

Зефран низко поклонился. Когда он выпрямился, колдуна уже не было видно.

В своей приемной Джандар нервно ходил из угла в угол, не обращая внимания на кхитайцев. Этот болван знал, что в городе появились гирканийцы, и ничего не сказал. Будем так считать. Поэтому Избранные не были оповещены, поэтому и не была установлена слежка. Джандар знал, что стоит начать думать о том, что может случиться, как оно и случается. Так уже не раз бывало с ним. Поэтому он всячески гнал от себя любое напоминание о Гиркании, но, видимо, в глубине души боялся, что гирканийцы придут за ним. Боялся и ждал. Так и произошло.

Джандар тщательно продумал и собрал все порошки и другие принадлежности, необходимые для предстоящего колдовства. Рассвет наступит через несколько часов. С первым же лучом солнца большая часть магической силы Джандара исчезнет. При свете дня он не мог призвать к себе Силу и воспользоваться ею, например, для оживления мертвцев. Хотя данное им задание эти полутрупы готовы были выполнять круглые сутки. Может быть, вызвать сейчас тени нескольких воинов и отправить их на поиски гирканийцев? Нет. Мало времени. И потом, это заберет слишком много сил, не оставив возможности совершить второе колдовство. А то, что он задумал, более важно. О гирканийцах, в конце концов, кое-что известно, а вот высокий варвар оставался загадкой. Каждому ясно, что скрытая опасность всегда страшнее той, о которой знаешь.

Джандар жестом приказал кхитайцам следовать за ним. По узкому темному коридору, открывшемуся за панелью в стене, они прошли в зал оживления.

Труп Эмилио был принесен очень быстро. Видимо, Зефран надеялся искупить свою невнимательность быстротой исполнения приказов.

Кхитайцы расположили тело, следуя указаниям Джандара, в центре круга. Затем они удалились, а Джандар в последний раз продумал предстоящие действия. Никогда раньше он не делал подобного и не был уверен, что выбрал правильный ритуал. В его руках не было крови, чтобы вызвать душу умершего. В этом теле крови не осталось с тех пор, как Эмилио умер в первый раз. Подобие души, создающее подобие жизни, было вложено в тело коринфийца колдовством Джандара. Но падение с башни выбило из того и эту псевдожизнь.

Наконец Джандар решился. Он выбрал три равноудаленных от круга столбика. На одном он начертил символ смерти, а поверх него – знак жизни. На втором символ бесконечного множества перечеркивал символ ничтожества сущности. На третьем порядок был начертан поверх хаоса.

Воздев руки к небу, Джандар начал читать свои заклинания. Слова, потерявшие значение, сказанные на языке, исчезнувшем в толще веков, отразились от стен. Почти тотчас же колдун почувствовал Силу. Видимо, выбранные им символы не давали полной гармонии. Поэтому он чувствовал, как Сила входит в него яростно и почти неуправляемо.

Серебристая мгла металась в круге, ее клубы летали от одного символа к другому. Тело Джандара пронзила дикая боль. Но он ни на мгновение не прекратил чтения заклинаний.

Постепенно свечение сгустилось в три луча, соединяющие три пары символов. Равносторонний треугольник. Идеальная форма, чтобы сдержать Силу. Боль отступила, и Джандар почувствовал невероятный прилив энергии. Ему казалось, что он вот-вот взлетит и повиснет в воздухе. Пот ручьем стекал по его телу, мокрая одежда прилипла к груди и спине.

– Ты, называвший себя Эмилио Коринфийцем, – произнес Джандар нараспев. – Я призываю тебя в то тело, которое было твоим при жизни. Силами Хаоса, собранными в треугольник, я призываю тебя. Я призываю тебя. Я призываю тебя.

Треугольник ярко вспыхнул. При этом голова Эмилио, запрокинутая назад, перекатилась к плечу. Рот скривился в гримасе боли.

– Не-е-е-т! – простонало тело.

Джандар улыбнулся:

— Говори! Я приказываю тебе. Говори! И говори правду! Ты пришел, чтобы украсть рубиновое ожерелье?

— Да, — сквозь сцепленные зубы прорвался ответ.

— Зачем?

— Для... для Да... ви... нии.

— Женщина? Кто она?

— Любов... ница... Мунда... ра... Хана.

Колдун нахмурился. Уже в течение некоторого времени он безуспешно пытался «заполучить» хотя бы одного из слуг генерала Мундара Хана. Этот человек стоял, пожалуй, ближе к трону, чем кто бы то ни было. А вдруг он также заинтересовался Джандаром, как Джандар заинтересовался им? Нет. Невозможно.

— Ты знаешь высокого варвара? Бледнокожего, с синими глазами, который тоже пришел за этим ожерельем?

— Конан, — послышалось сквозь стон. Джандар почувствовал, как возбуждение и удовлетворение заиграли в нем.

— Где я могу найти этого Конана?

— Не-е-е-ет! — Голова Эмилио перекатилась к другому плечу, а одна рука дернулась, словно пытаясь закрыть тело от взгляда колдуна.

— Говори. Я приказываю!

Треугольник загорелся еще ярче, но тело не издало ни звука.

— Говори!

Ярче.

— Говори!

Еще ярче.

— Говори! Я приказываю говорить!

Свет стал почти нестерпимым для глаз.

— Я... я... человек!

При этом слове треугольник вспыхнул, как молния, с треском лесного пожара. Джандар отшатнулся, прикрывая лицо руками. Вдруг свет исчез. Исчезла и Сила. И тело. Лишь облачко дыма поднялось к потолку.

— Свободен... — донесся торжествующий стон — последнее, что осталось от Эмилио Коринфийца.

Джандар ощутил слабость во всем теле. Он задрожал и чуть не рухнул на пол. Стало ясно, что этой ночью ему не удастся совершить даже более легкий ритуал, чтобы вызвать другие души. Значит, целый день пройдет, прежде чем он сможет отправить этих полумертвцев на поиски гирканийцев и этого варвара. Конан. Странное имя. Оставалась женщина, Давиния. Любовница Мундара Хана. Что ж, может быть, она сможет, быть полезной, и не только в том, чтобы разыскать этого варвара.

Слабым жестом Джандар приказал кхитайцам отнести себя в покой.

Глава 9

Над гранитными стенами, окружавшими дворец Мундара Хана, возвышались порфировые и мраморные башни. Их алебастровые купола отражали солнце. Стражники, стоявшие у ворот с саблями наголо, были более всего частью ритуала. Представить себе нападение на дворец великого генерала Мундара Хана было столь же нелегко, как покушение на резиденцию самого короля Йилдиза.

Но так или иначе, стражников было немало, и они не оценили бы юмора, заяви молодой красивый парень, подойдя к воротам дворца, что хочет видеть любовницу генерала.

Поэтому Конан решил попасть внутрь дворцовой ограды другим путем. Найдя подходящее дерево у самой стены, вдалеке от поста охраны, он полез по ветвям. Один толстый сук шел прямо к стене, но был отпилен, чуть-чуть не доставая до нее. Гребень же этой стены был густо утыкан острыми осколками обсидиана.

За оградой был виден сад с красными кирпичными дорожками и небольшое круглое здание желтого мрамора, покрытое куполом и окруженное колоннадой. Его многочисленные окна и открытые дверные проемы прикрывали легкие шелковые занавеси, колыхавшиеся на легком ветерке.

Расставив для равновесия руки, Конан пробежал по суху и, оттолкнувшись изо всех сил, перелетел через стену, мягко приземлившись в саду.

Оглянувшись и поискав глазами стражников или слуг, киммериец подбежал к желтому сооружению. Оно было двухэтажным. Стены первого этажа представляли сплошной ряд арок-входов. За занавесками были видны белые каменные плиты пола, покрытые шелковыми подушками и прекрасными зерджанскими коврами. В центре комнаты, уткнувшись лицом в подушку, лежала обнаженная женщина, распустив по плечам золотые волосы. Прямо над ней крутился в воздухе сноп белых страусовых перьев. Кожаный камень, приводивший его в движение, уходил в дыру в потолке.

Конан выругался про себя. Наверху наверняка сидел слуга, крутивший колесо, которое в свою очередь крутило перья. Но путь назад уже был отрезан. Сильная мозолистая рука киммерийца отодвинула прозрачную ткань.

Несколько мгновений он восхищенно разглядывал прекрасное тело женщины. Наконец он негромко произнес:

– Не пугайся, Давиния.

Блондинка с визгом перекатилась с одного ковра на другой и схватила кусок синего шелка, почти прозрачного, которым хоть как-то прикрыла свою наготу от груди до колен.

– Кто ты? – зло спросила она.

– Меня зовут Конан. Я пришел вместо Эмилио Коринфийца.

Ее злость перешла в смятение. Давиния облизала губы и неуверенно произнесла:

– Впервые слышу это имя. Если тебя прислал Мундар Хан, то скажи ему, что его подозрения...

– Значит, об этой вещице ты тоже ничего не слышала, – разочаровано протянул Конан, доставая из мешочка на поясе рубиновое ожерелье. Он довольно ухмыльнулся, глядя на ее изменившееся лицо. Большие голубые глаза Давинии округлились, губы беззвучно шевелились.

– Как... э-э... Где? – ее голос сорвался на хриплый шепот. – А где Эмилио?

– Мертв, – отчеканил Конан.

Женщина не выглядела ни удивленной, ни сильно переживающей.

– Это ты убил его?

– Нет, – сказал Конан, не совсем уверенный в том, говорит ли он правду или ложь, – но он мертв. А я принес то ожерелье, которое ты хотела.

– Что ты просишь взамен? – голос Давинии внезапно смягчился. Шелковое покрывало словно случайно сползло на живот, обнажив восхитительную грудь.

Сдерживая улыбку, Конан ответил:

– Эмилио говорил про сто золотых монет.

– Золото? – она усмехнулась и подвинулась поближе, покачивая широкими бедрами. Вдруг она резко прижалась в груди Конана, обняв его за плечи.

– На свете есть вещи более привлекательные для молодого мужчины. Гораздо более привлекательные, – зашептала она ему на ухо.

– Слушай, а как же слуга, который крутит это опахало? – спросил Конан.

– У него нет языка, чтобы рассказать то, что он слышит, – проворковала блондинка. – Сюда никто не входит без моего приглашения, кроме моей камеристки, Ронды. А от нее у меня секретов нет.

– Мундар Хан?

– Он уехал из города на два дня. Ты что, можешь только задавать вопросы?

Она хотела покровительственно поцеловать его и уже потянулась к его губам, но киммериец легко поднял женщину и сам впился в ее губы долгим поцелуем.

Он отпустил ее, лишь когда из ее горла вырвался стон сладкого удушья.

– Ну так... – начала было она, но Конан одним движением развернул ее спиной к себе, заставил опуститься на четвереньки, и тут его тяжелая ладонь со звонким хлопком шлепнула ее по голому заду. Со злобным шипением она перекувырнулась через голову и растянулась на подушках, болтая в воздухе голыми ногами.

– Сначала золото, Давиния, – рассмеялся киммериец.

Вскочив на ноги, она запустила в Конана подушкой.

– Золото? Да я сейчас вызову стражу...

– И никогда больше не увидишь ожерелья, – закончил он за нее. Давиния нахмурилась, а Конан продолжил: – Или я убегу с ним, или стража схватит и передаст меня и ожерелье Мундару Хану. Он будет рад узнать, что к тебе заходят такие ювелиры, как я. Ты говоришь, что он человек подозрительный, ревнивый.

– Соображаешь, Эрлик тебя подери.

– Золото, Давиния.

Она еще раз зло взглянула на него и затем, отпихнув ногами подушки, вывернула одну из плит в полу и начала рыться под нею.

Наконец Давиния вернула на место камень и выложила перед киммерийцем набитый мешочек, тяжело звякнувший, когда его опустили на пол.

– Вот, – презрительно бросила она, – оставь ожерелье, забирай золото и проваливай.

Вот и все, подумал Конан. Или почти все. Да, он получил золото. Количество было неважно. Главное, что было исполнено предсказание Шарака.

Но эта стерва... Она хотела использовать его, использовала Эмилио. Она хотела посмеяться над ним, угрожала... С этой секунды Конаном двигала гордость, знакомая только молодому мужчине.

– Сосчитай, – потребовал он. Давиния, не веря своим ушам, уставилась на киммерийца. Но он, ткнув пальцем в мешок, повторил:

– Пересчитай. Хуже будет, если я обнаружу, что ты обманула меня.

– Чтоб у тебя яйца отсохли, – крикнула она, но, взяв мешок, высыпала его содержимое на пол.

– Раз, два, три...

Каждую монету она бросала в мешочек с таким выражением на лице, словно втыкала кинжал в сердце Конана.

– Сто! – выпалила она и затянула завязки на мешке.

Конан одной рукой легко взял золото, а второй протянул Давинии ожерелье. Та схватила долгожданное украшение и прижала его к груди, зло поглядывая на киммерийца.

Конан не почувствовал никакого чародейства, когда она нацепила ожерелье себе на шею. Но, черт возьми! Эта баба безо всякой магии могла заставить любого мужика забыть обо всем, кроме ее тела.

Конан взвесил мешочек на руке.

– Так вроде и не скажешь сразу, что пяти монет тут не хватает, – задумчиво сказал он.

– Если... если я ошиблась... я дам тебе еще пять монет.

Конан выпустил мешок из руки, расстегнул ремень и положил меч поверх золота.

– Что ты делаешь? – спросила Давиния.

– Дороговато, конечно, для продажной девки. Ну да что с тобой поделаешь. Если ты не хочешь платить то, что обещала, придется взять недостающее более привычным для тебя товаром.

Сдавленный визг вырвался из ее горла. Давиния попыталась было увернуться, но Конан легко поймал ее и сгреб в объятия. Все ее попытки освободиться не дали никакого результата. Кольцо рук киммерийца держало ее, словно железный обруч.

– Неужели ты думаешь, – прохрипела она, – будто я смогу быть с тобою после всего, что здесь произошло? После того как ты издевался надо мной, унижал... и называл проституткой... – ее гневные слова утонули в протестующих всхлипываниях.

– Мундар Хан стар, – тихо сказал Конан, проводя пальцем по спине Давинии от плеч, вниз по позвоночнику и ниже, к восхитительной ложбинке между ее гладких ягодиц. – К тому же он толстый.

Его палец взлетел вверх, чтобы поиграть с золотым локоном.

– Он часто оставляет тебя одну.

Давиния вздохнула и обмякла в руках киммерийца. Две пары синих глаза встретились, и Конан негромко сказал:

– Скажи, и я уйду. Ты хочешь, чтобы я ушел?

Она молча покачала головой.

Конан, улыбаясь, уложил ее на подушки.

Глава 10

На лице Конана все еще играла улыбка, когда он ближе к вечеру переступил порог «Синего быка». Конечно, затевать шашни с любовницей генерала было безумием, но зато каким сладким! Конан поймал себя на том, что мечтает об очередном отъезде Мундара Хана из Аграпура.

Привычная публика заполнила трактир наполовину. Акеба и Шарак заняли столик в углу и о чем-то переговаривались сблизив головы. Вместо того чтобы присоединиться к ним, Конан подошел к стойке.

Фериан поприветствовал его хмурым взглядом и, по обыкновению, завозил тряпкой по столешнице.

— У меня для тебя ничего нет, киммериец. И еще, я хочу, чтобы ты убрал эту девку из моего трактира.

— Она все еще в моей комнате? — спросил Конан. Ясбет, оказавшись в портовом кабаке, не прониклась большим доверием к своему похитителю.

— Там она, — мрачно подтвердил трактирщик, — но я готов принести жертву в любом храме города, если она исчезнет. Она чуть крышу не разнесла, ни одного стекла целого не осталось. Спасибо богам, вроде недавно притихла. Она не шлюха, киммериец. От таких мужики держатся подальше. Ее против воли запросто не возьмешь.

— Пойду проведаю ее, — указал Конан. — А ты держи глаза и уши начеку.

Он взбежал по лестнице и прислушался. Ни звука не доносилось из его комнаты. Веревка, вставленная в прорезь засова, по-прежнему была хорошо завязана. Мужчина смог бы порвать веревку и откинуть засов, но для Ясбет это служило не хуже железного замка... Если, конечно, она не вылезла в окно. Вообще-то эти узкие щели в стене были бы маловаты даже для девушки, но вдруг... Бормоча проклятия, Конан развязал веревку и влетел в комнату.

Глиняный кувшин разлетелся на куски, ударившись о дверь рядом с его головой. Конану пришлось увернуться еще и от оловянного тазика, тоже брошенного рукой Ясбет. Схватив девушку за талию, он подтянул ее к себе и одной рукой свел за спиной вместе ее запястья.

— Что с тобой, девочка? С ума сошла со своим Культом?

— Пошел в задницу! — с нешуточной злобой выпалила она. — По крайней мере, там со мной обращались прилично. А ты притащил меня сюда связанной, как мешок, и запер, даже не сказав ни слова. Конечно, торопился к своей шлюхе...

— Шлюхе? Что ты мелешь?

— Давиния, — словно ругательство произнесла она это имя. — Ее ведь так зовут. Этот, как его... Шарак зашел ко мне, чтобы попытаться успокоить. Он и сказал мне, что ты пошел к этой... к этой женщине. А у тебя сейчас на роже такое же выражение, как на лице моего отца, когда он возвращается с женской половины дома.

Конан мысленно призвал кое-какие неприятности, в основном тяжкие, на голову Шарака. Всухожиль он сказал:

— А какое, собственно, тебе дело, даже если я ходил к двадцати бабам? Да, я дважды спас твою дурацкую жизнь, но нас никто не связывает.

— А я ничего и не говорю, — все еще твердо сказала она, но ее плечи уже вздрогнули.

Конан выпустил ее запястья, и девушка тихо опустилась на кровать, покрытую старым шерстяным одеялом.

— Ты спас мне жизнь один раз. Тогда. А во второй раз ты просто украл меня.

— Ты не знаешь, что творится в этом страшном месте. Какое злое колдовство совершается там ежедневно.

– К coldство? – Она нахмурилась, но потом покачала головой: – Нет, ты специально обманываешь меня, чтобы я передумала возвращаться.

– А как тебя вообще угораздило попасть туда? Ты же собирались перелезть через стену своего сада и тихо вернуться домой.

– Я так и сделала. Только Фатима поймала меня, когда я слезала со стены, и заперла в моей комнате. – Ясбет неуютно заерзала на кровати, явно припомнив некоторую неприятную процедуру.

– Знаешь что, – сказал Конан, – пара ударов розгой – еще не повод бежать куда-нибудь вроде этого Культа.

– Да что ты о нем знаешь! – воскликнула она. – Там женщины заняты делом наравне с мужчинами. Там нет ни богатых, ни бедных.

– Да, но сам-то Культ очень богат. Я видел кое-что из его сокровищ.

– Потому что хотел украсть их!

– А еще я видел человека, которого заколдовали и убили.

– Ложь, – крикнула она, закрывая уши ладонями. – Ты не помешаешь мне вернуться.

– Этим пусть занимается твой отец. Я доставлю тебя ему, пусть даже связанной по рукам и ногам.

– Ты даже не знаешь, кто он, – выпалила она торжествующе и чуть было не показала Конану язык.

– Я найду его, – сказал киммериец, явно желая закончить разговор.

Стоило ему встать с кровати, как Ясбет схватила его запястье обеими руками. В ее глазах горела мольба.

– Пожалуйста, Конан, не возвращай меня отцу. Он сказал, что подыскал мне мужа. Я знаю этого человека. Да, конечно, я стану его женой. Честной и уважаемой. И буду сидеть взаперти вместе с еще полусотней женщин его гарема.

Конан сочувственно покачал головой, но сказал, что лучше, наверное, так, чем вернуться в ряды членов Культа.

Киммериец ожидал, что она бросится с кулаками на дверь, когда он выйдет, но девушка так и осталась сидеть на кровати. Завязав веревку на узел, он спустился в зал. Шарак и Акеба едва взглянули на него, когда он придинул к их столу еще один табурет.

– ...а я тебе уже сказал, – говорил Шарак, для большей убедительности постукивая узловатыми пальцами по столу, – что любое открытое нападение обернется поражением.

– По какому поводу языки чешете? – поинтересовался Конан.

– Как накрыть этот проклятый Культ Хаоса, – ответил Акеба, – должен же быть способ уничтожить Джандара. Я слышал, что его называют Великим Господином, как короля.

– Еще этот хитрец, – продолжил свою мысль Шарак. – Но главное – Джандар, основатель и лидер Культа. Он отдает своему телохранителю приказы. А он не из тех людей, которые убивают без цели.

Конан выглядел более чем удивленным.

– Хитрец? Убийства без цели? Ребята, вы, похоже, много чего узнали за то недолгое время, что я отсутствовал.

– Ну, не так уж и мало тебя не было, – расплылся в улыбке Шарак. – Как она? Ничего? – тут его взгляд упал на лицо киммерийца, и старик чуть не поперхнулся.

– Ну, так вот, – продолжил он. – Хитрец, судя по описанию Акебы, человек, который... в общем, я уверен, что этот парень – из Китая. И что он – член так называемого Братства Пути. Эти люди – убийцы высочайшей квалификации. – Тут старик нахмурился и закончил: – Только никак я в толк не возьму, при чем здесь эти гирканыцы?

– Никогда не слышал про это Братство, – сказал Конан. – Честно говоря, я не до конца верил, что Кхитай не самом деле существует.

– Я тоже толком ничего о них не знаю, – согласился Акеба, – но стариk утверждает, что все это правда. Но будь этот черный мерзавец кем угодно, я все равно убью его.

– Да поверьте мне, – сказал Шарак, – они существуют на самом деле. Когда будешь раза в два постарше, то, может быть, начнешь понимать, что на свете существуют такие вещи, которые ты не вообразишь ни в самых сладких грезах, ни вочных кошмарах. И будьте оба поосторожнее с этим кхитайцем. Члены Братства Пути – большие специалисты по всяким ядам и, кроме того, умеют убивать одним прикосновением.

– В это я верю, – прохрипел Акеба, – потому что видел своими глазами.

Он поднял ко рту кружку и не опустил, пока она не опустела.

– Тебе, Конан, следует быть особенно осмотрительным, – продолжил астролог. – Я тебя знаю. Ты – натура увлекающаяся. И когда-нибудь ярость погубит тебя. Этот убийца...

Конан покачал головой:

– Это дело Акебы, а не мое.

Шарак негодующе запыхтел:

– Да ты только подумай, Конан! Убийца-кхитаец, месть, гирканийцы, и только богам известно, что еще. Разве можно упускать такое приключение?

– Ты говорил, что мне следует многому научиться, – сказал Конан, – но ты и сам знаешь далеко не все. Ты даже не понимаешь, что приключения – это голодный желудок, ночлег под открытым небом и люди, желающие воткнуть тебе нож в спину. Мне этого в жизни и без того хватает, и я не собираюсь специально искать себе на голову так называемые приключения.

– Он прав, – подтвердил Акеба, положив руку на сухую, узловатую ладонь старика. – Я потерял дочь, и у меня есть причина, чтобы искать убийцу и отомстить ему, а Конан здесь ни при чем.

– Но это же не повод, чтобы оставаться в стороне, – обиженно воскликнул Шарак.

Конан и Акеба с улыбкой переглянулись. В чем-то Шарак был настоящим мудрецом, а в чем-то оставался наивным, как ребенок.

– Ладно, – перевел разговор Конан, – сейчас, я думаю, лучшее, что мы можем сделать, – это выпить. Акебу ничего не сможет утешить. Но пока время хоть чуть-чуть не притупило его боль, можно попытаться ослабить ее вином. Фериан! Кувшин вина! Нет, бочонок!

Трактирщик сам подошел к ним, держа в каждой руке по кувшину темно-красного сольванского вина и прижав локтем к боку кружки.

– Я в бадьях не подаю, – сухо сказал он, – здесь не свинарник.

– Сойдет и так, – ответил Конан, наполняя кружки по кругу, – и отнеси наверх девчонке что-нибудь поесть.

– Еда для нее – сверх уговора, – напомнил Фериан.

Конан вспомнил о золоте, висевшем в мешочке у него на поясе, и улыбнулся.

– Я заплачу.

Трактирщик ушел, бормоча что-то себе под нос, и Конан переключил свое внимание на астролога.

– Слушай, ты, старишка паршивый, – гаркнул он Шараку прямо в ухо.

Тот чуть не подавился вином и удивленно спросил:

– Что такое? Я ничего не делал...

– Слишком много болтаешь! Зачем ты рассказал Ясбет, что я пошел к Давинии? И что еще ты рассказал ей?

– Ничего. Я попытался успокоить ее рыдания и стоны – ты ведь не приказал затыкать ей рот

кляпом – и подумал: узнай она, что ты ушел к другой женщине – не будет бояться, что ты изнасишь ее. Женщины всегда этого боятся. Да что такое, киммериец? Что в этом особенного?

– Ничего, просто эта дура ревнует. Я всего два раза в жизни поговорил с ней, пальцем ее не тронул, а она, видите ли, ревнует.

– Пальцем не тронул? – усмехнулся Акеба. – А кто ее скрутил, как тюк сена?

– В этом, наверное, и заключено очарование нашего киммерийца, – с серьезной физиономией предположил Шарак.

– Вам смешно, а мне чуть башку не раскроили моим собственным умывальным кувшином... Она...

Остаток фразы Конана потонул в хохоле его приятелей. В этот момент к их столу подбежал Фериан.

– Она сбежала, киммериец, – задыхаясь, выпалил он, – клянусь Митрой и Дагоном, я не верил, что она сможет пролезть в это узкое окно, но она вылезла.

Конан вскочил из-за стола:

– Она не могла далеко уйти. Акеба, Шарак, поможете мне найти ее?

Акеба кивнул и тоже встал с табурета. Шарак же скорчил недовольную рожу:

– Если ты не хочешь ее, киммериец, то оставь девчонку кому-нибудь другому.

Не удостоив его ответом, Конан бросился к выходу. Акеба за ним. Шарак, торопливо переставляя посох, последовал их примеру.

Оказавшись на улице, троица разделилась. Не меньше часа Конан метался по ближайшим кварталам, расспрашивая всех, кто попадался ему на пути. Но ни стоявшие на каждом углу шлюхи, ни внимательные торговцы, ни всезнающие уличные мальчишки – никто не видел красивую статную девушку в оранжевом. Лишь удивленные взгляды и отрицательно покачивающие головы были ответом киммерийцу.

Кое-кто из женщин пытался успокоить Конана, предлагая заменить собой беглянку, но тот не обращал внимания на их шутки. Правда, те мужчины, которые в ответ говорили, что и сами не упустили бы случая поймать такую девочку, неожиданно обрывали свои прибаутки под холодным взглядом киммерийца.

Вернувшись к трактиру, Конан застал у входа Акебу и Шарака. На вопросительный взгляд туранца он лишь покачал головой.

– Ну что ж, признаем, что ей удалось сбежать от нас, – сказал старый астролог. – Но это еще не повод торчать всю ночь, предоставив Фериану возможность отдать наше вино кому-нибудь другому. Мне нужно промочить горло после такой беготни.

Кувшины стояли там, где они их оставили. Но Конан не стал пить. Ясбет не выходила у него из головы. Его самого это удивляло, но он ничего не мог с собой поделать. Давиния могла заставить закипеть кровь любого мужчины, а Ясбет привлекала его не больше, чем любая красивая девушка, встреченная на улице. Но он дважды спас ей жизнь. Это заставляло киммерийца чувствовать ответственность перед ней. Ведь девушка действительно нуждается в его помощи.

Рассеянным взглядом Конан наблюдал, как к их стану приближался какой-то гирканиец, сутулый и кривоногий. Запах пота обгонял его на несколько шагов. Немного не дойдя до Конана, кочевник остановился, глядя на того исподлобья.

– Твоя женщина у нас, – сказал он гортанным голосом и подался назад под яростным взглядом киммерийца.

Конан вскочил из-за стола и уже наполовину вытащил меч из ножен, когда Акеба схватил его за руку. Не за ту, которая держала оружие, – благоразумие не подвело опытного воина.

– Выслушай его, прежде чем убить, – потребовал он.

– Говори! – рубанул Конан.

– С тобой хочет поговорить Тамур, – медленно начал гирканиец, постепенно набирая темп. – Ты подрался с некоторыми из наших, поэтому Тамур решил, что ты не захочешь говорить. Тогда мы схватили твою женщину, чтобы ты согласился поговорить с нами.

– Я поговорю. Но если ей причинили зло – я не остановлюсь перед убийством. Отведи меня к ней.

– Позже вечером, – последовал ответ.

– Сейчас.

– Через час после захода солнца за тобой придут. – Гирканиец взглянул на Акебу и Шарака и добавил: – За тобой одним.

Меч Конана вылетел из ножен и сверкнул в воздухе.

– Нет, Конан! – крикнул Шарак. – Если ты сейчас убьешь его, ты никогда не увидишь свою девушку.

– Убью этого, пришлют другого, – буркнул киммериец, но, поколебавшись, положил клинок на стол.

– Проваливай, пока я не передумал, – рявкнул он на кочевника, а затем схватил один из кувшинов и запрокинул голову, явно собираясь осушить его до дна. Гирканиец недоверчиво посмотрел на Конана в последний раз, а затем поспешил выскочить из трактира.

Глава 11

Давиния лежала, довольно потягиваясь, пока Ренда ловкими движениями пальцев втирала в ее кожу ароматное масло. В руках служанки явно было заключено какое-то волшебство, помогавшее госпоже снять напряжение ее любовных утех. А сегодня ей было от чего отдохнуть. Этот варвар – мужик хоть куда. И главное, что он еще вернется. Хотя он и не сказал когда, весь ее опыт общения с мужчинами подсказывал ей, что никуда он не денется. Но и сама Давиния не знала, куда себя девать, вновь и вновь вспоминая блаженные мгновения, проведенные в его объятиях. Она была готова молиться любым богам, лишь бы Мундар Хан подольше не возвращался в город.

Стук в дверь оторвал руки Ренды от плеч светловолосой госпожи. С недовольным видом Давиния нетерпеливо ожидала возвращения служанки.

– Госпожа, – раздался голос Ренды, – вас хочет видеть один человек.

Давиния, забыв про свою наготу, вскочила на ноги:

– Варвар?

Она уже рассказала все своей доверенной прислуге. Почти все. Нет, Конан ни за что не решился бы открыть себя, явившись к парадному входу... Но кто же?

– Госпожа, это Джандар, Великий Повелитель Культа Хаоса.

Давиния удивленно захлопала глазами. Она, конечно, слышала об этом Культе, но ее жизнь была далека от любой веры или религиозных обрядов.

Интересно, с чего это к ней залетела эта важная птица? Может быть, он окажется очень даже забавным.

– Платье, Ренда, – скомандовала она.

– Госпожа, быть может, вы мне позволите...

– Нет. Платье. Быстро.

Она подняла руки, давая Ренде получше расправить на ней красное шелковое одеяние. Как всегда, служанка больше заботилась о репутации своей госпожи, чем сама Давиния.

Джандар ждал ее в зале для приемов. Двое рабов распахнули резные двери, впуская в зал Давинию. Когда двери за ее спиной закрылись, золотоволосая женщина на секунду остановилась, легким кивком головы ответив на приветствие гостя. Затем она прошла вперед, словно не глядя на Джандара, а на самом деле искоса внимательно разглядывая его.

– Ты... ты не такая, какой я тебя представлял, – сдавленным голосом произнес он.

Она позволила себе улыбнуться, все еще не поворачивая головы. Именно на такой эффект она и рассчитывала.

По первому впечатлению Джандар показался ей очень даже ничего. Хотя, конечно, бритая голова несколько портила общее впечатление. А оттопыренные уши придавали его лицу какое-то животное выражение.

Наконец Давиния посмотрела прямо в глаза посетителю. Что ж, мужчина как мужчина, и манипулировать им будет не труднее, чем всеми другими. Не считая того варвара. Отогнав от себя ненужные мысли, Давиния сосредоточилась на предстоящей беседе.

– Ты хотел меня видеть? Тебя ведь зовут... Джандар, да?

– Да. – Джандар начал приходить в себя. Но лишь частично, как показалось Давинии. – Ну, – продолжил он, – тебе понравилось мое ожерелье?

– Ожерелье?

– Рубиновое ожерелье, которое украли у меня сегодня ночью.

Его голос был настолько спокоен и даже ласков, что лишь некоторое время спустя до

Давинии дошел смысл сказанного. Ее словно ударило молнией. Ожерелье. Да как же она не связала приход Джандара с этим украшением? А все тот проклятый варвар. Она просто забыла обо всем, кроме него.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она, сама приятно удивившись тому, как твердо прозвучали ее слова.

— Не знаю, понравится ли Мундару Хану, если он узнает, что у тебя есть краденые драгоценности. Скорее всего, он очень заинтересуется тем, кто же принес его подруге такие побрякушки.

— Я купила его... — проговорилась Давиния и поняла, что попалась на свою же удочку, считая, что полностью завладела вниманием гостя.

— Я знаю, что Эмилио был твоим любовником, — тихо сказал Джандар. — А Конан, он что, занял его место?

— Что тебе нужно? — прошипела она, молясь всем богам, чтобы случилось чудо и ее непрошеный гость исчез.

— Немного информации, — ответил Джандар. — Где я могу найти этого Конана?

— Не знаю, — привычно соврала Давиния.

— Жаль, — его слова, словно стрелы, впивались ей в сердце, — очень жаль.

Давиния лихорадочно искала способ отвлечь Джандара от его цели. Но в ее голове мелькало лишь одно: «очень жаль, очень жаль».

— Можешь оставить ожерелье себе, — неожиданно предложил он.

Давиния удивленно уставилась на Джандара. Видимо, он все же не настолько непробиваем. В глазах бритоголового мужчины она прочла желание быть с нею, обладать ею. Тогда еще не все потеряно.

— Спасибо. Я...

— Надень его для меня.

— Конечно.

Это был шанс, и его надо было использовать. Давиния не торопясь, по-королевски вышла из зала, но, как только рабы закрыли за ней тяжелые двери, бросилась бежать.

Ворвавшись в свою спальню, она до полусмерти перепугала Ренду, поправлявшую разбросанные подушки.

— Расскажи мне все, что ты знаешь про этого Джандара! Только побыстрее, — потребовала Давиния, роясь в своих драгоценностях.

— Я много-то и не знаю, госпожа. Последователи этого Культа проповедуют...

— Не об этом, Ренда!

Разбросав в стороны украшения, Давиния схватила ожерелье и зажала его в кулаке.

— Расскажи мне то, что болтают слуги и рабы, о чем судачат на улицах. Ну же.

— Госпожа, слуги говорят, что он — очень могущественный человек. Один из самых влиятельных в Туране. Еще говорят, что его власть растет день ото дня. Говорят, например, что увеличение армии — его идея. Он сумел убедить в необходимости этого кое-кого из нужных людей, а те в свою очередь убедили короля. Хотя, конечно, Йилдиз давно мечтал об империи. Его не пришлось долго убеждать.

— И все же, — сказала Давиния, — это доказывает большую власть Джандара. Мундару Хану, несмотря на кровное родство, никогда не удавалось уговорить Йилдиза. А как же он этого добивается?

— У всех людей есть свои секреты, госпожа. Джандар ухитряется выведывать то, что люди хотели бы оставить в тайне. Ради этого они готовы выполнить любые просьбы Джандара. Многие говорят, что он колдун и что сам Культ невероятно богат.

– Насколько?

– Наверное, так же, как король Йилдиз.

Практичный ум Давинии немедленно начал работать над тем, как повернуть эту смертельно опасную ситуацию себе на пользу.

– Подай мне плащ. Живо! – скомандовала она служанке.

Когда Давиния вновь появилась перед Джандаром, на его лице отразилось удивление. Алый плащ укутывал женщину от шеи до ступней.

– Я не понимаю... А где же ожерелье?

– Я надела его специально для тебя.

С этими словами она распахнула плащ, под которым на ее прекрасном теле не было ничего, кроме кроваво-красных капель рубинов.

Лишь мгновение простояла она так. Затем, запахнув плащ, она поднялась на цыпочки и пританцовывая пошла по комнате, время от времени искушающе приоткрывая свою наготу, но не так полно, как в первый миг.

Давиния закончила свой танец, опустившись перед Джандаром на колени и спустив плащ с обнаженных плеч. Медленно-медленно она подняла глаза и поняла, что попала в точку. Лицо Джандара горело желанием. Пришел черед решающего удара.

– Варвар по имени Конан сказал мне, что остановился в «Синем быке». Это на улице Лотосовых Грез, рядом с портом.

Некоторое время Джандар смотрел на нее, плохо понимая, что она говорит. Затем он возбужденно пробормотал:

– Он мой! – Лицо Джандара стало абсолютно бесстрастным, и, посмотрев на Давинию, он добавил: – Что толку мужчине от женщины, если она обманывает его?

Давиния ответила с улыбкой:

– Наложница и содержанка должна быть честна и верна своему господину.

По крайней мере, подумала она, женщина должна заставить мужчину поверить в это. Вслух же она добавила:

– Но ты не мой господин. Пока что.

– Я могу забрать тебя с собой.

Давиния лишь покачала головой:

– Стража не выпустит меня. Но в дальней половине дворца есть старый выход. Им не пользуются, поэтому не ставят там почетного караула. Через час после того, как стемнеет, я буду там с моей служанкой.

– Сегодня вечером. Я пришлю за тобой людей.

Он резко наклонился, поднял ее и жарко поцеловал в губы.

Не так хорошо, как Конан, промелькнуло в ее голове. Жаль, конечно, что варвару суждено умереть. Сомнений в том, что задумал Джандар, у нее не было. Но Джандар – это шаг в будущее, а Конан – он из прошлого. А с прошлым Давиния всегда поступала одинаково: она выкидывала его из памяти, словно его никогда и не было.

Глава 12

По мере приближения назначенного часа «Синий бык» наполнялся посетителями – хохочущими проститутками и пьющими мужчинами. Конану было не до веселья и не до вина. Он сидел за столиком со своими друзьями и мрачно глядел на дверь.

– Когда же он придет? – не обращаясь ни к кому конкретно, спросил Шарак. – Я уверен, что уже давно пора.

Ни Конан, ни Акеба не ответили и даже не отвели взгляда от входной двери. Кулак Конана крепко сжимал рукоять меча.

– Тоже мне приключения, – не унимался старики-астролог, – сидишь тут и ждешь неизвестно чего...

– Вот он, – тихо сказал Акеба. Конан уже стоял у стола. Длинноносый гирканиец остановился в дверях, кивая киммерийцу и бросая взгляд на улицу. – Удачи тебе, киммериец, – тихо сказал Акеба.

– И тебе, – ответил Конан.

Пока он шел по комнате к выходу, до него донесся недоумевающий голос старика:

– При чем тут эти пожелания удачи! Они просто хотят поговорить, вот и все...

Ответа Акебы Конан не услышал, если тот и сподобился объяснять что-то Шараку. Опытный сержант наверняка знал, как много людей, вызванных на такой ночной разговор, никогда больше не возвращались.

– Пошли, – сказал Конан гирканийцу, и тот, бросив последний подозрительный взгляд в обе стороны по улице, повел за собой киммерийца.

На город опустилась ночная тьма. Луна, словно серебряная монета, висела низко над горизонтом. Улицы были освещены факелами, горящими у входов в кабаки, из которых доносились веселые голоса, песни, смех, иногда звуки драки.

– Куда ты ведешь меня? – спросил Конан.

Гирканиец не ответил. Он шел, сворачивая явно наугад, постоянно озабоченно оглядываясь.

– Мои друзья не пойдут со мной, – сказал ему Конан. – Я же обещал пойти один.

– Я боюсь не твоих друзей, а... – тут гирканиец замолчал и больше не проронил ни слова.

Конан заинтересовался, чего же так боится его провожатый, но, не придумав ничего подходящего, предпочел сконцентрировать свое внимание на том, чтобы не потерять ориентацию в этих закоулках. Когда длинноносый кочевник остановился перед какой-то дверью и открыл ее, Конан был уверен, что, несмотря на столь долгий путь, проделанный ими, «Синий бык» находится всего-то в паре кварталов к северу. В случае если встреча перейдет в стычку, будет неплохо знать, где находишься.

– Иди первым, – сказал киммериец. Кочевник, ни слова не говоря, повиновался. Деревянные ступени лестницы, ведущей на второй этаж, заскрипели под его ногами. Конан покрепче сжал меч и шагнул вслед за ним.

Лестница привела их к двери, за которой оказалась комната, освещенная двумя коптящими светильниками. Мерзкий запах горелого жира смешивался с запахом пота. С десяток гирканийцев, сидевших в комнате, недобро уставились на Конана, но никто не протянул руку к оружию. Одного из них Конан узнал по шраму на лице. Это об его голову Эмилио разбил кувшин.

– Меня зовут Тамур, – сказал человек со шрамом. – Ты – Конан?

– Да, я Конан, – коротко подтвердил киммериец. – Где девушка?

Тамур махнул рукой, и двое гирканийцев открыли большой сундук, стоявший у стены. Они

подняли Ясбет, связанную и с кляпом во рту. Ее оранжевое платье было изодрано и перепачкано, а на пыльных щеках отпечатались высохшие следы слез.

— Я же предупреждал твоего человека. Если с ней что-нибудь случится, я...

— Нет, нет, — поспешил оборвать его Тамур. — Ее платье было таким, когда мы схватили ее около того трактира. Если бы мы надругались над ней, разве показали бы мы ее тебе, рассчитывая на разговор с тобой.

Может, он и не врет, подумал Конан, вспомнив крохотное окно, через которое пришлось выбираться девушке.

— Развяжите ей ноги.

Один из кочевников перерезал веревку, стягивавшую ноги девушки. Она попыталась встать, но со стоном, заглушенным кляпом, повалилась на крышку сундука. Вопросительно поглядев на Конана, кочевник потянулся ножом к связанным рукам Ясбет и ее кляпу. Киммериец отрицательно покачал головой. Он по опыту знал, что она может натворить или наговорить, если ей дать свободу. Ясбет бросила злобный взгляд на Конана, но, к его удивлению, осталась сидеть неподвижно и тихо.

— Тебя узнали, когда ты был в лагере Баальшама, — сказал Тамур.

— Баальшам? А кто это?

— Ты знаешь его как Джандара. Кто знает, как его зовут по-настоящему? — Тамур вздохнул. — Может быть, будет легче, если я начну издалека, с самого начала?

Люди Тамура поставили на стол флягу с дешевым вином и две глиняные кружки. Сам Тамур сел за одним концом стола, Конан — за другим. Киммериец обратил внимание, что никто из кочевников не становится за его спиной, все старательно держат руки в стороне от оружия. Это казалось странным. За гирканийцами закрепилась слава народа, не обремененного традициями вежливости и благородства. Оказавшись вот так, десять против одного, они могли бы меньше обращать внимание на комфорт гостя. Конан принял кружку из рук Тамура, но как только тот заговорил, киммерийцу стало не до вина.

— Пять лет назад, — начал свой рассказ кочевник со шрамом на лице, — среди нас появился человек по имени Баальшам. Он и еще два человека со странной желтой кожей. Он продемонстрировал кое-какие познания в магии и был принят нашими шаманами. Тогда он начал свои проповеди о неизбежном возвращении к Хаосу и неотвратимости рока. Среди молодежи его речи пользовались успехом. Ведь он называл западные народы порождением зла и учил, что в один прекрасный день гирканийские всадники переправятся через море Вилайет и очистят погрязшие в пороке земли.

— Ничего себе, замахнулся, — пробормотал Конан. — Но, похоже, у него ничего не вышло?

— Он был уже близок к успеху. Вокруг него собирались тысячи молодых воинов. А кроме того, он стал сильно влиять на Совет Старейшин. Затем по ночам нам стали попадаться странные существа — полулюди, полудемоны. Они поведали нам, что они — души убитых людей, наших друзей и братьев, заколдованные Баальшамом и вынужденные повиноваться ему. То, что им удавалось выследить и разузнать, и служило основой влияния Баальшама на Совет Старейшин.

Ясбет что-то громко замычала сквозь кляп и резко замотала головой, но мужчины не обратили внимания.

— Я видел такое колдовство, — подтвердил Конан, — страшная штука. Ну, и как его выставили? Я не поверю, что этот мерзавец покинул вашу страну по собственной воле.

— В одну ночь против него восстали десять племен. Те самые люди-демоны, которые предупреждали нас, сражались против нас, повинуясь его воле, как и множество молодых воинов — его последователей.

Тамур потрогал шрам на щеке:

— Это мне оставил родной брат. Да, эти воины — наши братья, дети, друзья — погибли все до единого. Даже их девушки бились насмерть. Лишь то, что нас было больше, принесло нам победу. Баальшам бежал, и вместе с ним исчезли демоны. Чтобы предотвратить резню между родами, Совет Старейшин постановил, что никто не вправе требовать отмщения за кровь погибших в этой битве близких. Мы решили вычеркнуть из памяти имена тех, кто пошел за Баальшамом. Но кое-кто из нас не смог забыть, что мы были вынуждены проливать ту же кровь, что течет в наших жилах. Когда заезжие купцы рассказали нам о человеке по имени Джандар и созданном Культе Хаоса, мы поняли, что это — Баальшам. Пятьдесят человек переправились через море, чтобы отомстить ему. Прошлой ночью нас постигла неудача. Теперь нас всего девятнадцать... — Тамур замолчал. Конан нахмурился:

- Занятная история. А при чем здесь, собственно, я?
- Потому что нам нужна твоя помощь, — неохотно выдавил из себя Тамур.
- Помощь? — воскликнул Конан.

Тамур поспешил продолжить:

— Когда обрушилось здание дворца Баальшама, вырвались на свободу огромные силы. Сама земля плавилась и кипела, как вода. Теперь это место называется Проклятой Землей. Три дня и три ночи наши шаманы работали, чтобы сдержать зло, идущее с этого места. Теперь ни один из нас не может преодолеть барьер этих заклятий. Но там внутри наверняка осталось что-то из колдовских приспособлений Баальшама, которые можно было бы обратить против него самого. Не мог же он забрать с собой все, когда бежал. Но ни один гирканиец не сможет пройти за барьер живым. Ни один гирканиец, — закончил Тамур и пристально поглядел на Конана.

- Я расквитался с Джандаром, — ответил киммериец.
- А расквитался ли он с тобой? Злоба Баальшама не ослабевает со временем.
- А что мне до его злобы. Он не знает, где меня найти. Не знает даже, кто я такой. Пусть его злоба хоть сожрет его самого.

— Ты мало его знаешь, — настойчиво продолжал Тамур. — Он...

С громким треском обломилась доска пола, и из образовавшейся дыры вылезла серозеленая рука, схватившая Конана за лодыжку.

— Это те демоны! — закричал один из кочевников, вытаращив глаза.

Ясбет застонала сквозь кляп. Мужчины, еще толком не понимая, что происходит, схватились за оружие.

Конан вскочил на ноги, пытаясь освободиться. Но эти мертвые узловатые пальцы держали его невероятно цепко. Еще одна уродливая рука появилась из дыры в полу и потянулась к киммерийцу. Его меч свистнул, рассекая воздух: одна рука упала на пол, обрубок второй так и остался висеть на его лодыжке.

Острием меча Конан сковырнул на пол эту мертвую ладонь. В это же время он увидел, как из-под пола лезет страшное создание, с безгубым оскаленным ртом, горящими глазницами, размахивающее обрубками рук. Увидев лежащие на полу ладони, чудовище потянулось к ним — и одна мертвая плоть мгновенно приросла к другой. Чудовище продолжало прокладывать себе путь в комнату, запросто ломая толстые доски пола.

Вдруг другая пара рук проломила стену, впившись в тело одного из гирканийцев. Конан снес голову карабкающемуся сквозь пол созданию, но даже в таком виде оно продолжало двигаться к своей цели.

Третья голова проломила пол, и появившаяся вслед за ней рука схватила за ногу Ясбет. Девушка вскрикнула и потеряла сознание.

Конан подхватил падающую Ясбет, ударом меча обрубив вцепившуюся в нее мертвый хваткой руку. Больше в этой комнате делать нечего, пронеслось в его голове, если, конечно, он не

собирается окончить здесь свою жизнь.

— Бежим! — крикнул он. — Надо выбираться отсюда.

Положив Ясбет себе на плечи, он вылез через окно и выпрыгнул на улицу. Кое-кто из гирканийцев последовал за ним. Не обращая ни на кого внимания, Конан побежал прочь по улице. Некоторое время до него доносились звуки разгоревшегося боя, неожиданно стихшие. Киммериец остановился, но ничего не увидел в темноте.

Из-за его плеча раздался сдавленный стон. Ясбет. Конан опустил ее на землю и, вздрогнув, увидел, что мерзкая ладонь все еще висит на лодыжке девушки. Сыпля проклятиями, он один за другим разогнул мертвые пальцы и, размахнувшись, швырнул серо-зеленую кисть подальше в ночную темноту.

Ясбет снова застонала и вдруг открыла глаза.

— Я... мне снились кошмары... — прошептала она.

— Это был не сон, — сквозь зубы процедил Конан, напряженно ожидая звуков погони. — Но с этим покончено, — добавил он, очень желая, чтобы так оно и оказалось.

— Но эти демоны... ты думаешь, они были на самом деле? — Ее чуть не вырвало. — Откуда они взялись? Зачем? — заревела она.

Конан зажал ей рот и недовольно сказал:

— Я готов поспорить на что угодно, что это дело рук Джандара. И если ты не прекратишь орать на всю улицу, то его милые создания запросто найдут нас. Кто знает, удастся ли так легко скрыться во второй раз.

Он осторожно убрал руку от ее рта.

— Я не верю тебе, — сказала Ясбет. — Ни тебе, ни твоим вонючим гирканийцам!

Правда, голоса она больше не повышала.

— Это страшный человек, — спокойно сказал Конан. — И самое черное колдовство исходит от него. Я уверен, что то, что мы видели, — еще не предел его мастерства.

— Не может быть, Культ...

— Тсс!

Топот множества ног послышался из дальнего конца улицы. Толкнув Ясбет поглубже в тень, Конан ждал, держа меч наготове. В темноте замаячили неясные силуэты. До Конана донесся запах давно не мытых тел и бараньего жира.

— Тамур? — тихо позвал Конан.

Несколько клинов сверкнули в темноте. Затем один из силуэтов сделал шаг вперед и спросил:

— Конан?

— Да, — ответил киммериец. — Скольким удалось спастись?

— Тринадцати, — вздохнул Тамур, — остальных разорвали на куски. Теперь ты понимаешь, что должен пойти с нами? Это были демоны Баальшама. Он все равно рано или поздно найдет тебя.

Конан почувствовал, как Ясбет вздрогнула.

— Он меня не найдет. Он даже не знает, кого искать.

Неожиданно один из гирканийцев перебил их.

— Огонь, — сказал он, — к северу от нас. Большой пожар.

Конан взглянул в ту сторону, и его сердце сжалось. Да, это был большой пожар. И если он не ошибался, «Синий бык» был в самом центре этого огня. Не говоря ни слова, киммериец схватил Ясбет за руку и побежал в сторону зарева. Кочевники бросились за ним, хотя это меньше всего интересовало.

Улица Лотосовых Снов была забита людьми, разглядывающими пожар. Горели четыре дома, «Синий бык» сильнее других. Пожар отбрасывал свои багровые отсветы на лица зевак. Часть

людей (и Фериан среди них), организовали цепочки от ближайшего колодца. Но было ясно, что большая часть квартала сгорит прежде, чем удастся остановить огонь.

Пробираясь сквозь толпу зевак, Конан услышал знакомый голос:

— А я тебе говорю, стоило только ткнуть его этим посохом, как он тотчас же исчез в облаке дыма. А ты не верил, что посох волшебный.

Улыбаясь едва ли не в первый раз за эти дни, Конан повернулся и пошел на голос. Он наткнулся на перепачканных копотью Акебу и Шарака, сидящих прислонившихся к дверям гончарной лавки.

— Ты вернулся, — сказал Шарак, увидев приближающегося Конана, — и девчонка с тобой. А мы-то думали, что это ты подвергаешься опасности сегодня ночью. Кстати, я тут убил одного демона.

— Демона? — хрипло спросил Конан.

Акеба кивнул:

— Похоже, что только так их и можно назвать. Они врывались сквозь пол и стены, разрывая на куски всех, кто попадался на пути. Похоже, они искали кого-то, не оказавшегося в трактире.

— Меня, — сухо сказал Конан.

Ясбет запротестовала:

— Не может быть!

Но мужчины не обратили на нее внимания.

— Я же говорил, что он найдет тебя, — раздался голос подошедшего Тамура. — Теперь ты сам видишь, что у тебя нет другого выхода, кроме как отправиться с нами в Гирканию.

— Гиркания! — воскликнул Шарак.

Конан неохотно кивнул в знак согласия. Выбора не было. Или уничтожить Джандара, или погибнуть самому.

Глава 13

Ранним утром Конан шел по длинному каменному причалу к нужному ему судну. «Танцующая в волнах» выглядела инородным телом среди тяжелых транспортных галер и парусников. Меньше чем двадцать шагов в длину, она несла лишь один парус. Пятнадцать весел можно было спустить в один ряд с каждого борта. Высоко загнутый нос и узкая корма придавали ей вид очень быстрого судна. Конану приходилось видеть такие корабли в бухте Султанапура. Их использовали контрабандисты, обходившие королевскую таможню. Для посторонних эти корабли маскировались под рыболовные шхуны. Не было исключением и «Танцующая в волнах». Еще на подходе в нос Конану ударил запах тухлой рыбы, смешанный с вонью пригоревшей на камбузе пищи.

Он очень осторожно поднялся по сходням и внимательно осмотрелся. Команды таких судов, мягко говоря, недолюбливали незнакомцев. Два почерневших от загара матроса с тонкими косичками на затылках уставились на ступившего на палубу киммерийца немигающими черными глазами.

— Где ваш капитан? — начал он и вдруг услышал подозрительный шорох за спиной.

Резко развернувшись, Конан успел перехватить руку с занесенным над ним кинжалом и оказался лицом к лицу с остроносым человеком в красной косынке на голове. Да, это тот самый иранистанец, чьих друзей Конану пришлось отправить на тот свет в первый же день его пребывания в Аграпуре. И если этот парень был членом команды «Танцующей в волнах», то и те двое, вполне вероятно, плавали на этом же судне. Иранистанец открыл рот, но Конан не стал дожидаться, пока тот выскажет то, что хотел. Одним движением он сгреб остроносого в охапку и вышвырнул его за борт. Подняв фонтан брызг, тот грохнулся в вонючую портовую воду и поплыл прочь, даже не обернувшись.

— Разрази меня гром! — прорычал человек с бычьей шеей, вылезший из трюма на палубу. Его череп был лыс, если не считать длинного чуба на лбу, зато на грудь спускалась роскошная борода. Маленькие мышиные глазки впились в Конана. — Это из-за тебя весь крик?

— Ты что, капитан? — спросил Конан.

— Да. Меня зовут Муктар. Что же здесь все-таки происходит, Эрлик тебя побери?

— Я поднялся на борт, чтобы нанять твою посудину, а один из твоих людей решил воткнуть мне кинжал в спину. Я просто выкинул мерзавца за борт.

— Выкинул за борт... — повторил капитан подозрительным тоном. — Значит, ты говоришь, что хочешь нанять «Танцовщую в волнах»? Зачем?

— Торговая поездка в Гирканию.

— Купец, значит... Ты что, за дурака меня держишь? — рассмеялся Муктар, упервшись руками в бока.

Конан сжал зубы и подождал, пока моряк отсмеется. Накануне Акеба и Тамур сочинили эту историю про торговца. Дело в том, что гирканийские племена и раньше не очень-то доверяли чужакам, а после истории с Джандаром допускали в свои земли только купцов. Конан с тоской подумал о золоте Давинии. После закупки необходимого товара и платы за наем судна вряд ли останется сумма, достаточная даже для одной веселой ночи.

Наконец смех Муктара стих, его живот перестал колыхаться, а в глазах зажегся алчный огонек.

— Ну, да ладно, — сказал капитан, — в конце концов, можно попробовать. Я бы, пожалуй, взял с тебя совсем недорого. Пятьдесят монет.

— Двадцать, — сразу же назначил свою цену Конан.

– Никакой торговли. Ты и так уже стоил мне одного члена экипажа. Он хоть не утонул? Если он утонет, то портовые власти заставят меня выловить труп и похоронить за мой счет. Ладно, сорок золотых. И учти, что это очень дешево.

Конан вздохнул. Нельзя было терять времени. Если Тамур говорит правду, то сваливать из города нужно до заката.

– Давай поделим разницу пополам. Тридцать монет. Это мое последнее слово. Если тебя не устраивает, я найду другой корабль.

– В этом порту нет такого корабля, который смог бы причалить к гирканийскому берегу.

– Завтра или послезавтра появится нужный корабль.

– Ладно, – с недовольным видом согласился Муктар. – Тридцать золотых монет. И учти, что это очень дешево.

– Договорились. Отчаливаем, как только загрузимся.

– К чему такая спешка?

– Торговля – дело такое. Ни к чему терять время.

* * *

– Говори, – приказал Джандар и заходил из угла в угол, слушая доклад молодого парня, одного из посвященных.

– Великий Господин, мы нашли одного иранистанца, который утверждает, что дважды подрался с человеком, как две капли воды похожим на Конана. Этот иранистанец был матросом на шхуне контрабандиста «Танцующая в волнах», которая отчалила из порта сегодня днем, загрузившись товаром. Среди пассажиров – группа гирканийцев, высокий голубоглазый варвар и девушка, похожая по описанию на ту, что исчезла из лагеря в ночь нападения гирканийцев. – Он прервал доклад, явно рассчитывая услышать похвалу за столь подробную информацию.

– Место назначения? – резко спросил Джандар. – Куда направилось судно?

– В Гирканию, как мне сообщили, Повелитель.

– Ты не находишь, что это достаточно важно, чтобы сообщить мне без напоминания?

– Но, Великий господин, раз уж они бежали, то не все ли равно...

– Не тебе решать, что важно, а что нет. Еще что-нибудь узнал?

– Нет, Повелитель.

– Тогда пошел вон!

Еще прежде чем за юношей закрылась дверь, Джандар уже забыл о нем. Человек, которого когда-то звали Баальшамом, подошел к окну. Отсюда ему была видна Давиния, раскинувшаяся в тени деревьев в саду. Один из рабов обмахивал ее опахалом из белоснежных страусовых перьев. Никогда еще в жизни Джандара не было такой женщины. Такой пленительной и возбуждающей.

– Я послушал, что говорят люди, Повелитель, – раздался голос Че Фана за его спиной. – Уже пошли недовольные разговоры, что с нею обращаются не так, как с другими.

Джандар вздрогнул и обернулся. Оба кхитайца стояли перед ним. За все годы, что они следовали за ним, он так и не привык к неслышности их движений и неожиданности появления.

– Если болтливые языки не держатся за зубами, я позабочусь о том, чтобы этих языков не осталось вовсе.

– Простите, Великий Господин, если я заговорил не вовремя, – сказал с поклоном Че Фан.

– Сейчас есть более важные дела, – сказал Джандар. – Этот варвар уплыл в Гирканию. Если бы он просто бежал, то вряд ли бы стал нанимать судно. Нет. Он решил найти что-то, какое-то оружие, которое можно использовать против меня.

– Но ведь там ничего не осталось, Повелитель, – возразил Суйтай, – все уничтожено.

– Ты уверен? Я не могу рисковать делом своей жизни. Я приказал приготовить самую быструю галеру в Аграпуре. Вы немедленно отправитесь на ней в Гирканию. Убейте этого Конана и привезите мне то, что ему удастся найти.

– Слушаемся, Великий господин, – в один голос ответили оба кхитайца.

Все будет хорошо, говорил себе Джандар. Все хорошо. Он уже слишком высоко забрался, чтобы позволить себе упасть. Слишком высоко.

Глава 14

Серые волны с размаху разбивались об изогнутый нос «Танцующей», и над ее палубой висела водяная пыль. Треугольный парус стоял вертикально, глядя острым углом в небо, где бледное солнце стояло на полпути от зенита к западному горизонту.

На корме один из моряков, едва ли чуть ниже Конана ростом, но намного шире его в плечах, наваливался всем своим немальным весом на руль. Большая же часть команды лежала, отдыхая среди тюков с товаром.

Конан стоял на палубе, придерживаясь за один из канатов. Он не был моряком, но время, проведенное среди султанапурских контрабандистов, по крайней мере, приучило его желудок к постоянной качке.

Акебе повезло меньше. Разогнувшись, после того как очередной раз ему пришлось перевеситься через борт, он глухо сказал:

– Нет, лошадь двигается не так. Неужели это никогда не прекращается?

– Никогда, – сказал Конан, но, посмотрев еще раз на Акебу, смягчил ответ: – Иногда бывает меньше. В любом случае, скоро ты привыкнешь. Посмотри на гирканийцев. Это всего лишь второе путешествие в их жизни, но не похоже, чтобы им было плохо.

Тамур и другие кочевники сидели около мачты, ведя свою неторопливую, нескончаемую беседу. Они передавали друг другу кувшины с вином и куски белого овечьего сыра, прерывая разговор только затем, чтобы откусить кусок или приложитьсь к кувшину.

– Не хочу я их видеть, – икая, сказал Акеба. – Клянусь Митрой, я не знаю, что воняет хуже – тухлая рыба или их чертов сыр.

Центром внимания нескольких матросов оказался Шарак.

– И вот я ударил их своим волшебным посохом, – он грозно замахал своей палкой, – и три демона рассыпались в прах. Остальные жалобно выли, моля о милости. Но для таких мерзких созданий у меня нет милости. Многих и многих из них я превратил бы в пыль и безобидный дымок, но они растаяли, спасаясь от меня, бежали в свой адский мир, изрыгая пламя, чтобы замедлить мою погоню...

– Слушай, Акеба, неужели он и вправду смог что-то сделать против этой мерзости? – спросил Конан. – Сколько лет старикан всем расхваливает свой посох, но я еще ни разу не видел, чтобы от него было больше пользы, чем от обычной клюки.

– Не знаю, – ответил Акеба. Он всячески старался не обращать внимания на качку, но, судя по зеленоватому оттенку его лица, это ему плохо удавалось. – В первый момент я увидел, как старик запрыгал не хуже молодого танцора, исполняющего танец на углях. При этом он во все стороны тыкал своим посохом. А потом мы вместе выскочили на улицу. А пожар – это Фериан сам виноват. Он запустил светильником в одного из демонов. Тому хоть бы что, зато горящее масло растеклось по стене и полу.

– Спалил свой трактир... – задумчиво сказал Конан. – Я думаю, открыть новое заведение будет стоить недешево, хотя сдается мне, что у него хватит золота еще на десять таких забегаловок.

Муктар, проходя мимо, остановился рядом с Конаном, посмотрел в небо, а затем в глаза киммерийцу.

– Туман, – буркнул капитан, помолчал, а потом добавил: – Перед закатом. Море Вилайет коварно...

Оборвав фразу, словно наговорил лишнего, капитан пошел к рулю той самой походкой, которая на суше кажется переваливанием с боку на бок, а на корабле гасит все движения палубы.

Конан внимательно посмотрел ему вслед:

— Чем дальше мы отплываем от Аграпура, тем меньше он говорит. И тем меньше я ему доверяю.

— Он ждет не дождется получить вторую половину денег. А кроме того, вместе с гирканийцами нас больше, чем его людей.

Золото было помянуто Акебой совсем некстати. После расчетов за товар и судно в кошельке у Конана осталось всего восемь монет. В иные времена это показалось бы киммерийцу изрядной суммой, но чтобы так сразу, после сотни... Он поймал себя на том, что мечтает получить прибыль с продажи товара. Обычно одни эти слова — товар, торговля, прибыль — оставляли у него во рту кислый привкус, как от гирканийского сыра.

— Да, дай Муктару волю, он нас точно скормил бы рыбам, а товар загнал бы подороже. Эти контрабандисты знают хороших покупателей. Эй, что с тобой, Акеба?

Туранец снова перегнулся через борт, и его плечи задергались от приступа тошноты, хотя в желудке уже давно ничего не осталось.

Ясбет подбежала к ним со стороны кормы, ловко перепрыгивая через лежащих людей и огибая тюки с товарами.

— Мне не нравится этот Муктар, — заявила она Конану. — Он таращится на меня, словно покупатель на невольничьем рынке.

Еще до отплытия Конан, решив, что ее оранжевые лохмотья — не лучший наряд для плавания, купил ей одежду по своему усмотрению. Сейчас на ней была короткая кожаная куртка, под ней — серая шерстяная туника, шаровары из такого же материала и сапоги до колен. Одежда, конечно, мужская, но то, как облегала ткань тело Ясбет, не оставляло сомнений в том, что под нею — женщина.

— Не бойся, — твердо сказал Конан.

Надо будет поговорить с капитаном с глазу на глаз, подумал Конан. Вряд ли тот понимает что-то, кроме тяжелых кулаков. Заодно и другим любителям поглазеть будет наука.

— С тех пор как я с тобой, мне нечего бояться, — просто сказала Ясбет. — Ой, а что с Акебой, Конан? — Сама она не испытывала, к счастью, никаких неудобств от качки.

— Приболел.

— Бедняжка. Может, принести ему теплого супа?

— Эрлик побери эту женщину! — простонал Акеба, содрогаясь всем телом.

— Я думаю, что суп ему понадобится чуть позже, — рассмеялся Конан.

Взяв Ясбет за руку, он отвел ее от борта и усадил на перевернутое ведро. На этот раз его лицо было совершенно серьезно.

— Ты что такой мрачный, Конан? — спросила она.

— Если вдруг начнется какая-нибудь заварушка, — негромко сказал киммериец, — на борту или потом, на берегу, держись ближе ко мне или к Акебе, если меня рядом нет. Если случится худшее — Шарак поможет тебе спастись. Он, конечно, не боец, но до таких лет не дотягивают, не научившись искусству выживания.

Тонкая морщина прорезала лоб Ясбет.

— Почему ты говоришь так, словно не собираешься оставаться со мной?

— Никто не знает, что может случиться, а я хочу, чтобы ты была невредима.

— Я так и думала, — сказала она с непонятными Конану теплотой и счастьем.

— В крайнем случае, доверься Тамуре, но только если нет другого выхода.

Этот кочевник внушал Конану больше симпатии, чем остальные. По крайней мереказалось, что он не станет предавать, но Конан предпочел бы не испытывать этого на верность. Недаром древняя поговорка гласит: «Если берешь в друзья гирканийца, лучше оплати свои похороны

заранее».

— Не доверяй больше никому. Даже если это будет значить, что тебе придется искать дорогу домой одной.

— Но ты же будешь со мной. Я знаю, — улыбнулась Ясбет.

Конан хмыкнул. Взяв ее с собой, он подвергал девушку не меньшей опасности, чем оставил служить Джандару. Как же помочь ей добраться до дома? Эх, если бы она могла сама за себя постоять. Сама...

Покопавшись в тюках, Конан вытащил из одного очень длинный прямой кинжал немедийской работы. Его клинок не был заточен. Гирканийские кочевники считали единственным доказательством новизны оружия — первый след от точильного камня, оставленный точилом на их глазах.

Подбросив длинный (ненамного короче меча) кинжал, Конан поймал его за клинок и протянул рукоятку Ясбет. Она удивленно уставилась на него.

— Возьми, — сказал Конан.

Девушка нерешительно обхватила пальцами обмотанную кожей рукоятку и, когда Конан ослабил хватку, едва ли не выронила кинжал на палубу.

— Тяжелый, — смеясь, сказала она.

— Украшения, которые ты таскала на себе дома, весили, наверное, не меньше. И ничего. К этому тоже привыкнешь, прежде чем мы доплынем до Гиркании.

— Привыкну к этой штуке?

Ее удивленный возглас вызвал улыбки и смешки лежавших поблизости матросов. Кочевники и те перестали жевать и, замолчав, повернули к девушке головы. Рот Тамура застыл в недоверчивой ухмылке.

Конан пытался не обращать на них внимания, с трудом удерживая себя от того, чтобы расквасить пару первых попавшихся носов.

— Меч слишком тяжел для тебя, — сказал он девушке, — сабля или ятаган легче, но ты не успеешь научиться пользоваться ими до того, как мы доберемся до места. А владеть клинком тебе придется научиться.

Ясбет молча смотрела на киммерийца широко раскрытыми глазами, растерянно прижимая к груди кинжал.

Хриплый хохот прокатился по палубе. Вслед за этим послышался голос Муктара:

— Это же баба! Ты что, решил научить бабу драться?

Конан проглотил вертевшееся на языке ругательство и ограничился лишь короткой фразой:

— Любой может научиться держать в руках кинжал.

— Может, и младенцев будешь учить?

— Ребята, — Муктар повернулся к своей команде, — перед вами человек, который плывет в Гирканию, чтобы научить овец охотиться на волков.

Подбодренные капитаном, матросы тоже начали бросать иронические реплики в адрес Конана.

В глазах киммерийца горело столько огня, что, казалось, хватило бы и на небольшую кузницу.

— Ставлю золотую монету, что через полчаса я научу ее, как противостоять любому из твоих ублюдков.

Муктар усмехнулся в бороду и промычал:

— Монету? Может, сразу пять?

— Договорились. Пять так пять, — отрезал Конан.

— Ну, иди учи ее, варвар. Посмотрим, как она поможет тебе облегчить кошелек.

Конан уже и рад был пойти на попятную. Но боги не хотели, вняв его мольбам, сделать так, чтобы все вокруг забыли его слова. Он мрачно отвел Ясбет в сторону и поправил ее пальцы на рукоятке.

– Держи вот так, девочка.

Ее рука совершенно не сопротивлялась его движениям и держала кинжал не крепче, чем тесто держит погруженный в него нож. Глаза Ясбет неотрывно следили за лицом Конана.

– Да очнись ты наконец, – рявкнул киммериец. – Держи кинжал так, как будто это моя рука.

– Так ты и вправду веришь, что я смогу... – в ее голосе слышалось удивление и недоверие, – что я смогу научиться обращаться с оружием? И даже защитить себя от мужчины?

– Я бы не поставил на тебя, если бы не был уверен, – сказал Конан со вздохом. – Я знал женщин, которые владели кинжалом не хуже мужчин, и даже лучше, чем многие. Пойми, это не оружие грубой силы, как топор. Тут нужна подвижность и быстрота реакции. Только дурак будет отрицать, что ловкость и быстрота присущи женщинам.

– Но победить мужчину... Я же никогда раньше ничего такого в руках не держала. – Вдруг, присмотревшись к кинжалу, она нахмурила брови: – Он тупой. А кинжал должен резать. Это даже я знаю.

– Я потому и выбрал для тебя этот кинжал, чтобы ты потренировалась. Смотри, его конец достаточно острый, чтобы пустить кровь. Но зато ты случайно не убьешь своего противника, а мне не придется убивать Муктара.

– Понятно, – кивнула Ясбет.

Ее лицо приняло суровое выражение, и она сделала шаг вперед. Конан едва успел схватить ее за руку.

– Подожди, еще рано, – улыбнулся он. – Сначала выслушай меня. Эти контрабандисты опасны ночью, когда нападают со спины. В открытом бою им грош цена. Но все равно, в настоящем поединке он тебя в два счета убьет.

– Тогда как...

– Помни, что ты всегда можешь убежать...

– Я не стану этого делать. У меня не меньше гордости, чем у любого мужчины, включая тебя.

– Но у тебя пока нет навыков. Ты должна победить хитростью и внезапностью. Пока только так. Умение придет позже. Запомни. Наноси удар, только когда противник потеряет равновесие. А в остальное время – убегай. Швыряй все, что подвернется, ему в голову или под ноги, но не пытайся попасть в оружие или туловище. Все эти предметы он легко отобьет клинком. Пусть он думает, что ты в панике. Визжи, если хочешь.

– Не собираюсь.

Конан подавил улыбку.

– И еще. Тебе будет легче победить, если он будет видеть в тебе женщину, а не противника.

– А как мне пользоваться оружием?

– Бей им, – рассмеялся Конан, глядя в ее удивленные глаза. – Представь, что твой клинок – это палка. Да, и не забудь, что им можно колоть. Люди часто используют такой длинный кинжал только как рубящее оружие, забывая, что у него еще есть острие. Запомни, что я тебе сказал, и ты победишь.

– Ну, долго ты там будешь болтать? – крикнул Муктар. – Твое время истекло. Если ты поговоришь еще столько же, Байан совсем состарится. Какой из него тогда воин.

Рядом с капитаном стоял худощавый человек среднего роста, жилистый, загорелый на солнце. Он медленно описывал саблей круги в воздухе, обнажая в недоброй улыбке желтые зубы.

Сердце Конана екнуло. Он в глубине души надеялся, что Муктар выставит кого-нибудь вроде

повара – толстого коротышки – или, по крайней мере, самого массивного из его матросов. Тогда быстрота движений девушки была бы серьезным оружием. А этот человек, похоже, мог двигаться быстрее, чем горная серна. Конан решил, что скорее разорвет договор и подставит себя под всеобщие насмешки, чем позволит причинить вред Ясбет.

Он уже было раскрыл рот, но Ясбет опередила его, шагнув вперед и выставив сжатый обеими руками кинжал.

– Как, ты сказал, его зовут? – насмешливо спросила она. – Байан? По-моему, куда лучше ему подходит Байя – уж больно он похож на женщину.

Конан застыл, раскрыв рот. Неужели девчонка сошла с ума?

Глаза Байана были готовы выскочить из орбит.

– Я заставлю тебя умолять, чтобы я продемонстрировал тебе, что я мужчина, – прохрипел он.

– Муктар, – позвал Конан. – Учи, что все это – только игра. Если он причинит ей сильную боль или ранит ее – ты умрешь через секунду после него.

Бородатый неохотно кивнул в знак согласия. Наклонившись к уху Байана, он что-то требовательно приказал ему.

Жилистый матрос только отмахнулся. Подняв саблю, он рванулся к Ясбет с диким улюлюканьем и свирепой гримасой на лице. Конан покрепче сжал рукоять меча. Байан подскочил к девушке, не нанося удара. Было ясно, что он собирается запугать ее одним своим видом и заставить немедленно сдаться.

Лицо Ясбет побледнело, но она не отступила. Наоборот, закричав сама, она, не замахиваясь, ткнула кинжалом в живот моряка. Незаточенное лезвие не могло проникнуть глубоко в живот, но пустило изрядную струйку крови. Неожиданная боль, казалось, парализовала Байана.

Ясбет вовсе не собиралась останавливаться на полдороге. Она быстро подняла свой клинок и с размаху опустила его на правое плечо противника. Сабля Байана рухнула на палубу. Не успели зрители перевести дух, как кинжал Ясбет нанес скользящий удар по голове матроса, вспоров кожу до кости. Байан со стоном упал на колени.

Конан в изумлении наблюдал за тем, как моряк отчаянно пытался ползком покинуть поле боя. Ясбет преследовала его, нанося удары по спине и плечам, к счастью, незаточенным клинком. Завывая, Байан оказался прижатым к борту, где свернулся клубком, надеясь хоть как-то закрыться от града ударов.

– Сдавайся! – крикнула Ясбет, стоя над ним как живое воплощение ярости.

Сжав кинжал, Муктар направился к ней, но его грудь уперлась в сверкающий клинок меча киммерийца.

– Она победила, не так ли? – тихо спросил Конан. – А ты должен мне пять монет. Или ты хочешь, чтобы я побрил тебе бороду между головой и плечами?

Байан издал почти визг: кинжал девушки воткнулся ему в задницу.

– Она победила, – пробормотал Муктар. Выждав, пока Конан уберет меч, он объявил всем: – Девушка победила.

– Смотри, чтобы дело не пошло дальше, – предупредил его Конан. Тот с неохотой кивнул. Еще с меньшей охотой он отсчитал положенные деньги.

– Я победила! – крикнула Ясбет.

Размахивая кинжалом, она бегом сделала круг по палубе.

– Я победила!

Конан спрятал меч в ножны и, схватив девушку, легко подбросил ее.

– Разве я не говорил тебе, что ты можешь победить?

– Да, говорил, говорил. Клянусь, я всегда буду верить во все, что ты мне скажешь, всегда.

Конан опустил ее, но руки Ясбет обвились вокруг его шеи, и он вдруг понял, что целует ее. Приятное, однако, занятие, подумал он.

Вдруг он разжал объятия и легонько тряхнул девушку:

— А теперь — практика. Тебе предстоит еще очень многому научиться, прежде чем я наточу тебе кинжал. И потом, ты все делала не так, как я тебе говорил. Надо бы тебя хорошенъко отшлепать за это.

— Но, Конан... — запротестовала она.

— Поставь ноги вот так, чтобы не терять равновесия. Давай приступай к занятиям!

Она подчинилась, и Конан начал учить ее приемам ведения боя коротким клинком. При этом киммериец подумал: вечно проблемы с этими женщинами. Начинаешь ее защищать от других, а потом оказывается, что ее надо защищать от тебя самого.

Глава 15

Расставив ноги и чуть согнув колени, чтобы противостоять усилившейся качке, Конан наблюдал, как Ясбет отрабатывает удары, нанося их по обмотанному куском толстой кожи вороху тряпок. Несмотря на свежий ветер, по ее лицу градом катился пот. Как бы то ни было, а она далеко продвинулась по сравнению с тем, что успела выучить за первый день занятий. Она была все в том же мужском наряде, но без туники. Она сняла ее, пожаловавшись, что потная шерстяная ткань раздражает кожу. Теперь ее полная грудь, того и гляди, норовила выскоцить из куртки.

Состроив жалобное лицо, Ясбет повернулась к Конану:

— Пожалуйста, разреши мне уйти в мою палатку.

Эта палатка — просто-напросто кусок холста, растянутый между тюками, — была его идеей. Во-первых, она прикрывала девушку от постоянных брызг, а во-вторых — от нескромных взглядов мужчин.

— Пожалуйста, Конан. У меня уже волдыри на руках.

— Ничего, вылечим.

— Лекарство вонючее и щиплет. Если бы тебе так...

— Хватит болтать, работай, — сказал он, подталкивая ее к кожаному тюку.

— Работоторговец, — процедила она, но повиновалась. Новая серия ударов обрушилась на несчастную мишень.

* * *

Путешествие явно перевалило за половину. Гирканийское побережье тонкой черной полосой вырисовывалось на востоке. Однако им предстояло проплыть еще изрядное расстояние вдоль побережья на север. Каждый день, вкладывая оружие в руку Ясбет, киммериец заставлял ее тренироваться от рассвета до сумерек. Он вытряхивал ее из-под одеяла, выливал ведра воды ей на голову в полуденную жару и угрожал выкинуть за борт привязанной за ногу, когда она начинала жаловаться на усталость. Он смазывал и бинтовал ей вздувшиеся пузыри на руках, и, к его удивлению, эти мозоли стали для девушки предметом гордости.

Акеба подошел к ним и с уважением посмотрел на Ясбет:

— Она неплохо учится. Слушай, Конан, если у тебя так ловко получается обучить девушку, то тебе цены не будет в армии. Нам сейчас так нужны хорошие учителя для множества набранных в последнее время новобранцев.

— Не знаю. Она просто делает все точно так, как я говорю.

— Неужели? — вскинул брови Акеба, но под взглядом Конана его лицо приняло выражение преувеличенной вежливости.

— Желудок тебя больше не беспокоит? — поинтересовался Конан.

— Не знаю, как желудок, но по крайней мере голова может соображать, а ноги ходят.

— Может, попробуешь съесть чего-нибудь? Я знаю, что у Муктара есть отличные мидии. Я думаю, тебе они понравились бы.

— Нет, нет, спасибо, Конан, — торопливо ответил турец, с явным усилием подавив тошноту. Чтобы сменить тему, он поинтересовался: — Что-то нигде не видно Байана. Ты случайно не выкинул его за борт?

Киммериец сжал зубы:

— Я услышал, как он обсуждал с дружками свои планы насчет Ясбет. Пришлось немного подкорректировать их.

— Чисто по-дружески, я думаю. Да, это ведь ты говорил, что нужно вести себя с ними повежливее, а не то эти морские крысы только и ждут повода, чтобы перерезать нам глотки.

— Абсолютно по-дружески поговорили, — подтвердил киммериец. — Он сегодня зализывает свои синяки. Даже не высывался из-под одеяла.

— Отлично, — внезапно погрустнев, согласился Акеба. — Ей ведь столько же лет, сколько и Зорель.

— Эх, хороша девочка, — раздался голос Шарака, усаживающегося по другую сторону от Конана. — Будь я хоть на двадцать лет помоложе, я бы отбил ее у тебя, киммериец.

Кинжал Ясбет с грохотом упал на палубу, обратив на себя внимание всех троих мужчин.

— Я не ученая обезьяна и не дрессированный медведь, — резко сказала она, — чтобы вы тут сидели как в цирке, а я вас развлекала.

Она наклонилась, чтобы поднять оружие, и, бросив еще один гневный взгляд на троих приятелей, ушла к своей маленькой палатке у основания мачты.

— Твоя девчонка начинает показывать характер, — сказал Шарак, глядя ей вслед. — А не поторопился ли ты, научив ее обращаться с оружием?

Акеба согласно кивнул:

— Она уже не та тихая и запуганная девушка, какой была раньше. Между прочим, благодаря тебе, киммериец. Конечно, я понимаю, что она вообще уже не девушка, и тоже из-за тебя, но ты мог бы по крайней мере образумить ее, пока она не вызвала всех нас на дуэль.

— Как ты можешь такое говорить? Минуту назад ты любовался ею как своей дочерью.

— Эх, — горько вздохнул Акеба. Его смешливый тон исчез. — Я слишком беспокоился о добродетели Зорель, когда она была жива. Кто ж знал... Теперь я все вижу по-другому. Сейчас, когда ее нет в живых, мне хочется думать, что она успела узнать и эту радость, которую дает нам жизнь.

— Я до нее не дотрагивался, — начал Конан и наткнулся на недоверчивые взгляды. — Я только спасал ее, защищал. Она невинна и одинока. Ее некому защитить, кроме меня. Ради Митры! Да представьте себе охотника, которому предлагают зарезать олененка ради удовольствия.

Шарак затрясся от смеха:

— Значит, тигр и лань. Только кто из вас кто? Кто охотник, а кто жертва? Девочка-то тебя уже приметила.

— Это точно, — сказал Акеба. — Как раз она — среди тех, кто уверен, что девчонка — твоя. Девятое небо Зандру! Ты что, в монахи записался?

— Сдается мне, что остаток пути вам обоим придется проделать вплавь. Я же сказал вам... — Конан не договорил, увидев направляющегося к ним Муктара.

Бородач с бычьей шеей внимательно смотрел на киммерийца. Наконец он бросил сквозь зубы:

— За нами погоня. Галера.

Конан вскочил и бросился на корму. Акеба и Шарак поспешили за ним.

— Я ничего не вижу, кроме воды, — щуря глаза, сказал сержант.

Шарак подтвердил его слова.

Однако Конан разглядел черную полоску на волнах, с черточками белой пены по бокам, что говорило о множестве весел, вспенивающих воду.

— Пираты? — спросил Конан.

Хотя море Вилайет было известно своими морскими разбойниками, Конан нутром почувствовал, что вряд ли их преследователи принадлежат к этому братству.

Муктар пожал плечами:

– Может быть. – В его голосе тоже не слышалось уверенности.

– А кто же еще? – спросил Акеба.

Муктар искоса посмотрел на Конана, но промолчал.

– А я все равно ничего не вижу, – настаивал Шарак.

– Когда они нагонят нас? – спросил Конан.

– Ближе к ночи, – ответил Муктар. Капитан внимательно посмотрел на небо, на глазах затягивающееся свинцовыми тучами, затем на длинные серо-зеленые валы волн.

– Наверное, раньше разразится буря. Вилайет – опасная тварь.

Киммериец впился глазами в приближающийся корабль, постукивая кулаком по борту. Как? Как вступить в бой с таким грозным противником и не проиграть?

– В шторм мы, наверное, сможем скрыться от них, – предположил Конан.

Муктар помолчал еще немного, а затем решительно заговорил, обращаясь ко всем троим:

– Я сосчитал гребки. Если такая частота сохранится еще несколько часов – рабы не выдержат и начнут умирать один за другим. Надеюсь, капитан галеры не захочет остаться без гребцов. Но вот что мне непонятно. Там, на галере, прекрасно видят, что моя шхуна – не большой транспортный корабль, под завязку забитый слоновой костью или специями. Ваши друзья гирканийцы никому не нужны настолько, чтобы преследовать их с таким рвением. Остаетесь вы трое или девчонка. Может, у вас в тюках – корона короля Турана? Или ваша подружка – сбежавшая от отца принцесса? Почему к нашей посудине такое внимание?

– Я же тебе говорил. Мы – самые обычные торговцы. А тебе заплачено за то, чтобы ты доставил нас в Гирканию, а потом обратно в Турецкую империю.

– За вторую половину я не получил ни единого медяка.

– Я с тобой расплачусь, как договорились. Если ты не позволишь пиратам захватить наш груз, а заодно и твой корабль. В таком случае ты заработаешь только кандалы на ноги, если вообще останешься жив.

Кивнув остальным, Конан пошел к мачте, оставив Муктара на носу судна бормочущим что-то себе в бороду.

От борта отделился Тамур и присоединился к Конану.

– За нами погоня, – сказал киммериец.

– Баальшам, – прошипел гирканийец.

– Джандар, – кивнул Акеба.

Шарак ткнул посохом в сторону галеры с неожиданной яростью:

– Пусть он присыпает своих демонов! Я их встречу как положено!

Темные глаза Тамура засверкали.

– На этот раз мы поджарим его, как кусок мяса, даже если у него тысяча демонов!

Конан встретился взглядом с Акебой. Более вероятным им обоимказалось, что пассажиры «Танцующей в волнах» сами окажутся в роли шашлыка на вертеле.

– Сколько людей вмещает такое судно? – спросил турецкий пират. – Я слабо разбираюсь в этих морских делах.

Морской опыт Конана тоже ограничивался коротким пребыванием в рядах султанапурских контрабандистов. Но ему уже приходилось уходить от преследований такими кораблями.

– На каждом борту – по два ряда весел. Но рабы-гребцы не участвуют в бою. А так корабль этого размера может вместить человек сто, не считая команды.

Повисло молчание, нарушающее лишь плеском воды да потрескиванием снастей. Наконец Шарак произнес:

– Так много? Это приключение становится несколько навязчивым для человека моих лет.

— Я бы умер счастливым, — сказал Тамур, — если бы знал, что вместе со мной в последний путь отправится и Баальшам.

— Уж его-то на корабле нет, — заметил Акеба, — такие люди, как он, лишь отдают приказы другим. Но, по крайней мере, мы дорого продадим свои жизни. Правда, киммериец?

— Эта славная битва будет достойна того, чтобы погибнуть в ней, — согласился Тамур.

— Я вообще-то погибать не собирался, — сухо заметил Конан.

— Шторм! — оживился Шарак. — Шторм укроет нас.

— Может быть, — ответил Конан, глядя на сгустившиеся тучи, — но мы не можем полагаться только на это.

Конан подошел к Муктару, все так же неподвижно глядевшему на галеру. Бронзовый рог на ее носу, вспарывающий волны, как нож пергамент, был уже хорошо виден.

— Они нагонят нас до темноты? — спросил Конан капитана. — Или до шторма?

— Буря может и не разразиться. На море Вилайет всегда так. То молнии бьют с неба, только что бывшего абсолютно чистым, то после нескольких мрачных дней тучи рассеиваются, не обронив ни капли дождя. Если я из-за тебя потеряю корабль, киммериец, я тебя с того света достану.

— Я думал, что ты — настоящий морской волк, а не старая скандальная баба. — Конан подождал, пока шея и лицо Муктара побагровеют от гнева, а затем продолжил: — Слушай. У нас есть шанс спастись. Пока возможно, мы будем уходить от них, а потом...

По мере того как киммериец говорил, лицо Муктара приобрело нормальный цвет. Затем он побледнел и попытался остановить речь. Конана, но тот продолжал, не обращая внимания на возражения. Он говорил еще и еще, и вот уже Муктар заинтересованно поднял брови и согласно закивал головой.

— Может быть, и сработает, — сказал капитан, когда Конан замолчал. — Золотой Рог Дагона! Это может сработать! Присмотри за своими кочевниками, киммериец. — Развернувшись с большей проворностью, чем можно было от него ожидать, Муктар сложил руки рупором и заорал: — Ко мне, сучье племя! Ко мне и слушать внимательно, как я собираюсь спасти ваши подлые душонки!

— Что все это значит? — поинтересовался Акеба, когда Конан вернулся к борту.

Пока приказы Муктара разлетались по воздуху и тонули в волнах, Конан рассказал свой план друзьям.

На худом лице Шарака расплылась ехидная усмешка:

— Ну мы им покажем! Мне начинает нравиться наше приключение.

Тамур улыбнулся по-волчьи:

— Погибнем мы или выживем, но об этом будут рассказывать у костров долгие годы. Пойдем, туранец. Покажи нам, осталась ли в тебе хоть капля гирканийской крови.

Тряхнув головой, Акеба направился к остальным кочевникам.

Все продумано, решил Конан. Вдруг в его голове сверкнула молния.

Ясбет!

И стоило ему подумать о ней, как девушка подбежала к нему, нежно глядя в глаза киммерийца.

— Я все слышала, — сказала она, — где мое место?

— Твое место — между тюками с грузом. Там ты будешь в безопасности. По крайней мере, от стрел и камней из пращей.

— Я не собираюсь прятаться! — Ее глаза загорелись, вся нежность куда-то исчезла. — Ты многому учил меня, но только не быть трусливой.

— Ты будешь спрятана, даже если мне придется связать тебя по рукам и ногам. Но учти, если

дойдет до этого, — я тебе так задничу надеру, что ты неделю сесть не сможешь. Дай мне твой кинжал.

— Кинжал? Нет!

Она сжала рукоять, но Конан легко вырвал клинок из ее рук и пошел по палубе. Ясбет последовала за ним молча. Казалось, она вот-вот заплачет.

К мачте был намертво привязан точильный камень с ножным приводом, на котором команда точила свои топоры. Яростно работая ногой, Конан поднес кромку лезвия к точилу. Искры посыпались дождем. Свободной рукой Конан плеснул на камень масла из стоявшего рядом кувшина. Жара не должна быть чрезмерной, иначе металл может потерять свою прочность.

Ясбет провела ладонью по щеке, мокрой от слез:

— Я думала, что ты собираешься... Я думала... что ты...

— Ты еще не воин, — отчеканил киммериец, — несколько дней тренировок — это очень мало. Но если случится худшее, тебе придется защищать себя.

— Тогда не прячь меня... — начала было Ясбет, но взгляд Конана пригвоздил ее к месту и заставил замолчать. Предчувствие боя уже овладело им, выдавив даже ту малую долю мягкости, которую можно было рассмотреть в этом человеке.

Искры продолжали фонтаном лететь от металла, едва ли более твердого, чем человек, точивший его.

Глава 16

По палубе «Танцующей в волнах» забегали люди, подготавливающие к исполнению план Конана. Тучи совсем заволокли небо. Стало темно, словно сумерки наступили на два часа раньше положенного. Ветер завыл в снастях, но ни капли дождя не упало на палубу.

Мало-помалу галера приближалась. Она напоминала бронзовоголовую сороконожку, несущуюся по воде и жаждущую добычи. «Танцующая в волнах», с трудом переваливаясь через увеличившиеся волны, больше напоминала водяного жука, обреченного на смерть.

— Они возятся с чем-то на носу! — неожиданно крикнул Муктар.

Конан как раз закончил крепить тюки с товаром к палубе и снастям и обвязал Ясбет веревкой за талию.

— Так ты можешь не бояться, что тебя смоет за борт, если даже разразится буря.

С кормы вновь донесся крик Муктара:

— Это катапульта!

Конан собрался уходить, но Ясбет схватила его за руку, прижав ладонь к своим губам.

— Я буду ждать тебя, — пробормотала девушка, — когда бой закончится.

Она опустила его руку ниже, и Конан почувствовал, как пальцы оказались под ее курткой, нежно обнимая высокую красивую грудь.

Проклиная всех и вся, Конан выдернул руку, однако не без сожаления.

— Сейчас не время для этого, — резко сказал он. Неужели девчонка не понимает, как тяжело ему сдерживаться и изображать из себя только ее покровителя, тогда как на самом деле кровь кипела в его жилах от желания обладать ею.

— Они готовы выстрелить! — крикнул Муктар, и Конан выкинул из головы мысль о Ясбет.

— Давай! — закричал киммериец. — Руби!

На корме Муктар подбежал к рулевому веслу, грубо оттолкнув рулевого, и сам навалился на толстый деревянный рычаг. На носу двое матросов ударили мечами по веревкам, удерживавшим за бортом тюки с запасной парусиной. Тяжелые мешки рухнули в воду, и облегченный корабль рванулся вперед, только что не перепрыгивая с гребня одной волны на другую.

И тут же за самой кормой поднял фонтан воды кусок гранита весом с человека,пущенный катапультой с галеры.

— Давай, Муктар, — закричал Конан, хватая кожаный промасленный мешок. — Давай живей! Эй, вы, смотрите за горшками!

Палуба была заставлена десятками горшков, вытащенных из всех закоулков корабля. Некоторые издавали шипение, когда до них долетали капли забортной воды.

Ругаясь во всю мощь своих легких, Муктар навалился на руль, заскрипевший от такого напряжения. «Танцующая в волнах» начала медленно разворачиваться. Команда схватила канаты, перекручивая парус, отчаянно помогая капитану сделать разворот.

Это и был тот самый момент, заставивший Муктара побледнеть, когда Конан рассказывал ему свой план. Повернувшись боком к волнам, корабль начал крениться. Крен все увеличивался, вот уже борт почти лег на воду. Вся команда схватила весла и бешено заработала ими. Акеба, Шарак и гирканийцы руками и ногами вцепились в ящики с горшками, не давая им рухнуть за борт. Среди ожесточенно борющихся за свою жизнь мужчин Конан вдруг увидел Ясбет, освободившуюся от своей веревки и помогающую другим удерживать раскаленные горшки. Ветер отнес в сторону проклятия Конана, на большее времени у него все равно не было.

Медленно, но верно нос корабля поворачивался против волн. Судно понемногу становилось вертикально. Конечно, оно двигалось не так легко, как раньше, — немало воды попало в трюм во

время разворота. Но главное, что оно выправилось и двигалось. Двигалось в обратную сторону, приближаясь к галере.

Рычаг катапульты на носу галеры стоял вертикально. Если второй выстрел и был сделан, то снаряд бесполезно пропал где-то далеко в волнах. На палубе галеры забегали люди, словно муравьи по развороченному муравейнику. Однако их было не так уж много, как ожидал Конан, если, конечно, остальные не прятались на нижней палубе. Большинство из тех, кого Конану удалось различить, были, судя по их прическам, членами команды.

– Половину горшков смыло в море! – крикнул Акеба.

– Готовь то, что осталось! И поживее! – прокричал в ответ киммериец.

Гирканиец схватил промасленные мешки, такие же, как у Конана.

На другом корабле, завидев приближающуюся добычу, люди схватились за оружие. Мечи, копья, топоры засверкали над бортом галеры. На носу двое возились с катапультой, устанавливая ее лапу пониже.

Поздно, подумал Конан. «Танцующая в волнах» была уже слишком близко.

Развязав веревки, затягивавшие мешок, Конан вытащил из него оставшееся сухим содержимое: колчан со стрелами, обмотанными паклей сразу за наконечником, и небольшой лук. Рядом с ним один из гирканийцев, уже приготовивший свое оружие, открыл ближайший к нему горшок. Угли в закрытом сосуде подернулись серым пеплом, но несколько сильных вздохов – и они вновь засверкали яркими рубинами. В этот жар Конан ткнул стрелу. Пакля вспыхнула в ту же секунду.

Одним движением Конан развернулся, приладил стрелу, натянул тетиву и, прицелившись, выстрелил. Горящая стрела воткнулась в борт галеры. Это был сигнал. Огненные стрелы дождем посыпались на вражеское судно.

Корабли продолжали сходиться, хотя на этот раз капитан галеры решил изменить курс. Корабли поменялись ролями: «Танцующая в волнах» начала свою охоту. Люди на галере забегали с корзинами с песком в руках, но вместо каждой погашенной стрелы в палубу и борта впивались две новые. Большой квадратный парус вспыхнул и сгорел в несколько мгновений.

– Ближе! – закричал Конан Муктару. – Пройди под кормой!

Бородач выругался, но подвел свое судно на расстояние полета копья от кормы галеры.

Конан, не обращая внимания на жар, схватил один из горшков с углами и бросил его в мешок. Раскрутив мешок над головой, он запустил, его в сторону галеры. Горячие угли рассыпались по корме большого корабля, оставшись незамеченными командой, пытающейся сорвать догорающий парус.

– Масло! – крикнул Конан.

Схватив один из запечатанных горшочков, он бросил его на корму галеры.

– Живее! Пока мы близко!

Еще несколько горшков полетели в сторону чужого корабля. Половина упала в воду, но остальные угодили в цель. Расстояние стало увеличиваться; скинув за борт остатки паруса, люди на галере похватали луки и бросились на корму.

Конан ударил кулаком по борту.

– Да почему же ничего не происходит? – пробормотал он. – Где же...

На корме галеры вспыхнуло наконец яркое пламя. Это растекшееся масло встретилось с горящими углами. С галеры донеслись стоны, а с «Танцующей в волнах» – дикие вопли восторга.

В эту секунду пошел дождь. Сплошная стена воды скрыла из виду вражеский корабль. Ветер завыл, как бешеный зверь, и понес суденышко Муктара, словно скорлупку.

– Держи курс на север, – крикнул Конан. Ему пришлось почти прижать рот к уху Муктара, чтобы тот услышал его.

Налегая на руль, бородач покачал головой:

– Никто не держит никакого курса во время шторма на Вилайет! Его просто переживают!

Или не переживают.

Ветер зашумел с такой силой, что даже кричать стало бесполезно.

Серые горы волн обрушились с ревом на «Танцовщую в волнах», словно сами боги хотели наказать судно за дерзкое название и показать, что никто не смеет танцевать без их позволения. Те, у кого хватило безрассудства оказаться во власти взбесившегося моря Вилайет, должны были ждать решения своей судьбы, ничего не предпринимая.

Казалось, прошла вечность, прежде чем дождь и ветер чуть поутихли. Сквозь разрывы в тучах показалась луна. Ее бледный свет рассеял темноту. Галеры нигде не было видно.

– Она сгорела! – злорадно усмехнулся Шарак. – Или утонула во время шторма!

– Хорошо, если так, – с сомнением отозвался Конан.

Если огонь не успел сильно повредить судно до бури, то дождь наверняка загасил пламя. А если «Танцовщица в волнах» пережила шторм, то почему бы и галере не остаться на плаву?

Конан повернулся в Муктару, передавшему руль вахтенному матросу, и сказал:

– Нужно найти берег. Посмотрим, как далеко нас унесло.

– Держи курс на запад, – скомандовал капитан рулевому. В голосе Муктара звучали победные нотки. В конце концов, если победа в бою была общим делом, к тому же и план был разработан не им, – то никто не мог отнять у него лавры победителя в схватке со стихией.

Ясбет, подойдя к киммерийцу, положила ладонь на его руку и тихо сказала:

– Я должна поговорить с тобой.

– А я – с тобой, – раздраженно ответил он. – Что все это значит? Ради Великого Митры, отвечай...

Но девушка уже шла прочь, лишь кивком головы попросив его следовать за нею. Им пришлось перешагивать через людей, упавших и уснувших там, где они стояли во время шторма.

Бурча про себя, Конан пробирался по следам Ясбет. Она скрылась под изрядно просевшим холстом своей палатки. Киммериец недовольно откинул полог и забрался внутрь, где ему пришлось сесть, чтобы не упираться головой в тент.

– Почему ты ушла с того места, где я оставил тебя? И как? Я же завязал узел, который не под силу твоим пальцам. Тебя ведь могли убить, понимаешь ты, глупая девчонка? Ты же сказала, что останешься там! Ты обещала!

Она с завидным спокойствием переждала эту вспышку гнева.

– Ты и вправду завязал крепкий узел. Но острый клинок, наточенный тобою же, прекрасно разрезал его. Почему я не осталась там? Ты сам учил меня защищаться. Как же я смогла бы защитить себя, лежа среди тюков, да еще и привязанная. И последнее: я не обещала оставаться там. Я сказала, что буду ждать тебя после боя. Разве я не сдержала свое слово? Я сама пришла к тебе.

– Я помню, ты обещала, – пробубнил он, – и не сдержала слова.

Не обращая внимания, она улыбнулась и сказала:

– Твой плащ промок насеквъз.

Легкие пальцы расстегнули бронзовую застежку и аккуратно сняли плащ с плеч киммерийца. При этом губы Ясбет словно случайно коснулась его щеки.

– Прекрати это! – буркнул Конан, отталкивая ее. – Тебе не удастся отвлечь меня. Эх, будь у меня сейчас розги, тебе Фатима добной тетей показалась бы.

С демонстративным вздохом сожаления Ясбет сказала:

– Но ведь у тебя нет розог.

Конан изумленно смотрел, как девушка развязывает узлы на своей куртке и стягивает ее

через голову, оставляя обнаженной красивую полную грудь. Горло Конана пересохло.

— И все же, — продолжила Ясбет, — у тебя ведь сильная, тяжелая рука. Я думаю, ее хватит для того, чтобы наказать меня. Ты ведь это собирался сделать?

Сапоги и шаровары последовали за курткой. Развернувшись, Ясбет встала на колени, подставив Конану свой великолепный зад, словно для порки.

Киммериец судорожно сглотнул. Этот вид мог заставить вспотеть даже статую, а он всем телом ощущал себя живым мужчиной.

— Оденься, девочка, — прохрипел он, — ты рискуешь. Я ведь тебе не игрушка.

— А я и не играю, — сказала она, поворачиваясь и упираясь коленями в его колени. Она даже не посмотрела на свою одежду. — Я знаю, что все, кто есть на этом судне, считают, что я твоя... твоя любовница...

Ее щеки порозовели. Это еще больше, чем нагота, заставило Конана сжать зубы и кулаки.

— Разве я не жаловалась тебе, — яростно прошептала она, — что меня не нужно защищать, когда я не хочу, чтобы меня защищали?

С трудом разжав побелевшие пальцы, Конан прижал Ясбет к себе. Она сдавленно вскрикнула. Ей показалось, что ее грудная клетка вот-вот сломается, как соломенная корзина.

— Хватит игрушек, девочка, — рявкнул Конан. — Если ты сейчас скажешь «уйди», я уйду. Но если нет... — Он повалил ее на палубу, рухнув сверху и подмяв ее под себя. Его агатовые глаза не мигая смотрели ей в лицо.

— Я не девочка, — выдохнула Ясбет, — я женщина. Останься.

На ее лице расплылась улыбка победительницы...

Конану показалось странной эта улыбка. Но в конце концов, перед ним женщина. Пусть она улыбается, как хочет — киммерийцу было не до раздумий.

Глава 17

Стоя на прибрежном холме, поросшем ветвистым колючим кустарником, Конан смотрел вдаль, выискивая глазами возвращающегося Тамура. Кочевник клялся, что найдет лошадей для всех не позже, чем через три-четыре часа. Он отправился в путь на рассвете, а сейчас солнце уже склонялось к западному горизонту. Тамур все не возвращался.

Неподалеку, на полосе прибрежного мокрого песка, лежала, чуть завалившись набок, «Танцующая в волнах». Волны шевелили ее корму, а носовой якорь был вынесен далеко вперед и врыт в песок дюн, покрытых редкой сухой травой. Команда судна и пассажиры разожгли костры и готовили себе ужин. Палатка Ясбет была установлена в стороне от гирканийцев и матросов, расстеливших свои одеяла между бревнами, выброшенными морем на берег.

На горизонте с южной стороны показалось облачко пыли. Это мог быть Тамур с лошадьми или те... кто? Конан пожалел, что мало знает об этой стране. Может быть, часовой, выставленный им на самой высокой дюне, тоже заметил пыль? Киммериец посмотрел в ту сторону и тихо выругался. Часовой пропал! Облако пыли приближалось, уже можно было различить темную массу несущихся лошадей. Тамур? Или кто-нибудь другой?

Всячески изображая непринужденность, Конан начал спускаться по каменистому склону, на котором, помимо кустов, возвышались тут и там корявые, истрепанные ветрами деревья, цепко державшиеся толстыми корнями за каменистый грунт.

Все так же старательно, неторопливо киммериец подошел к сидевшему у костра и натачивающему свою саблю Акебе.

– К нам приближаются всадники, – тихо, глядя в сторону, произнес Конан. – Я не знаю, Тамур это или кто другой. А часовой, между прочим, исчез.

Тяжело задышав, туранец опустил точило в мешочек на поясе и вложил саблю в ножны. Высадившись на берег, он счел разумным снять свою приметную тунику и армейский шлем: на этой стороне моря Вилайет не очень-то жаловали туранскую армию.

– Я пойду прогуляюсь в дюны, а ты пока побудь здесь.

Конан кивнул, и Акеба, поддерживая штаны, словно ему срочно приспичило, потрусили к дюнам.

– Ясбет, – позвал киммериец.

Девушка вылезла из своей палатки. Он махнул рукой, подзываая ее.

Ясбет старательно затянула ремень, на котором висел ее длинный кинжал, и лишь потом не торопясь пошла к Конану. Как только она оказалась достаточно близко, киммериец обнял ее за плечи и, не дав опомниться, резким движением усадил на песок, под прикрытие здоровенной коряги.

– Посиди здесь, – сурово сказал он, когда она попыталась встать.

Обернувшись к остальным, развалившимся около костров, Конан негромко, только чтобы быть услышанным всеми, сказал:

– Никому не двигаться.

Многие удивленно повернули к нему головы, а Муктар даже решил встать.

– Я сказал – не двигаться! – ледяным голосом повторил Конан.

Что-то в его голосе заставило бородатого морского волка повиноваться. Конан заговорил быстро и четко:

– К нам приближаются всадники. Они могут быть здесь с минуты на минуту. Я не знаю, кто они... Всем оставаться на местах! – При этом негромком окрике и гирканиец, потянувшийся к луку, и один из матросов, явно готовый броситься наутек, замерли неподвижно.

– Ко всему прочему пропал часовой. За нами могут наблюдать неприятели. Выберите себе укрытие и по команде – не сейчас, а по команде! – Хватайте оружие и по местам... Давай!

Через мгновение берег опустел. Все попрятались за стволами плавника и песчаными грядами. Конан, схватив лук и колчан, одним прыжком оказался рядом с Ясбет за той же большой корягой. Она едва взглянула на него, продолжая внимательно разглядывать дюны. Затем она негромко спросила:

– Скажи, почему ты сначала позаботился о моей безопасности, а потом заговорил с остальными? Меня всю жизнь стерегут и оберегают. Я так больше не могу!

– Может, ты думаешь, что ты – герой древней саги? – пробурчал киммериец, занятый совсем другими мыслями. Неужели это уже топот копыт? В каком девятом небе Зандру пропал Акеба? – Ты, наверное, решила, что стрела и сталь клинка тебе ни почем?

– Героиня, – ответила, подумав, Ясбет. – Я буду героиней, а не героем.

Конан фыркнул:

– Саги хороши, чтобы пересказывать их холодной ночью у костра, да еще чтобы развлекать детей. А мы все сделаны из плоти и крови. Сталь может пустить кровь, а стрелы пронзают плоть. Если я когда-нибудь увижу, что ты играешь в героя или героиню, то твоя задница покажется тебе барабаном. А теперь – тихо!

Не отводя глаз от дюн, он перебирал стрелы, проверяя правильность их оперения.

– Мы что, собираемся погибнуть на этом унылом берегу? – спросила Ясбет.

– Конечно, нет, – поспешил ответить Конан, – я привезу тебя обратно в Аграпур и подарю жемчужное ожерелье, если ты будешь себя хорошо вести. А если нет – придется отдать непослушную девочку на расправу Фатиме.

Стук копыт, несомненно, приближался. Неожиданно девушка во весь голос крикнула:

– Конан из Киммерии – мой любовник! А я – его женщина! Я счастлива и горда тем, что делю с ним ложе!

Конан уставился на нее:

– Кром! Я же сказал – молчать! А ты несешь всякую чушь, да еще и на все побережье.

– Если мне суждено погибнуть, то я хочу, чтобы весь мир узнал о моем счастье.

В этот миг барабанная дробь копыт превратилась в раскат грома, и десятки лошадей выросли на гребнях ближайших дюн, разбрасывая мокрый песок и выстраиваясь полукругом. Конан приладил стрелу, но решил подождать, увидев, что большинство лошадей без всадников. Вперед выехал один из небольшой группы седоков.

Тамур.

– Вылезайте, – крикнул Конан и поспешил навстречу спешившемуся гирканийцу.

– Эрлик тебя побери, Тамур! Ты изрядно рисковал получить в качестве украшения к прическе несколько перьев... на концах стрел.

– А что, Андар не предупредил вас о моем приближении? – нахмурился гирканийец. – Ты же назначал его часовым, я помню.

– Он отошел облегчиться, понимаешь ли, – раздался презрительный голос Акебы, подходившего к ним со стороны дюн. – И не удосужился поставить вместо себя кого-нибудь другого.

За спиной Акебы маячила фигура одного из кочевников.

Тамур зло посмотрел на своего соплеменника. Тот, делая вид, что ничего особенного не произошло, пожал плечами:

– Да кого здесь высматривать, Тамур? Этих вонючих собирателей падали? – Андар кивнул головой в сторону группы всадников, не дававших лошадям разбрестись по дюнам и поэтому не расслышавших этого оскорблений.

— Ты ушел с поста, где тебе приказали быть, — процедил сквозь зубы Тамур. Затем он обернулся и обратился к остальным гирканийцам: — Кто-нибудь скажет слово в его защиту?

Никто не нарушил молчания.

По лицу Андара пробежала тень, он нервно схватился за свой ятаган. Но клинок Тамура уже взвился в воздух и с размаху полоснул по шее незадачливого часового, чуть не отделив голову от плеч. Андар рухнул на песок, истекая кровью, так и не успев вытащить свое оружие из ножен.

Тамур пнул ногой еще дергающееся тело:

— Уберите его. Он опозорил весь свой род и честь своей матери. Выкиньте его в дюны, в его же дермо, которое было для него важнее, чем жизнь товарищей.

Двое гирканийцев схватили покойника за ноги и потащили прочь. Никто из его соплеменников и бровью не повел. За спиной Конана послышались сдавленные стоны Ясбет, пытающейся справиться с тошнотой.

— По крайней мере, ты нашел лошадей, — возобновил разговор Конан.

— По-моему, они больше напоминают овец, — пробурчал Акеба.

Тамур обиженно посмотрел на туранца:

— Да, может быть. Но это, наверное, лучшие лошади на всем побережье! Теперь слушай меня, Конан. Эти торговцы лошадьми говорят, что видели других чужестранцев. Дай им за лошадей столько, сколько они запросят. Тогда они расскажут, что знают о чужаках.

— То, что запросят... — передразнил его Конан. — Разве они тебе не родня, Тамур?

Гирканиец застыл в изумлении:

— Ты здесь чужак, киммериец, и к тому же невежа. Поэтому я не стану убивать тебя. Ты слышал, как назвал их Андар? Я тоже считаю их падальщиками. Они живут тем, что выкапывают съедобные корни и разоряют гнезда морских птиц. Иногда им выпадает счастье растащить на куски выброшенный на берег корабль. — Тамур несколько раз воткнул свой ятаган в песок, чтобы обтереть с него кровь Андара. — В общем, настоящие дикари. Пошли, я сведу тебя с их главным.

Люди, сидевшие на низкорослых лошадях, имели весьма потрепанный вид. Их шерстяные куртки были разорваны во многих местах, а выношенные туники и брюки явно много пережили с тех пор, как их сняли с какого-нибудь несчастного матроса, выброшенного штормом на берег. Возглавлял эту компанию угрюмый тип с одним глазом. На месте второго зияла страшная впадина пустой глазницы. На шее он носил дешевое аметистовое ожерелье с облезлой позолотой. Видимо, на одном из потерпевших крушение кораблей плыла и какая-то шлюха.

— Это Баотан, — сказал Тамур, показывая на одноглазого. — Баотан, это — Конан, известный в далеких краях купец и славный воин, наводящий ужас на врагов.

Баотан что-то хмыкнул и уставился единственным глазом на киммерийца:

— Тебе нужны мои лошади, торгаш? За каждую — пять одеял. Меч и топор. И еще нож, плащ и пять серебряных монет.

— Ну, ты загнул, — ответил Конан.

Тамур зашептал ему на ухо:

— Не торгуйся, киммериец. Нам нужно выведать у него, все, что он знает. Не забудь, что главное для нас — уничтожить Баальшама.

Конан только отмахнулся. Неумелый торговец не вызывал уважения. А это неминуемо означало бы получение не всей информации, а то и выслушивание откровенного вранья.

— За каждого двух лошадей — одеяло и меч.

Баотан обнажил в ухмылке ряд желтых зубов и слез с лошади.

— Что ж, потолкуем, — сказал он.

Беседа у костра шла не так быстро, как хотелось бы киммерийцу, но ему приходилось держать марку неторопливого купца. Тамур принес кувшин кислого гирканийского пива и

несколько больших кусков овечьего сыра. Пиво развязало язык Баотану, но не так, как хотелось бы Конану. Одноглазый все время уходил от разговора о сделке, то обсуждая погоду, то положение дел в лагере.

Наконец оба пришли к соглашению. К этому времени небо уже потемнело. Все новые ветки подкладывались в костры... За каждую выючную лошадь – меч и одеяло. За верховых – по топору и одеялу. Плюс по ножу каждому человеку Баотана и две золотые монеты лично одноглазому.

– Договорились, – сказал Конан.

Баотан кивнул и начал доставать из-под своей куртки странные предметы. Какой-то мешочек, маленькие щипцы. Затем на свет было вытащено нечто напоминающее бычий рог, только намного меньше и сделанное из глины. На глазах изумленного Конана Баотан вытащил из мешочка щепоть высущенной травы, затолкал ее в глиняный рог, а затем, вытащив щипцами уголек из костра, засунул туда же и его. Затем он начал усиленно дышать через тонкий конец рога, чтобы не дать угольку погаснуть. У Конана просто отвисла челюсть, когда он увидел, как одноглазый втянул в себя выходящий из глиняной штуковины дым. Баотан выпустил в небо струю дыма и протянул рог Конану.

Тамур наклонился к уху киммерийца:

– Так они отмечают совершенную сделку. Теперь твоя очередь сделать то же самое. Я же тебе говорил, что они дикари.

Конан осторожно взял рог в руки. Тлеющая трава пахла отвратительно. Сунув конец рога в рот, он глубоко вдохнул и с трудом скрыл гримасу недовольства. На вкус этот дым был просто омерзителен. Кроме того, он был таким горячим, что, казалось, сжигает нёбо и язык. Чуть не подавившись, Конан выпустил в небо струю дыма.

– Они смешивают свою траву с сухим навозом, – ухмыльнулся Тамур, – чтобы не гасло.

С другой стороны костра послышался смех Акебы:

– Устриц не хочешь, киммериец? А то я могу попросить у Муктара...

Конан сжал зубы и вернул глиняный рог Баотану. Тот вставил его в рот и запыхтел, выпуская в воздух маленькие облачка дыма. Киммериец только покачал головой. Он видел много страных обычаяев, с тех пор как покинул свои родные горы, но, не считая всякого колдовства, этот был самым странным.

Когда наконец во рту исчезло ощущение того, что там катаются раскаленные угли (хотя вкус каленой травы еще оставался), Конан сказал:

– Баотан, ты не видел на побережье других чужестранцев? Ты же понимаешь, что мы, торговцы, беспокоимся из-за конкурентов.

Баотан попыхтел, затем ответил, не вынимая рог изо рта:

– Чужестранцев видел. Торговцев – нет. – Каждое его слово сопровождалось легким облачком дыма. – Они тоже купили лошадей. Но не за товар. У них его нет. Лошади – только верховые, – по лицу Баотана расползлась довольная улыбка, – расплатились серебром, очень щедро.

– Не торговцы... – Конан сделал вид, что задумался. – Действительно странно.

– Чужестранцы... – пожал плечами Баотан, а затем, попыхтев, добавил: – Их корабль обгорел сзади, сильно обгорел. Многие из них обожжены.

Галера! Она осталась на плаву после пожара и шторма.

– Может быть, мы сможем помочь этим людям, – сказал Конан. – Далеко они? В какой стороне?

Баотан махнул рукой на юг:

– Полдня езды. Может, день.

Далековато. Скорее всего, они не знают, что «Танцующая в волнах» спаслась. Но тогда зачем

лошади? Может быть, Джандар и вправду чего-то опасается?

— Ты и твои люди можете переночевать у наших костров, — сказал Конан Баотану, вставая. — Акеба, Тамур, мы выезжаем на рассвете.

Из темноты подошла Ясбет и прижалась к боку Конана.

— Становится холодно, — пожаловалась она. — Ты ведь согреешь меня?

Ехидный смех послышался со стороны мужчин, но неожиданно для самих себя они замолчали под ее холодным взглядом. Даже Тамур и Баотан.

— Именно этим я сейчас и займусь, — улыбнулся Конан и легко вскинул девушку себе на плечо.

Ее визг перешел в звонкий смех, когда он донес ее до палатки.

— Отпусти меня, отпусти, — притворно вырывалась она, — мы так не договаривались...

Неожиданно волосы на затылке Конана зашевелились, и он резко развернулся, внимательно всматриваясь в темноту.

— У меня так голова закружится, Конан. Что случилось?

Показалось, сказал он себе. Просто показалось. Галера и ее пассажиры далеко на юге. Они наверняка уверены, что «Танцующая в волнах» не вынесла шторма и затонула.

— Нет, нет, ничего, — буркнул он.

Ясбет засмеялась смехом, когда он одним движением запихнул ее в палатку.

* * *

Че Фан медленно выполз из тени одного из камней и в последний раз посмотрел на берег, освещенный несколькими кострами. Больше высматривать было нечего. Эту ночь варвар проведет в постели и никуда не денется. Уверенно ступая в полной темноте по камням, Че Фан направился прочь от берега по противоположному склону холма. Суйтай ждал его у маленького костра, надежно укрытого камнями от посторонних глаз. По другую сторону огня сидели шесть человек, отобранных кхитайцами себе в помощники. Эти люди за время путешествия повидали многое и понимали, что оба одетых в черное представляют большую опасность, чем все когда-либо ими виденное.

— Ну, что у них там? — спросил Суйтай, отхлебнув горячего травяного настоя.

Че Фан налил себе той же жидкости, кипевшей в глиняном горшке на костре.

— Этот навозный жук Баотан продал им лошадей. А теперь они легли спать.

— Ну, тогда давай перебьем их сейчас же. Это будет легче, чем выслеживать их еще раз.

Шестеро сидевших по другую сторону костра беспокойно зашевелились, но кхитайцам было не до них.

— Нельзя. Пусть сначала найдут то, что ищут, — возразил Че Фан. — Повелитель будет недоволен, если мы не привезем ему ничего, кроме известия об их смерти. — Он помолчал и добавил: — Особенно внимательно нужно следить за этим Конаном. Он может быть опасен...

— Он всего лишь человек, — сказал Суйтай, — и умрет так же, как и любой другой.

Че Фан кивнул и пожалел, что завел этот разговор... И все же. Еще в детстве он научился искусству оставаться невидимым, подкрадываясь вплотную. Научился прятаться в тени лица и растворяться в темноте. Но во взгляде этого варвара было что-то, что проникало сквозь всю эту маскировку. Нет, это невозможно. Он, Че Фан, — один из Братства Пути. А этот Конан — всего лишь обычновенный человек. Убить его будет не труднее, чем любого другого. Но... сомнения оставались.

Глава 18

Конан поплотнее запахнул плащ, укрываясь от пронизывающего ветра, и в сотый раз за день привстал в седле, повернув голову назад, чтобы в сотый раз увидеть ровную, как стол, степь, поросшую невысокой травой.

Местность была настолько однообразной, что любая кочка или сухое дерево казались заметными деталями пейзажа. Ни намека на погоню или скрытое преследование. Бледное желтое солнце стояло почти в зените, слабо прогревая холодный степной воздух. Вилайет осталось в двух днях пути за спиной. Несмотря ни на что, Конан чувствовал себя неуютно. Даже если глаза уверяли его в том, что до горизонта вокруг нет ни души, – внутренний инстинкт предупреждал о преследовании. А этот инстинкт уже много раз спасал Конану жизнь там, где его подводили остальные, более цивилизованные чувства.

Их отряд двигался плотной группой. Половина гирканийцев вела на поводу низкорослых выночных лошадок, казавшихся едва ли не меньше, чем висевшие на их спинах тюки. Строптивые создания, стоило отпустить поводья, так и норовили развернуться и припустить неспешной рысью к родному побережью. Всадники, не занятые удерживанием выночных лошадей, внимательно глядели по сторонам: нападения на путешественников не были редкостью на гирканийских равнинах.

Тамур галопом подъехал к Конану и Акебе:

– Мы скоро приедем к Проклятой Земле.

– Ты говоришь это с той минуты, как мы отъехали от моря, – пробурчал Конан. Его настроение вовсе не улучшало то, что его длинные ноги, свисая по бокам несчастного животного, едва не касались земли.

– Еще немного, киммериец. Совсем немного. Приготовься играть роль купца. Одно из племен наверняка стоит лагерем по соседству с этим местом. Все по очереди стерегут Проклятую Землю.

– Это ты тоже уже говорил.

– Скорее бы найти деревню, – сквозь зубы пожаловалась Ясбет. Она ехала почти встав в стременах, но, увидев улыбки на лицах мужчин, села, поморщившись от боли.

Конан постарался сохранить бесстрастное выражение на лице.

– В одном из тюков есть мазь, – предложил он не в первый раз.

– Нет, – резко ответила она, – я же сказала, не нужно меня баловать.

– Никто тебя и не балует. Любой может пользоваться лекарствами, например чтобы смазать натертую… э-э… мышцу.

– Пусть он тебя помажет, детка, – ехидно предложил Шарак, выглядевший со своим посохом словно ребенок с палочкой, посаженный на пони, – а если не он, то доверь это деликатное дело мне.

– Придержи язык, старый дурак, – ухмыляясь, сказал Акеба, – ты, я вижу, тоже не в седле родился. Ничего, я вечером тебе подберу кое-какие снадобья. Ты от моей мази впереди лошадей побежишь.

– Ты правильно поступаешь, женщина, – удивив всех, обратился к Ясбет Тамур, – я думал, что через час после рассвета тебя придется привязать поперек седла, как мешок. Но в тебе есть упрямство и настойчивость, достойные гирканийца.

– Спасибо тебе, – сказала она, недовольно посмотрев на киммерийца. – Я раньше никогда... мне просто не разрешали ездить верхом. Я ходила пешком, или меня носили в паланкине.

Она попыталась сесть в седле и заскрипела зубами от боли.

— Придется воспользоваться вашей мазью, — грустно сказала она, — хотя я не уверена, что лекарство не окажется страшнее, чем болезнь.

— Вот и хорошо, — сказал Конан, — а не то завтра ты ходить не сможешь, не то что... — Он замолчал, не договорив фразы.

Их отряд въехал на пологий холм, с вершины которого открывался вид на целый город юрт — жилищ гирканийских кочевников. Не меньше тысячи круглых куполов возвышались над равниной, словно шляпки огромных грибов.

— Вот наконец и сбылись твои предсказания, Тамур, — сказал Конан. — Полагаю, нам пора входить в роль.

— Подожди. Все не так просто, — сказал кочевник, — тут стоят лагерем не меньше четырех племен. Среди такого количества людей могут найтись те, кто помнит, как я и мои друзья поклялись отомстить Баальшаму, несмотря на запрет наших шаманов и старейшин. Если они сообразят, что мы привезли тебя, чтобы нарушить табу Проклятой Земли... — От группы гирканийцев донесся ропот.

С полсотни всадников галопом помчались в их сторону от юрт. Наконечники копий засверкали на солнце.

— Слишком поздно поворачивать обратно. — Конан пришпорил свою лошадь. — Поезжайте за мной и не забывайте, что мы — купцы, приехавшие торговать.

— За нарушение табу, — сказал Тамур, бросаясь вслед за Конаном, — с человека сдирают кожу. С живого. А потом еще несколько дней вырезают другие части тела. Тычут в него горящими головнями.

— Сдирают кожу? — ужаснулся Шарак. — Горящие головни? Части тела? Может, стоит все-таки повернуть назад?

Продолжая причитать, он все же последовал за киммерийцем, как и остальные: Ясбет скакала откинувшись назад, небрежно положив руку на рукоятку кинжала; Акеба словно случайно придерживал руками свой лук, лежащий поперек седла перед ним. Остальные гирканийцы, немного повременив и невнятно побурчав что-то, тоже бросились вдогонку.

Тамур поднял правую руку в знак приветствия, показывая, что в ней нет оружия.

— Я вас вижу. Мое имя — Тамур. Я возвращаюсь к своему народу после путешествия через море. Со мной торговец. Его имя Конан.

— Я вас вижу, — главный среди вооруженных кочевников тоже поднял руку в приветствии. Смуглый и темноволосый, он подозрительно поглядывал на Конана из-под войлочной шапки, натянутой на самые брови. — Меня зовут Зутан. Вообще-то, сейчас не сезон для купцов.

Конан приветливо улыбнулся:

— Значит, у меня не будет конкурентов.

Зутан долго, не мигая, смотрел на него. Затем, повернув своего коня, он кивком головы предложил всем следовать за ним.

Его люди выстроились в две колонны по обе стороны от Конана и его спутников, сопровождая (или, быть может, карауля) их. Вскоре все остановились в самом центре временного города. Вокруг чужаков собралась толпа. Мужчины, в войлочных шапках и кожаных накидках, женщины — в длинных шерстяных платьях, крашенных в самые разные цвета. Многие надвинули капюшоны плащей на самые глаза. От каждого взрослого мужчины разило потом и бараньим жиром за много шагов. Чем старше был человек, тем больше от него воняло. Солнце и степные ветры так выдубили кожу на их лицах; что порой только так и можно было примерно определить их возраст. Другое дело женщины. Среди них были беззубые старухи и совсем юные девушки, почти дети. Но все до единой выглядели чистыми. Многие из них, те, что помоложе, были очень симпатичными и сделали бы честь женской половине любого богатого дома. Не одна

из них проводила восхищенным взглядом, облизывая губы, юного киммерийца.

Конан усилием воли заставил себя не обращать внимания на женщин. Он приехал сюда, чтобы разделаться с Джандаром, а не для развлечений с местными девушками. И вряд ли его делу поможет скора с чьим-нибудь мужем, братом, отцом или любовником. Тут и с Ясбет хватит проблем.

Слезая с лошади, Конан негромко спросил Тамура:

– А почему и женщины не мажут жиром волосы?

Тамур был потрясен таким невежеством:

– Это же позволяет только мужчинам! – Он покачал головой: – Слушай, киммериец. Я же тебе столько раз говорил, что многие купцы перенимают этот обычай, живя среди нас. Это поможет местным принять тебя за своего. Может, ты еще и усы отрастишь? Совсем хорошо будет. А ты со своими умываниями напоминаешь женщину. Вода смывает силу.

– Хорошо, я подумаю, – сказал Конан.

Его взгляд уткнулся в улыбающегося Акебу, внимательно разглядывающего его.

– Ну да, усы, – сказал турец, – и еще бороду, как у Муктара.

Конан начал соображать, что ответить на шутку приятеля, но в этот момент Ясбет издала резкий крик. Обернувшись, Конан увидел, что она падает с лошади, – видимо, попыталась слезть сама, невзирая на боль. Рванувшись к ней, он успел подхватить ее у самой земли.

– Что у тебя болит, девочка?

– Ноги, Конан, – простонала она. – Они меня не держат. И еще… моя… мои… на некоторых мышцах – мозоли.

– Мазь, – сказал он, и она снова застонала. Толпа вокруг них зашевелилась. Конан торопливо поднял девушку, поставил на ноги и положил ее руки на седло.

– Держись. Да, вот так. Постарайся простоять так хотя бы недолго.

Постанывая и всхлипывая, она вцепилась руками в седло. Не мешкая ни секунды, Конан повернулся в сторону нараставшего шума.

Его причиной оказался Зутан, шедший во главе процессии воинов. Вдруг все гирканийцы притихли. За Зутаном и его воинами на площадь вышли четыре маленьких, кривоногих старичка. Зутан поклонился почтительно сказал:

– Я представляю вам купца по имени Конан. Знай же, Конан, что тебя представили вождям четырех племен, в чьем стойбище ты сейчас находишься. Имена наших вождей – Олотан, Арензар, Зоан и Сибуян. Знай, что тебя представили тем, кто отвечает лишь перед Великим Царем. Знай и трепещи.

Чужеземцу было невозможно определить возраст гирканийца, которому перевалило за двадцать пять лет. Но каждому из этих стариков явно было трижды по двадцать пять, если не больше. Их лица были иссушены и изрезаны морщинами, а кожа на вид, да, наверное, и на ощупь, мало чем отличалась от подошвы старого сапога, пролежавшего лет десять на солнце в пустыне. Волосы на их головах и длинные усы были цвета выбеленного пергамента. У одного совсем не было зубов. Остальные же, открывая рты, выставляли на обозрение гнилые обломки. Но восемь глаз, впившихся в Конана, не были глазами безобидных, ничего не соображающих стариков. Не было видно и дрожи в руках, лежавших на рукоятках их ятаганов.

Конан поднял правую руку, вспомнив, как это делал Тамур. Кто его знает, что говорят купцы в таких случаях? Но, похоже, пора было сказать хоть что-нибудь. Зутан уже начал нетерпеливо покручивать усы.

– Я приветствую вас, – начал Конан, – такая честь быть представленным… Я собираюсь честно торговать с вашим народом.

Четверо стариков не мигая смотрели на него. Зутан стал пощипывать усы еще оживленнее.

Что же еще можно сказать, думал Конан. Или сделать? Вдруг он повернулся спиной к вождям и бросился к навьюченным на спины лошадей тюкам. Быстро развязав веревки на одном из них, он вытащил четыре великолепные сабли. Их рукояти были сделаны из черного дерева, инкрустированного слоновой костью. На клинках кислотой были вытравлены сцены верховой охоты. Гравировку покрывал тонкий слой серебра, заставлявший контуры фигур сверкать на солнце. Когда Конан обнаружил эти сабли в одном из тюков еще перед отплытием, он устроил настоящий скандал. Наверное, Тамур хотел под шумок определить себя и своих товарищей в хозяева этим клинкам. Но делать нечего, деньги за товар уже были отданы, и Конан повез с собой эти дорогущие клинки. Сейчас же он благодарил богов за то, что сабли оказались в его багаже.

Когда киммериец пробежал мимо Тамура, сжимая по две сабли в каждом кулаке, тот закатил глаза и жалобно простонал:

— Нет, северянин, только не это. Любой другой меч, но не эти.

Конан подбежал к вождям и, на мгновение задумавшись, неумело поклонился:

— Примите эти скромные подарки... Э-э... в знак... этого... ну, как его, глубокого восхищения... вот.

В черных глазах вспыхнули огоньки жадности, а высохшие руки впились в сабли так, словно боялись, что их вот-вот отберут! Пальцы гладили гравированную сталь. Про Конана, казалось, забыли. Наконец близайший к киммерийцу вождь (кажется, Сибуян, подумал Конан) поднял глаза.

— Можешь торговать, — бросил он, и, словно по команде, вся четверка удалилась, крепко сжимая в руках драгоценные подарки.

Акеба положил руку на плечо Конана:

— Пошли, киммериец. Нам, купцам, пора раскладывать товар.

— Ну, и раскладывай сам, а мне нужно увидеть Ясбет.

Когда он подошел к ней, девушка стояла на четвереньках, опершись руками на один из еще не распакованных тюков. Конан, бормоча проклятия, разложил на земле свой плащ и уложил ее лицом вниз на него. Затем он подложил ей под голову сложенную щерстяную попону.

— Ну, как ты? — спросил Конан. — Даже стоять тяжело?

— Нечего пеленать меня, как младенца, — процедила она сквозь сжатые зубы.

— Камни Ханумана, женщина! Тебя никто не пеленает. Просто ты должна быть в форме, чтобы ехать верхом, когда понадобится.

Ясбет вздохнула, не глядя на него.

— Я не могу ни стоять, ни ехать верхом. Я не могу даже сидеть, — невесело рассмеялась она.

— Возможно, нам придется сняться с места неожиданно. И тогда тебя придется привязать поперек седла. И пойми, что я вовсе не собираюсь посмеяться над тобой таким образом.

— Я понимаю, — тихо сказала девушка. Вдруг она схватила его ладонь и прижалась к своим губам: — Ты овладел не только моим телом. Моя душа и сердце тоже принадлежат тебе. Я люблю тебя, Конан из Киммерии.

Он резко отдернул руку и встал.

— Мне нужно посмотреть, как там дела, — пробормотал он. — Ты полежишь здесь? Придется потерпеть, пока поставят палатку.

— Мне здесь удобно, правда.

Ясбет говорила так тихо, что Конан едва слышал ее. Кивнув ей, он быстрым шагом пошел туда, где уже раскладывались на одеялах товары. И что это женщинам вечно нужно говорить про любовь, думал он. Они все время ждут, что ты будешь с ними романтичен, как мальчишка. Или, того хуже, как поэт или музыкант.

Он обернулся и посмотрел на Ясбет. Она лежала, уткнувшись лицом в шерстяную попону. Ее плечи вздрагивали. Наверняка ей очень больно. Еще бы, такое путешествие верхом, без всякой подготовки...

Бурча себе под нос, Конан подошел к своим приятелям, осваивавшим роль заезжих купцов.

Шарак метался от одного кочевника к другому, размахивая руками, громко предлагая то большие куски воска, то винные кубки из Хаурана, черепаховые гребни из Замбулы, вендиjsкий шелк. Акеба более степенно демонстрировал оружие: сабли с клеймом Королевского Арсенала Турана, аквилонские кинжалы и даже боевые топоры из далекой Стигии. Тамур и его друзья, сбившись в кучку, передавали друг другу кувшин с пивом, которым их угостили местные жители.

Конан прохаживался между Акебой и Шараком, прислушиваясь к тому, как они торгаются, и кивая головой в знак одобрения сделки. От купца, у которого есть два человека для того, чтобы ругаться и торговаться с покупателями, никто и не ждал большего.

Торговля шла оживленно, но Конан с непривычки изрядно устал. Он поймал себя на том, что больше думает о хорошей кружке прохладного эля, чем о том, как играть свою роль. В эту минутку его внимание привлекла одна женщина.

Средних лет, она все еще была красива: высокая, полногрудая, с большими темными глазами и полными яркими губами. Ее плащ с войлочной подкладкой был сшит из прекрасной тонкой шерсти. Брошь с большим изумрудом служила застежкой. На шее у нее висело ожерелье с неизвестными Конану камнями. Не позолоченная медная побрякушка, а настоящая тяжелая золотая вещь. Запястья женщины были перехвачены браслетами из целого куска аметиста. Она не обращала внимания ни на духи, ни на украшения, которые на все лады расхваливал Шарак. Взгляд женщины ни на миг не отрывался от Конана. Очень заинтересованный взгляд.

Конан решил, что она – жена одного из самых знатных и богатых кочевников. Может быть, даже вождя. А значит, ее следовало избегать даже больше, чем всех остальных женщин этого племени. Он удостоверился, что на его лице никак нельзя прочесть ничего напоминающего излишнюю приветливость, и, отвернувшись в другую сторону, стал рассказывать покупателям о товарах, разложенных на ближайшем одеяле.

– Ты очень молод для торговца, – раздался за его спиной низкий женский голос.

Конан обернулся и оказался лицом к лицу с той самой женщиной.

– Мне моих лет хватает, – сухо ответил он. Его молодость вообще была егоальным местом, особенно при общении с женщинами.

Ее улыбка показалась ему полунасмешливой, полу... какой-то еще.

– Но ты ведь все еще молод?

– Меня давно называют мужчиной. Будешь что-нибудь покупать?

– Я думаю, у тебя лучше получилось бы продавать мечи и копья, юноша. – Ее взгляд пробежал по его могучим плечам и широкой груди.

– Может быть, тени для век? – он взял из лежавших на одеяле пузырьков и коробочек первое, что подвернулось под руку, и протянул ей. Его глаза искали мужчину, который с неодобрением наблюдал бы за их разговором. Должен же он появиться. Такая женщина, даже когда станет бабушкой, все равно будет притягивать к себе мужчин.

– Глядя на то, как смотришь на тебя этот меч, я бы назвала тебя не купцом, а скорее... – она поднесла палец к губам, словно задумавшись, – воином.

– Я – купец, – настойчиво повторил он. – Если не хочешь тени, может быть, духи? Я сейчас поищу...

– Ничего, – сказала она. В ее глазах запрыгали искорки смеха. – По крайней мере пока ничего.

Она пошла прочь, но, повернувшись, бросила ему:

— А то, что ты держишь в руках, и есть духи. Эх ты, торговец. — Ее звонкий смех еще долго звенел в ушах Конана, даже когда сама женщина скрылась из виду.

С громким треском флакон, сжатый в кулаке Конана, лопнул.

— Эрлик побери всех женщин, — пробурчал Конан, выбрасывая черепки. Но отделаться от облака жасминового аромата было куда труднее.

Ругаясь, он возобновил свои прохоживания вдоль разложенных товаров. Время от времени то кто-нибудь из покупателей-мужчин начинал удивленно шмыгать носом, то женщина провожала киммерийца улыбкой. Каждый раз он был готов бежать куда угодно, лишь бы смыть этот позор для мужчины. Смыть! Точно. Как только они разобьют лагерь, подумал Конан, он устроит себе хорошую баню. И пусть Митра сожжет Тамура и всех гирканийцев, если они скажут ему, что мужчине не пристало мыться.

Глава 19

Торговля бойко продолжалась целый день. Товары, привезенные с запада, из-за моря, обменивались на награбленное на далеких восточных караванных тропах. С первыми сумерками к торгующимся подошел Зутан. Толпящиеся у одеял кочевники поспешили расступиться при его появлении.

— Я покажу место, где вы можете устроиться на ночлег, — сказал усатый гирканиец. — Собирайтесь. — И пошел прочь переваливающейся походкой человека, больше привыкшего к верховой езде, чем к пешим прогулкам.

Конан оставил своих спутников укладывать товары, а сам взял на руки Ясбет, крепко спавшую и даже не почувствовавшую, что ее куда-то несут, и пошел вслед за Зутаном. Кривоногий кочевник остановился в добрых трехстах шагах от юрт.

— Вы будете спать здесь. Костры на ночь лучше гасить. Да, стража вас не знает, поэтому не штайте по округе во избежание неприятностей.

Судя по выражению его лица, Зутан нисколько бы не расстроился, случись с Конаном и вправду какая-нибудь неприятность. По его мнению, купцы были необходимым, неизбежным злом, с которым нужно мириться, но за это они никак не заслуживали гостеприимства или доверия.

Конан не обращал на него внимания. Это было лучше, чем прирезать высокомерного кочевника, хотя и не так приятно. Приказав установить палатку для Ясбет, он подождал, пока холст туга ляжет на вкопанные в землю шесты, и внес девушку внутрь. Она лишь сладко зевнула и что-то ласково пробормотала, пока он снимал с нее одежду и укладывал на одеяла. Его нос чесался от запаха жасмина, наполнявшего палатку. В такой вони Конан спать не мог.

Когда он вылез наружу, Зутана уже не было. Совсем стемнело. Маленькие костерки, которые топились высушенным навозом, давали неровный, пляшущий свет. Если бы Конан не знал, что неподалеку находятся сотни юрт, он бы ни за что не догадался об этом: все светильники и очаги находились внутри войлочных куполов, и ни единый луч света не пробивался наружу. Неподалеку от палатки возвышались темные груды тюков, стреноженные лошади паслись по соседству.

Конан покопался в одном из тюков и вытащил из него кусок грубого мыла. Взяв в каждую руку по бурдюку с водой, он шагнул в темноту. Когда киммериец вернулся, от него сильной струей шел запах щелока. Это все, чего ему удалось добиться. К тому же у Конана зуб на зуб не попадал: так приятно было обливаться водой на ледянном степном ветру.

Усевшись поджав ноги у костра, на котором булькал котелок с густой похлебкой, Конан налил себе полную чашку и взял в руки выточенную из рога ложку.

Акеба, поморщив нос, задумчиво сказал:

— Даже не знаю, что пахнет приятнее: жасмин или немытый щелок.

— А что, жасмин — восхитительный аромат, — съехидничал Шарак. — Ты, Конан, конечно, староват, чтобы начинать карьеру трактирной танцовщицы, но стремление похвально, а главное — первый шаг сделан в нужном направлении.

Тамур фыркнул и чуть не подавился супом. Конан не торопясь поднял руку и сжал пальцы в здоровенный кулак.

— Я ничем не пахну и не чувствую никакого запаха вокруг, — медленно сказал он и с вызовом осмотрел всех сидевших у костра. — Может быть, кто-то другой унюхал что-то?

Акеба примирительно развел руками и покачал головой.

— А все эти умывания, — сказал Тамур, но, увидев, что Конан готов встать, поспешил

заверить его: – Здесь ничем не пахнет. Но все-таки, киммериец, ты слишком суров по отношению к друзьям. Как так можно...

– Поговорим о друзьях! – сухо сказал Конан.

На мгновение в разговоре возникла пауза, которую первым нарушил Шарак:

– Давайте поговорим о нашей торговле. Я теперь не удивляюсь, почему купцы обычно богаты. То, что мы наторговали сегодня, будет стоить в Аграпуре три сотни золотых монет. А ведь у нас осталось еще две трети товара. Может, нам бросить все эти приключения и заняться торговлей всерьез? Я никогда в жизни не был богат. Думаю, в этом есть своя прелесть. Стоит попробовать.

– Мы пришли сюда не для того, чтобы заработать, – буркнул Конан, отодвигая чашку с похлебкой. Есть ему уже расхотелось. – Вы не заметили, что за нами следили всю дорогу от побережья?

Тамур что-то прикинул и спросил:

– Баотан? Я заметил, что он положил глаз на то, что мы погрузили на его лошадей...

– Не Баотан, – ответил Конан.

– Ты часто оглядывался, – задумчиво сказал Акеба, – но ничего не говорил. А я никого не видел.

Конан покачал головой и сказал, тщательно подбирая слова:

– Я тоже не то чтобы видел кого-то. И все же за нами следили. Кто-то. Или что-то. Это было какое-то внутреннее чувство.

Шарак натужно рассмеялся:

– Если этот Джандар, или Баальшам, или как его там еще, добрался до нас в этой дыре, то я готов двигать отсюда куда угодно. Хоть в Кхитай. Или еще дальше... если, конечно, за Кхитаем есть еще какие-то страны.

– Баальшам – человек, – нервно сказал Тамур, озабоченно глядываясь в темноту, – но эти его мертвецы... Если он послал их...

Где-то по соседству раздался звук шагов. Конан вскочил и выхватил меч, краем глаза увидев, как остальные тоже схватились за оружие. Даже Шарак выставил свой посох вперед, словно пику.

Зутан вступил в круг света и замер, глядя на наставленную на него со всех сторон сталь.

Конан недовольно сунул меч обратно в ножны.

– Опасно ходить по ночам у чужих костров, – заметил он.

Кончики усов гирканийца гневно зашевелились, но он лишь четко произнес:

– Самарра желает тебя видеть, Конан.

– Самарра? – сдавленным голосом переспросил Тамур. – Она здесь?

– Да кто она, эта ваша Самарра. – заинтересовался Конан. – Может, я вовсе не хочу ее видеть.

– Нет, Конан, – настойчивым голосом сказал Тамур, – ты должен. Самарра – могущественная шаманка. Очень могущественная.

– Шаманство – дело серьезное, – фыркнул Конан, – бабам ни к чему этим заниматься.

– Придержи язык, старина, – оборвал его Тамур. – А не то вдруг обнаружишь, что у тебя яйца оторвались или еще что похуже. Я же тебе сказал, она – настоящая колдуны.

Киммериец с сомнением уставился на Тамура. Никогда еще он не видел на лице этого человека такого подобострастного уважения и страха.

– Зачем я понадобился Самарре?

– Самарра не объясняет, – ответил ему Зутан. – Она вызывает к себе, и вызванные являются. Без промедления. Даже вожди.

— Придется прогуляться, — вздохнул Конан и шагнул в темноту вслед за Зутаном.

Они молча шли к юртам. Зутан считал ниже своего достоинства разговаривать с торговцем, а у Конана и без того было о чем подумать. Зачем он понадобился этой Самарре? Если она действительно колдунья, то и сама могла выяснить истинную причину его пребывания в Гиркании. Если, конечно, ей это для чего-то нужно. Насколько Конан разбирался в этих дела, никакое знание не рождалось само собой. Все стоило определенных сил и расходов всевозможных волшебных снадобий или предметов. Поэтому ни один колдун не станет узнавать что-либо из чистого любопытства.

Будь Самарра мужчиной, можно было бы объяснить ей, как следует просить прийти к себе незнакомца. А потом вызвать колдуна на поединок. Но не в правилах киммерийца было драться с женщиной.

Задумавшись, Конан чуть не налетел на Зутана, остановившегося перед огромной юртой. Это сооружение из войлока, натянутого на деревянный каркас, имело шагов двадцать в поперечнике и вполне подошло бы и вождю.

Зутан кивком головы показал Конану вход, занавешенный куском толстого войлока. Отодвинув тяжелую занавесь, Конан шагнул внутрь.

Он оказался в большом помещении, «стены» которого были задрапированы парчой. На полу лежали разноцветные касимирские ковры и шелковые подушки. С деревянных рам под потолком свисали на золотых цепях красивые светильники. А большая бронзовая жаровня, наполненная малиново-красными углами, согревала помещение, несмотря на холод снаружи.

Конан только успел рассмотреть все это, как вдруг перед ним словно из-под земли выросли восемь девушек. Среди них были и худенькие, и довольно полные. Судя по их коже, среди них были и бледные аквилонки, и смуглые уроженки Гиркании, и неизвестно где родившиеся, с кожей пожелтевшей слоновой кости.

Весь наряд девушек состоял из золотых колокольчиков, весело позвякивающих на их лодыжках.

В глазах Конана зарябило от мелькания разнокалиберных грудей и бедер. Девушки усадили его на подушки. От них доносился приятный аромат розовых лепестков.

Как только он сел, две из них принесли влажные полотенца и вытерли ему лицо и руки. Еще одна подвинула к нему поближе блюдо с изюмом и курагой, в то время как четвертая налила вина из стеклянного сосуда в золотой кубок.

Музыка флейт и зитар наполнила юрту — это четыре оставшиеся девушки взялись за инструменты. Первые четыре начали исполнять перед Конаном какой-то необычный танец.

— Где Самарра? — спросил киммериец. — Эй, я вас спрашиваю? Где она?

Музыка умолкла, но ни одна из девушек не проронила ни слова.

Конан поднял кубок, но затем отставил его в сторону, — вино мог быть подмешан дурманящий порошок, а может быть, и яд. Колдунья наверняка неплохо разбирается в таких штуках. Лучше не пить и не есть ничего, пока находишься в гостях у такого человека. И лучше особо не засматриваться на девочек. Может быть, шаманке нужно, чтобы внимание юноши ослабело. Конан внимательно обвел взглядом парчовые занавеси, держа руку на мече.

Но, несмотря на все усилия, его взгляд то и дело останавливался на вновь начавших свой танец девушках. Их стройные ноги мелькали в воздухе, бедра призывающе покачивались, глаза закатились в блаженном экстазе. На лбу киммерийца выступил пот, но юноша заверил себя, что все дело в слишком сильно нагревшейся жаровне. Повремени Самарра еще немного — и киммериец мог бы потерять контроль над собой. В конце концов эти девушки, не сказав ни единого слова, ясно дали ему понять, что мечтают оказаться в объятиях сильных рук северянина.

Неожиданно громкий хлопок в ладони оборвал музыку. Девушки беззвучно скрылись за

одной из занавесей. Блаженное выражение слетело с лица киммерийца, его рука вновь крепко обхватила меч. Парчовые занавеси распахнулись, и перед его глазами предстала та женщина, с которой он говорил днем во время торговли. На этот раз ее голова была непокрыта, и черные как смоль волосы рассыпались по плечам. Длинное платье облегало великолепную фигуру.

— Я предпочитаю танцы молодых мальчиков, — сказала она, — но не думаю, что ты разделяешь мои вкусы.

— Ты? — с сомнением спросил Конан. — Ты и есть Самарра?

Она гортанно рассмеялась:

— Ты разочарован, что я не старая карга с крючковатым носом и беззубым ртом? Знаешь, я предпочитаю оставаться молодой, пока мне позволяет это моя магия и женские премудрости. Некоторые говорят, что я до сих пор ничего. — Облизнув губы, она подошла поближе. — А как ты думаешь?

Этой женщине не нужно никакого колдовства, чтобы повелевать мужчинами, подумал Конан. Его собственная кровь закипела в жилах, горло сдавило от желания.

— Зачем ты позвала меня? — прохрипел он. Ее глаза не менее чувственно и ласково, чем могли бы это сделать руки, пробежали по его лицу, спустились на плечи, на широкую, сильную грудь. Вдруг ее ноздри вздрогнули.

— Ты смыл запах духов, — с легким разочарованием в голосе произнесла она. — Гирканийские женщины привыкли к мужчинам, от которых разит потом, лошадьми и бараньим жиром. А тот аромат привлек бы к тебе благосклонное внимание. Хотя ты и без того очень необычен для этих мест. Высокий, с сильными мышцами. У тебя светлая кожа. Да плюс ко всему — твои глаза.

Ее изящные пальцы почти касались его щеки.

— Цвет неба, — прошептала она. — Изменчивые, как само небо. Весеннее небо после дождя. Небо раннего утра. Небо бури и ливня, когда ты разгневан. Ты мог бы увести за собой половину женщин этого племени — развлекаться хоть с тремя-четырьмя сразу, если тебе это нравится.

Неожиданно Конан обхватил Самарру рукой и легко оторвал от земли, прижав к своей груди. Свободной рукой он схватил ее за волосы, запрокинул ей голову и, глядя в глаза, зло произнес:

— Смеяться надо мной — опасное дело. Даже для колдуны.

Самарра лишь таинственно улыбнулась и, не отведя взгляда, спросила:

— Когда ты собираешься отправиться в Проклятую Землю, чужестранец?

Его рука непроизвольно сжалась сильнее, выдавив из ее горла сдавленный стон. В глазах Конана не оставалось ни капли неба. Только сталь и лед.

— Не вовремя ты решила продемонстрировать свое колдовское искусство.

— Но я на твоей стороне. Поверь, Конан. Ты можешь свернуть мне шею одной рукой или сломать спину, как тонкий прут. Сдавленная в твоих руках, я вряд ли смогу применить хоть какое-то волшебство. Я специально тебе позволила так схватить меня, чтобы, оказавшись беззащитной, доказать, что не желаю тебе зла.

— Я думаю, что ты беззащитна, как тигрица, которую пытаются удержать голыми руками. — Он резко опустил ее на пол, при этом в глазах женщины мелькнуло легкое разочарование. — Ну, говори. Что заставило тебя пустить в силу колдовство? Почему ты заподозрила, что я — не тот, за кого себя выдаю?

— Никакого колдовства не было, — рассмеялась Самарра. — Только мысль. Ты приехал в компании с Тамуром, который поклялся убить Баальшама и за этим отправился за море. Я помню те страшные дни. А потом я была одной из тех, кто накладывал заклятия, которые укрывают от людских глаз то, что осталось на Проклятой Земле.

Теперь Конан понял, почему Тамур так задрожал при одном упоминании ее имени.

– А может быть, я просто нанял Тамура, проводником по вашей стране, с которой я собирался торговать?

– Нет, Конан. У Тамура много недостатков, но клятву держать он умеет. Он с друзьями поклялся, что, несмотря на все запреты упоминать имя Баальшама, отомстит ему за кровь гирканийцев. То, что он вернулся с тобой, может означать только одно: он решил попытать счастье в Проклятой Земле. Они прекрасно знают, что нарушить табу означает смерть для любого гирканийца. Поэтому они выбрали для этого дела человека чужой крови.

– Если ты все это знаешь, то почему же меня до сих пор не пытались схватить воины ваших племен?

Самарра ответила не торопясь, обдумывая каждое слово, словно ощущая, какой опасности подвергает себя, говоря это:

– Когда были воздвигнуты преграды вокруг Проклятой Земли, я одна среди шаманов считала, что этого недостаточно. Я говорила всем, что нужно преследовать Баальшама и убить его. Если он сможет возобновить свое черное дело где-то в другой стране, то рано или поздно он вернется, чтобы отомстить нам. Остальные были не согласны, опасаясь очередной войны. Поэтому меня заставили... – она неожиданно замолчала.

– Заставили что? Поклясться?

– Да, – кивнула она. – Я принесла клятву, но этого было мало. На меня наложили еще один обет. Если я нарушу эту клятву, то в тот же день потеряю всю свою волшебную силу. Многим из наших не нравится, что среди шаманов есть женщины. Они будут рады, если эта линия оборвется на мне. – Самарра снова замолчала, взглядом умоляя Конана расспрашивать дальше.

– Что заставляет тебя молчать, женщина? Какую клятву ты принесла?

– Долго же ты не мог понять, что от тебя нужно, – выдохнула она. Напряжение на глазах спало с ее лица. – Во-первых, я не могу первой заговаривать о клятве, а должна ждать, пока меня спросят. Причем не гирканиец, а кто-нибудь чужой крови.

– Значит, тебе пришлось выуживать из меня эти вопросы, – пробормотал Конан.

– Точно. И второе. Я не могу помочь гирканийцам проникнуть в Проклятую Землю или предпринимать что-либо против Баальшама. Мне нельзя искать кого-нибудь, кто взялся бы за это.

Широкая улыбка растеклась по физиономии Конана.

– Но если чужестранец найдет тебя сам...

– Да. Тогда я могу помочь ему. Но только тому, кто действительно подходит. Я не имею права рисковать. – Ее рот перекосился от гримасы омерзения. – Я не боюсь смерти. Но в качестве наказания за мою неудачу меня отправят наложницей в дом Анатора, ненавидящего меня шамана. Смерть выглядит гораздо привлекательнее, чем жизнь до старости с этим вонючим колдунишкой.

– Ну так, значит, ты мне поможешь?

– Если ты – тот самый человек. Я должна спросить у Огня Обратного Времени. Для этого мне нужна прядь твоих волос.

Конан непроизвольно сделал шаг назад. Волосы, обрезки ногтей – все эти предметы могут быть использованы, чтобы заколдовать того, кому они принадлежат.

– Неужели ты подумал, что я собираюсь приворожить тебя? – усмехнулась она.

– Ладно, режь, – сказал он.

Маленький золотой нож аккуратно отделил несколько волосков от шевелюры киммерийца.

Самарра не торопясь раскрыла несколько больших сундуков, стоявших вдоль занавесей. Волосы Конана сначала были перемолоты маленьким жерновами, а затем смешаны с содержимым дюжины флаконов – резко пахнущими порошками и булькающими тягучими

жидкостями.

Полученная смесь была слита в рог и долго перемешивалась костяной палочкой. Затем Самарра достала маленькую золотую жаровню на трех опорах и наполнила ее сухим пеплом. Бормоча ничего не говорящие Конану слова заклинаний, она выплеснула содержимое рога на пепел.

Ее голос стал громче и выше, вот он уже впивался, как раскаленные иглы, в уши киммерийца. Над пеплом появились голубые языки пламени. Не дрожащие и прыгающие, как обыкновенный огонь, а лениво струящиеся, как море в тихую погоду. Огонь поднимался все выше, достигнув высоты человеческой руки. Колдунья не мигая смотрела в него, продолжая бормотать заклинания. Наружные стенки золотой жаровни и поднос, на котором она стояла, покрылись морозными узорами.

Все остальные светильники почти погасли, погрузив помещение в полумрак. Киммериец почувствовал, как впились в ладони ногти. Пробормотав проклятие, он разжал кулаки. Нет, повторял он про себя, его не запугаешь, он уже повидал всякого колдовства, не впервые...

Неожиданно Самарра замолчала. Конан моргнул и уставился на золотое блюдо жаровни. Там среди остатков пепла лежали кусочки сандалового дерева, лишь чуть обгоревшие. С каждой секундой пепла становилось все меньше, а сандал становился все менее закопченным. Наконец колдунья накрыла жаровню золотым колпаком, загасив пламя.

Еще долго она молча смотрела на золотой поднос, а затем повернулась к киммерийцу и сказала:

– Если ты войдешь в Проклятую Землю, погибнут десятки людей. Может быть, и Баальшам. Может быть, и ты сам. Твои кости могут остаться на съедение страшным тварям, запертым в этом проклятом месте.

– Может быть, говоришь? Интересно у тебя получается. Ни так, ни этак. Даже Шарак по твоим свиткам говорит более определенно.

– Огонь показывает то, что может произойти. Люди сами решают, какое решение выбрать. То, что есть сейчас, – это линия. Каждый поступок человека дает ей два, пять, десять продолжений. И так постоянно. Я тебе говорю: если ты пойдешь туда, то ты, или Баальшам, или вы оба предстанете перед Черным Троном Эрлика. Но если ты не пойдешь – погибнешь обязательно. Я просмотрела сотни линий, и в каждой из них ты погибаешь. Каждый раз мучительней, чем в предыдущий. Если ты не пойдешь, – погибнут десятки и десятки тысяч человек, сражаясь с укрепившимся злом Баальшама. Сотни, повинуясь его чарам, сами добровольно лягут на его алтарь. Короли будут подползать к нему и целовать его ноги. Тьма покроет землю. Таких ужасов мир не знал со дней Ахерона.

Конан усмехнулся:

– Похоже, я должен попытаться спасти мир, хочу я того или нет. – Меч скользнул в его руки: киммериец внимательно посмотрел на лезвие. – Если мне суждено пойти туда, то нечего ждать. Я пойду сейчас же.

– Нет, – резко сказала Самарра. Конан попытался возразить, но она продолжила, не слушая его: – Ночью, конечно, лучше. Но не этой ночью. Подумай о той девушке, которая с тобой. Если твое дело удастся, вам придется немедленно возвращаться назад. Здесь такое поднимется, как только это станет известно... А твоя спутница не может ни ехать верхом, ни даже сидеть или стоять.

– Придется перекинуть ее через седло и везти так, – грубо ответил он. Боевой пыл уже овладел им. Если ему и суждено погибнуть сегодня ночью, подумал Конан, то жизнь свою он продаст дорого.

– Если ты позволишь принести ее сюда, я смогу вылечить ее тело за один день. – Самарра

улыбнулась: – Многие женщины просили меня подлечить натертые задницы. Но впервые я использую свое колдовство для столь мелкой цели.

– Чем дольше я жду, тем больше вероятность, что кто-нибудь узнает Тамура.

– Все равно без моей помощи тебе не попасть в Проклятую Землю. Внешний Круг убьет только гирканийца, но, чтобы найти то, что тебе нужно, ты должен проникнуть во Внутренний Круг. Его барьер убивает все живое. Я дам тебе порошки, которые нужно будет там рассыпать по земле, и научу заклинаниям, которые ты должен будешь произнести, если хочешь выжить.

– Так давай же, – потребовал он.

Вместо этого Самарра, расстегнув застежку, сняла свою шелковую накидку. Глядя прямо в глаза Конану, она сказала:

– Ни один гирканиец не видит в шаманке женщину. У меня есть слуги и рабы, молодые парни, полные сил, но и полные страха.

Самарра начала расстегивать серебряные булавки, удерживающие на ней платье.

– Они прикасаются ко мне, если я им приказываю, но делают это так, словно я могу взорваться и покалечить их. До тебя ни один мужчина не смотрел на меня как на женщину, не сжимаясь при этом от страха! Я больше не могу ждать!

Платье стекло к ее ногам, и Самарра предстала перед его глазами во всей своей ослепительной наготе. Она стояла уперев руки в широкие бедра, откинув голову и чуть отведя назад плечи, отчего ее грудь казалась еще выше и полнее.

– Это цена за мою помощь. Да, я поступаю как продажная шлюха. Ну и пусть. Я никогда не испытывала ничего подобного. А я хочу испытать все, что могут дать друг другу мужчина и женщина. Все! Слышишь, Конан?

Конан выпустил меч из рук. Огонь боя в его жилах сменился другим огнем.

– Завтра ночью будет самое подходящее время для дела, – хрипло прошептал он и склонил голову, сжал Самарру в объятиях.

Глава 20

Рано утром Конан отправил к Акебе посыльного с просьбой, чтобы турец позаботился о торговле без его помощи. Вскоре два молодых раба Самарры перенесли Ясбет на носилках в юрту колдуны. Когда они вошли, Самарра, покраснев, выскочила, шаря руками в поисках чего-либо, что прикрыло бы ее наготу. Рабы смотрели на Конана с затаенной ревностью.

— Конан, зачем меня сюда принесли? — почти плача, спросила Ясбет. Она по-прежнему лежала ничком на одеяле и стонала при каждом движении. — Мне больно.

— Твоя боль скоро утихнет, — ласково сказал он. — Самарра позаботится о тебе.

Самарра приказала рабам перенести Ясбет в другую половину юрты, куда направилась и сама. Через полчаса она вернулась, на ее щеках все еще горел стыдливый румянец. Конан развалился на подушках, держа в руках кубок с вином.

— Я дала ей снотворный порошок, — сказала Самарра. — Заклинание в одну минуту сняло боль, но сейчас девушке нужен отдых и сон. Лучше, если это будет сон от порошка, чем от заклинания. Я могу хоть сейчас снять с нее усталость, но за это она рассчитается трижды когда-нибудь в будущем. Любое применение тайных сил требует расплаты.

Все время, пока говорила, Самарра стояла в дальнем от Конана конце комнаты, не зная, куда деть руки от смущения. Кивком головы киммериец подозвал ее к себе:

— Подойди, Самарра. Сядь. Не заставляй меня изображать хозяина в твоем доме.

Поколебавшись секунду, она мягко опустилась перед ним на колени.

— Да, я сказала «все». Но это не значит, что я хотела, чтобы мои собственные рабы вваливались, когда я лежу голая, опьяненная счастьем. Я уже не говорю о том, чтобы лечить женщину того мужчины, с которым я провожу эту ночь. Я как-то странно себя чувствую, вспоминая о том, что в нескольких шагах отсюда — эта девушка.

Конана удивило это смущение.

— Если она ничего не знает, то и не будет переживать, — сказал он, стягивая платье с ее полного плеча.

Самарра отвела его руку:

— Скажи, для тебя все женщины одинаковы? Провести с ней ночь, и все?

— Может быть, когда-нибудь я встречу женщину, на которой решу жениться. Возможно. А пока — я люблю всех женщин. Но ни одну из них я не обманываю, утверждая, что она значит для меня больше, чем это есть на самом деле. — И он снова попытался снять с нее платье.

— Да что тытворишь, — запротестовала Самарра. — Я уже не многим отличаюсь от той девушки, которая лежит там, за занавеской. Некоторые из моих мышц не меньше нуждаются в лечении и отдыхе, чем ее задница.

— Ну, тогда мне остается только вернуться к Акебе и остальным, — сказал Конан, поднимаясь на ноги.

— Нет! — крикнула Самарра. Сорвав с себя платье, она встала на колени и прижалась к его ногам. — Пожалуйста. Останься. Я... Я не отпущу тебя. Я удержу тебя насилино...

— Насилино? — усмехнулся он.

Женщина решительно кивнула. Смеясь, он повалил ее на подушки.

* * *

Через два часа после захода солнца Конан был готов к выходу. Напоследок он взглянул на

Ясбет. Она спала, спала самым естественным сном. Конан провел пальцами по ее щеке. Ясбет улыбнулась, даже не проснувшись.

Когда он вернулся в другую часть юрты, Самарра уже оделась. Ее лицо было совершенно серьезно.

– Порошок у тебя? – спросила она. – Смотри, не потеряй.

– Здесь он, – успокоил ее Конан, похлопывая себя по поясу, на котором висел маленький кожаный мешочек с двумя свертками. В каждом из них – тщательно отмеренная горсть порошка, который должен ослабить Внутренний Круг настолько, чтобы Конан мог пройти сквозь него. Одна горсть – для входа, вторая – чтобы выйти.

– Заклинание. Ты не забыл заклинание?

– Не волнуйся. Я все помню.

Он попытался обнять ее, но колдунья отступила на шаг назад, чтобы избежать объятий. Ее лицо превратилось в неподвижную маску.

– Да помогут тебе боги, Конан. – Она слегка прошептала: – И всем нам.

От хорошего клинка больше проку, чем от всех богов, вместе взятых, подумал Конан, выходя в ночную темноту. Полная луна на безоблачном небе заливалась бледным светом этот странный временный город. Мертвый город, как могло показаться тому, кто не был здесь днем. Ни души. Все сидят в своих юртах. Даже собаки жались поближе к войлочным стенам и при появлении Конана только поднимали голову, жалобно воя. Киммериец запахнул плащ, закрываясь от ледяного ветра. Хотя, не обманывая себя, он признал, что настоящая причина бившей его дрожи – вовсе не холодный воздух.

Акеба, Шарак и Тамур ждали его в условленном месте к востоку от стойбища... Остальные кочевники – друзья Тамура – остались в лагере, чтобы он не казался подозрительно пустым. Лошади тоже остались в лагере: цокот копыт в ночной степи мог привлечь нежелательное внимание.

Тамур нервно взгляделся в Конана и прошептал:

– Она ведь не пришла с тобой, правда?

– Нет, – сказал Конан.

Тамур с облегчением вздохнул.

– Давай-ка за дело, – поторопил компанию Конан, – Тамур, веди.

Гирканиец нерешительно повернулся на восток. Акеба и Конан последовали за ним. Шарак семенил сзади, постоянно бормоча что-то о темной дороге и лезущих под ноги камнях, несмотря на то, что луна прекрасно освещала путь.

– Тамур чуть было не передумал, – тихо сказал Акеба, – до того он боится Самарры. Если бы он хоть чуть меньше ненавидел Джандара, он бы точно вскочил на коня и скакал бы до самого моря.

– Ничего, Джандара он ненавидит на полную катушку. Он приведет нас куда надо.

– Не понимаю, киммериец, – раздался ехидный голос Шарака, – как у тебя еще сил хватило на эту прогулку после суток, проведенных с этой ведьмой. Я видел ее мало и, конечно, не так близко, как ты, – тут он кашлянул, – но мне кажется, что эта женщина может вытянуть из мужчины все силы.

– Смотри под ноги, старик, – сухо ответил киммериец. – Я что-то не видел, чтобы ты читал в свитках свою судьбу на эту ночь. А вдруг тебе суждено свернуть шею?

– Митра! – буркнулся Шарак, споткнувшись об очередной камень. – И все-таки – ночь, звезды, приключения... – Уткнувшись взглядом в широкую спину мрачно шагавшего Конана, старый астролог осекся. – А что до звезд... я бы и рад кое-что рассмотреть, но луна... Ничего не вижу. Она просто ослепляет меня. Я одну звезду от другой отличить не могу.

Дальше они шли молча, пока Тамур не остановился, показывая рукой на две высокие тени впереди:

– Там, это граница Внешнего Круга. Мне ближе нельзя.

Самарра рассказала Конану про эти знаки. По всему периметру Внешнего Круга были расставлены грубые каменные столбы, чуть выше человеческого роста и раза в четыре толще, чем тулowiще человека. Пройти за эти камни означало смерть для любого, в чьих жилах текла гирканийская кровь.

– Мне нет смысла идти с тобой, Конан, – сказал Шарак. – Глаза... Я тебе буду не столько помощником, сколько обузой. Я останусь здесь и попытаюсь выяснить по звездам наше будущее... Эй, гирканиец, – обратился он к Тамуру, – все равно тебе делать нечего. Пойдем, я научу тебя различать звезды и читать по ним.

– По крайней мере, я пойду с тобой, – сказал Акеба, но Конан покачал головой.

– Самарра сказала мне, что тот, кто пойдет со мной, – погибнет.

На самом деле, она этого не говорила, но из ее слов Конан понял, что двое или пятьдесят человек, проникнув за барьер, будут иметь не больше шансов на успех, чем один. Если не меньше.

– Ну, тогда я буду ждать тебя, киммериец. Ты наглый парень, но ты мне нравишься. Удачи тебе.

Конан хлопнул приятеля по плечу:

– Протруби за меня в небесные трубы, если окажешься там раньше меня, Акеба.

– Что? Что ты сказал?

– Разные страны – разные обычай. У нас так говорят при прощании.

– Странный вы народ, светлоглазые варвары. Ну да ладно. Ты там тоже подуди за меня, или как это там...

Но Конан уже повернулся и зашагал вперед, вытащив из ножен свой меч. Не останавливаясь, он прошел между каменными столбами. Несколько мгновений его колотила сильная дрожь. Хорошо, что Самарра предупредила его об этом. Итак, барьер Внешнего Круга остался позади.

Нигде не было видно никакой растительности. Даже жесткой травы, ковром покрывающей степи Гиркании. Земля была голой, но лежала волнами, словно когда-то расплавилась и потекла, а затем застыла. Он уже видел такое у себя на родине после того, как одна из гор выбросила из своей вершины огонь и жидкую горячую землю. Хотя на небе не было ни облачка и ни единой порыв ветра не доносился до киммерийца, в неверном лунном свете тени вокруг него шевелились.

Будь он героем саги, он просто-напросто пошел бы на это шевеление и сразил бы своим клинком всех попрятавшихся в скалах чудовищ. Но героям саг обычно выпадает везение за десятерых. Чем они и пользуются. А Конан, видимо, один из той десятки ограбленных на везение. Ему не приходилось надеяться на удачу. Только на самого себя.

Конан все дальше углублялся в Проклятую Землю, двигаясь с ловкостью пантеры, словно пытаясь спрятаться от лишних глаз. А то, что здесь были чьи-то глаза или по крайней мере что-то, чувствующее движение, – в этом он был уверен. Странные шорохи и скрежетание доносились до его ушей. Словно острые когти царапали камень. В какой-то момент он и вправду увидел глаза – три близко посаженные, горящие красным огнем точки, уставившиеся на Конана из-за большого валуна. Киммериец ускорил шаг. Звук когтистых лап усилился, раздаваясь где-то совсем рядом. Со всех сторон слышалось посвистывание, напоминающее перелаивание гончих, загоняющих зверя.

Неожиданно наступила тишина. В голове Конана пронеслось: или эти твари нападают молча, или что-то заставило их прекратить погоню. А если так, то что? Что могло напугать эти

порождения Проклятой Земли? Ответ пришел сам собой. Выйдя из-за очередного валуна, Конан чуть не налетел на столб-отметку границы Внутреннего Круга.

Конан облегченно вздохнул. По крайней мере, на некоторое время эти твари отстали от него. Он торопливо развязал мешочек у пояса и рассыпал светящийся в темноте порошок тонкой линией рядом со столбом. Произнеся слова заклинания, Конан увидел, как над линией появилось свечение – пятно шириной с расставленные руки человека и высотой с маркировочный столб. Внутри этого пятна барьер был ослаблен, хотя и не снят полностью. Так сказала Самарра. Сильный человек сможет выжить, пройдя сквозь него. Это тоже ее слова.

Чирканье когтей по когтям и присвистывание возобновилось. Неведомые создания явно подобрались ближе. Затаив дыхание, Конан ринулся вперед. Свист перешел в голодный вой, когда киммериец влетел в пятно света. Каждый мускул, каждый сустав скрутила дикая боль, но, затем, спиной вперед, его швырнуло во Внутренний Круг.

Обрадованно обнаружив, что скрюченные судорогой пальцы не выпустили меч, Конан встал на ноги. Ничего себе ослабленный барьер, подумал он. Врагу не пожелаешь испытать его полную силу. Ощупав пояс, Конан со вздохом облегчения обнаружил мешочек с остатками порошка на своем месте.

Свечение, отмечающее брешь и барьере, еще висело в воздухе. Но Конан знал, что ему не удастся сосчитать и до ста, как оно погаснет. Вторая порция порошка была единственным способом вновь пересечь барьер, если, конечно, не вырваться из него сейчас же. Конану стоило большого усилия воли отогнать от себя эту мысль. Повернувшись спиной к слабеющему свечению, он зашагал дальше.

Эта земля действительно была проклята: холмы рассечены зияющими трещинами, обломки скал разбросаны неведомой силой на много шагов от того места, где когда-то они составляли единое целое.

В низинах кипела и булькала какая-то жижа. Воздух пропитался вонью разложения. Над самой землей метались облачка не то пара, не то дыма, оставлявшие неприятные влажные следы на коже.

Самарра рассказала Конану, где стоял недостроенный дворец Джандара. Во что он превратился после той кошмарной ночи – не знала даже она. Но другого места для поисков ни он, ни она предложить не могли. Среди холмов Джандар приказал расчистить ровную площадку для дворца. Сейчас перед Конаном лежал последний холм. Дальше шла ровная местность. Наверное, то самое место.

Конан побежал вперед, огибая преграждающую путь гряду скатившихся с горы валунов. Еще один поворот – и киммериец остановился, опустив руки, словно признавая свое поражение. Прямо перед ним мраморные ступени вели к колоннаде полуразрушенного портика. А за колоннами, там, где должен был стоять дворец, зияла огромная яма, мерцавшая красным светом плавающих камней далеко внизу.

Здесь ничего не могло остаться, подумал Конан. Но должно. Самарра предсказала, что его поход в Проклятую Землю даст, по крайней мере, шанс на уничтожение Джандара. Где-то здесь должно оставаться что-то, что можно использовать против колдуна. Нужно было найти это неведомое средство.

Раскатистое рычание, раздавшееся за спиной киммерийца, заставило его развернуться, и невольное «Кром!» слетело с его губ.

Прямо перед ним стояло существо, вдвое выше человека, гниющая плоть которого исходила светящимся в темноте гноем. Единственный рубиново-красный глаз уставился на Конана. Разум, страшный, жестокий разум светился в этом глазе наравне с голodom. А длинные клыки в пасти и лапы, заканчивающиеся острыми когтями, ясно указывали на то, чем предпочитает питаться их

обладатель.

Не дожидаясь нападения чудовища, Конан решил действовать сам. Замахнувшись мечом, он крикнул, словно собирался нападать. Чудовище подалось назад, чтобы встретить атаку, но Конан, проскочив мимо него, бросился к скальной гряде. Такая машина вряд ли сможет сравниться с ним в ловкости, подумал киммериец.

На бегу опустив меч в ножны, он добрался до обрыва и, не останавливаясь, начал карабкаться, цепляясь руками и ногами за малейшие выступы и впадины. Проверять их надежность было некогда. Несколько раз он чуть не сорвался, когда хрупкий камень ломался под его весом. Основательно поломав ногти и ободрав колени, Конан все-таки выбрался на гребень обрыва, перевалился через него и упал, тяжело дыша. Никогда ему еще не приходилось так быстро карабкаться по скалам.

Покрытая слизью когтистая лапа впилась в камни рядом с головой киммерийца. Проклиная всех и вся, Конан перекатился на другой бок и вскочил, выставив вперед меч. Светящееся чудовище, подтянувшись, выставило над краем обрыва голову. Увидев человека, оно, вместо того чтобы ухватиться покрепче за камни, взмахнуло свободной лапой, пытаясь зацепить Конана когтями. Закаленный клинок обрушился на держащуюся за землю лапу. Искалеченное чудовище полетело вниз, издавая адские стоны. Казалось, скалы вздрогнули, когда оно всем телом рухнуло на камни у подножия обрыва.

Когтистая лапа так и осталась лежать там, где была отрублена. Светящийся зловонный гной вылетал из нее как кровь. Концом меча Конан поддел ее и сбросил в булькающую мглу вниз.

Даже сквозь облака пара Конану было хорошо видно то, что осталось от дворца Джандара. С высоты открывался жутковатый вид на полуразрушенный портик на фоне красного свечения из провала за ним. Нет, здесь искать было нечего. Развернувшись, киммериец отправился вниз по более-менее пологому склону, перепрыгивая через трещины и огибая разбросанные осколки скал.

Вдруг за его спиной раздался звук осыпающихся камней. С мечом наготове, Конан внимательно посмотрел в ту сторону. В этой мгле ничего не стоило, не заметив, слишком близко подпустить к себе какое-нибудь маленькое, но опасное создание. Глухой удар, как от падения тяжелого тела, донесся из тумана примерно с той же стороны, но уже ближе. Нет, настойчиво успокаивал себя Конан, он не мог пропустить незамеченным какое-нибудь крупное существо... В этот момент из тумана на него бросилось то самое одноглазое чудовище, занеся для удара и здоровую когтистую лапу, и обрубленную кулью.

Конан сделал шаг назад и почувствовал, как его нога повисла в пустоте. Лишь изогнувшись, как огромная кошка, он сумел ухватиться руками за камни и избежать падения в глубокую трещину. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как броситься под ноги нападающему чудовищу. Одноглазое создание слишком разогналось, чтобы остановиться так быстро. Конан хотел ударить его мечом снизу, но чудовище подпрыгнуло и одним прыжком оказалось почти на другой стороне трещины. Не удержавшись на ее кромке одной здоровой лапой, оно полетело вниз, рыча от злости и боли.

Конан быстро отскочил от края пропасти и замер, прислушиваясь. Рычание зверя стихло. Наступила тишина, которая больше всего пугала Конана. Он понимал, что чудовище вряд ли оставил свою затею поужинать непрошеным гостем. А то, что такое падение ему ни почем, – в этом киммериец уже мог убедиться раньше.

В подтверждение его худших опасений из трещины раздались звуки крошащегося камня. Киммериец прикинул, что, находясь выше, он получал некоторое преимущество над противником. Но вдруг его осенило. В конце концов, он пришел сюда не для того, чтобы воевать с этим уродом. Развернувшись, Конан бросился вниз по склону, на ходу соображая, что большое

расстояние от того места, где чудовище вылезет из трещины, может стать хорошим прикрытием. По крайней мере, не обнаружив противника, зверь, может быть, направится на поиски более доступной добычи. В какой-то момент киммериец с раздражением вспомнил древние саги. Будь у него хоть десятая часть того везения, которое выпадало этим трижды проклятым героям этих мерзких сказочек, – чудовище сейчас отправилось бы спокойно вверх по склону, а Конан занялся бы своим делом внизу.

Именно снизу-то и донеслись до его ушей уже знакомые звуки: царапанье когтей по камням и глухое рычание. Черный Эрлик! Окажись сейчас с Конаном рядом кое-кто из древних легендарных героев – киммериец, не задумываясь, отправил бы их в пасть чудовищу не только чтобы выиграть время, но и чтобы посмотреть, как эти везунчики докажут свою силу там, где нет ни капли удачи.

Столь отвлеченные размышления не помешали Конану делать то, что было для него единственным возможным в этой ситуации, – бежать из всех сил. Пробегая мимо очередного нагромождения камней, киммериец, чтобы удержать равновесие, оперся на миг на один из них и почувствовал, что этот обломок скалы покачнулся под его весом.

Присмотревшись, киммериец понял, что этот камень, размером больше человеческого роста и намного больше в обхвате, стоит довольно неустойчиво на краю уступа. Что ж, если повезет, эта штука сможет дать ему большую передышку, чтобы оторваться от чудовища, которое, кстати, не замедлило появиться. Красный горящий глаз мелькнул в тумане шагах в пятидесяти от киммерийца. Это существо двигалось со скоростью и ловкостью горного льва. Сорок шагов. Конан, удостоверившись, что его заметили, шагнул за камень. Тридцать. Киммериец навалился на камень плечом. Тот нагнулся и встал как вкопанный. Двадцать пять шагов. Конан уперся всем корпусом, напряглись могучие мышцы. Двадцать. Конан развернулся и уперся в камень спиной и нажал, вкладывая в это усилие работу всех мышц от ног до шеи. Пятнадцать шагов. Десять. Стало явственно слышно раздававшееся из пасти чудовища хриплое рычание. Вдруг камень покачнулся, застыл на мгновение – и покатился вниз.

Конан успел развернуться и увидеть, как камень подпрыгнул на одной из неровностей склона, с лету угодил прямо в грудь чудовищу и, не останавливаясь, потащил его вниз, к подножию гряды.

Не дожидаясь, чем все это кончится, Конан рванулся вдоль склона к барьера Внутреннего Круга. Нет, он пока что не собирался выходить за границу, но и не верил, что обрушившаяся на чудовище машина камня убьет это страшное создание. После того, что он наблюдал, Конан не поверил бы в смерть одноглазого чудовища, пока сам не увидел бы его мертвым. Просто киммериец вспомнил, что там, за барьером, неведомые охотники побаивались приближаться к смертельной границе. Может быть, и с этой стороны чудовище не рискнет продолжать охоту у самого барьера.

Конан несся, как пантера, сквозь зловонную мглу, перепрыгивая камни и трещины, перелезая через обломки скал, огибая взрывающиеся фонтанами гейзеров небольшие озера. Впереди в лунном свете показались столбы, обозначающие границу Внутреннего Круга.

Вдруг в полной тишине на киммерийца из тумана прыгнуло одноглазое чудовище. Честно говоря, киммериец рассчитывал на то, что оно дольше будет вылезать из-под навалившейся на него тяжести. Отчаянным броском Конану удалось увернуться от когтистой лапы, лишь в ключья разорвавшей его тунику и оставившей четыре кровавые полосы на его груди. Выхватив меч, киммериец выставил его вперед, готовясь встретить ударом возвышающееся над ним, словно башня, создание. Чудовище остановилось, злобно рыча и косясь на поблескивающую в лунном свете сталь. Оно хорошо запомнило эту длинную блестящую штуку, отхватившую ему лапу одним ударом.

Кровь сильно текла из глубоких порезов на груди Конана. Но не это беспокоило его в этот момент, и даже не оскалившаяся на него пасть со страшными клыками. Пошарив свободной рукой на поясе, Конан чуть не задохнулся. Мешочка с порошком не было. Его сорвали эти проклятые когти-кинжалы, когда чудовищу удалось дотянуться до Конана. Вместе с пропавшим мешочком исчезла и всякая надежда вырваться за пределы этого страшного места. С этой мыслью глаза киммерийца непроизвольно повернулись в сторону столбов, обозначавших границу Внутреннего Круга, и... там, у подножия одного из этих каменных монолитов, лежал мешочек, а в нем – и надежда на спасение.

Медленно, не спуская с чудовища глаз и не отводя ни на миг клинок, Конан начал боком заходить к столбу. Чудовище внимательно следило за движениями человека, и вдруг разум сверкнул в кроваво-красном глазе: увидев мешочек, мерзкое создание, видимо, сообразило, насколько важна эта штука для его противника. Слизкое, светящееся тело одним прыжком встало над мешочком, чуть не касаясь спиной невидимой границы. На его оскаленной морде появилось что-то напоминающее издевательскую усмешку.

Вот тебе и зверюшка, боящаяся барьера, подумал Конан. Если так дело пойдет, то эта смышленая тварь ни за что не отдаст ему мешок, не говоря уже о том, чтобы дать время на насыпание порошка и чтение заклинаний. Похоже, Эрлик уже накинул Плащ Вечной Ночи над киммерийцем, но тот вовсе не собирался принять смерть без сопротивления.

– Кром! – крикнул Конан, бросаясь вперед. – Кром и сталь!

Оскалившись и расставив лапы, чудовище бросилось ему навстречу. Однако Конан вовсе не торопился испытать на себе силу таких объятий. В последний момент он резко нагнулся, полоснув концом меча по животу противника. Когтистая лапа зацепила лишь край плаща. На мгновение киммериец оторвался от земли, но ткань с треском разорвалась, и он, оставив большую часть своего наряда на когтях чудовища, покатился по земле.

Вскочив, Конан подхватил лежавший у столба мешочек и изо всех сил понесся вдоль линии барьера. Услышав сзади тяжелые шаги, он обернулся и заметил занесенную над его головой тяжелую когтистую лапу. Меч описал в воздухе дугу, и три пальца с длинными когтями упали на землю. Но это не остановило падение изуродованной лапы. Сильный удар сбил Конана с ног.

Затем он оказался в железных тисках сжавшихся вокруг него лап чудовища, которые тащили его к оскаленной пасти. Лишь рука, державшая меч, оставалась свободной от этой хватки. Размахнувшись изо всех сил, Конан вонзил свой клинок прямо между двух рядов страшных зубов, чувствуя, как острие вспарывает мясо, рассекает кость и выходит из затылка чудовищного создания.

Чудовище застонало и вцепилось зубами в клинок, словно стараясь перекусить это препятствие, отделявшее его от столь тяжелого доставшейся добычи. Тошнотворная вонь, шедшая из пасти, ударила в ноздри киммерийца. Он попытался повернуть меч в пасть. Чудовище снова взвыло, но не ослабило своей кандалльной хватки. Конан понял, что еще чуть-чуть – и оно сломает ему спину. Он уже не чувствовал ни ног, ни зажатой в тиски руки. Он даже не знал, остался ли в его кулаке мешочек с порошком – надежда выбраться из Проклятой Земли. Все, что он мог сделать, – это вкладывать последние силы в то, чтобы удержать оскаленную пасть, не дать ей впиться в него, перегрызть горло или откусить голову.

Вдруг за спиной чудовища Конан заметил один из каменных столбов-меток. В своей схватке они все ближе подходили к барьеру. Ближе. Еще ближе. Что ж, мелькнуло в голове киммерийца, по крайней мере, я умру с мечом в руке и не один. Что-то вроде удивления отразилось на искаженной злобой и болью морде чудовища, когда из груди Конана вырвался злорадный смех. Одноглазое создание неуверенно сделало еще один шаг назад...

Боль пронзила тело киммерийца. Боль, какую он не испытывал еще никогда в жизни.

Словно кожу оторвали от мяса, мясо от костей, перемололи кости в порошок, а затем бросили все в яму с кипящим металлом... Этот дьявольский круг повторился еще раз, затем еще, каждый раз – сильнее, чем в предыдущий, и вдруг...

Конан пришел в себя и увидел, что стоит на четвереньках, а все силы измученного тела уходят на то, чтобы не рухнуть на землю ничком. Сквозь кровавый туман в глазах он рассмотрел, что по-прежнему сжимает в руке мешочек с порошком. В голове вертелась мысль, что ему еще придется воспользоваться им, чтобы выбраться из Внутреннего Круга. Интересно, как же он смог пережить прикосновение к барьера? Но над всеми этими размышлениями нависла другая, главная в эту секунду мысль: встать на ноги и встретить следующую атаку чудовища. Меч лежал прямо перед Конаном. Протянув руку, он взялся за обмотанную кожей рукоятку и чуть не выронил меч: кожа была покрыта трещинами и обуглена. Меч еще не успел остить.

Вдруг уши киммерийца наполнились звуками. Они метались в его голове, как раскаты грома, и киммериец понял, что это слух вернулся к нему, а до этого он ничего не слышал. Пошатываясь, он поднялся на ноги и осмотрелся...

Чудовище лежало поперек барьера. Его мертвое, почти обугленное тело все еще вздрагивало, когда очередная молния, вспышка неведомой силы, пронзала его.

Конан ухмыльнулся, но тотчас же с ужасом уставился на барьер. Не может быть, нет... Но совершенно точно – он больше не был во Внутреннем Круге. Как он сумел выжить, пересекая барьер? Может быть, огромная жизненная сила чудовища притянула к себе большую часть убийственной энергии? В конце концов, это уже не имело значения. Важно было то, что у него оставалась лишь одна порция чудодейственного порошка. Войди он внутрь еще раз – и ему уже никогда не вернуться.

Молча он повернулся спиной ко все еще дергающемуся телу чудовища и зашагал прочь от Внутреннего Круга. Болело все тело, черная пелена застилала готовые выскоочить из орбит глаза. Но самое главное – все эти мучения напрасно. Он так и не нашел того, что искал.

Глава 21

Акеба, Шарак и Тамур сидели, греясь у слабого костерка, когда Конан вышел из темноты, вытирая лезвие меча тем, что осталось от плаща. Киммериец швырнул окровавленную тряпку в огонь, от которого сразу же потянулся густой зловонный дым.

Сидевшие у костра вскочили, и Шарак зашмыгал носом:

– Ну и ну! Что это за вонь, Эрлик тебя побери?

Конан вложил меч в ножны и сказал:

– Нам нужно вернуться к юртам. Ненадолго. Я хочу попросить помощи Самарры, чтобы снова попасть во Внутренний Круг.

– Значит, ты ничего не нашел. – Акеба внимательно посмотрел на запекшуюся на груди Конана кровь, на его рваную тунику и с сомнением спросил: – А ты уверен, что тебе нужно туда возвращаться? Что там с тобой было?

– Нет! – раздался взволнованный крик Тамура. – Это табу! Нельзя рассказывать о том, что происходит за барьером.

– Чушь, – возразил Шарак. – Что случится, если мы всего лишь послушаем рассказ Конана?

Но киммериец явно не собирался тратить время на разговоры. Половина ночи уже прошла. Коротко бросив: «Пошли», он зашагал к юртам. Остальные, закидав костер землей, последовали за ним.

Когда они подошли к юрте Самарры, Конан знаком приказал своим спутникам подождать и вошел внутрь один.

Полная темнота, царившая в юрте, удивила его. Ни единого светильника. Уголь в жаровне покрылся слоем серого пепла. Странно, подумал киммериец, Самарра наверняка не уснула бы, дожидаясь его возвращения. Помимо темноты, не менее странной казалась и тишина в юрте. Мертвая тишина, не допускавшая даже намека на жизнь... Меч Конана словно сам собой вылетел из ножен.

Киммериец пошел вперед по коврам и подушкам. Неожиданно его ноги споткнулись о что-то более тяжелое, чем подушка. С замиранием сердца он нагнулся. Его пальцы нашупали в темноте женское тело, холодное как лед.

– Конан, берегись! – раздался у входа крик Акебы.

Конан, сжавшись в комок, перекатился через спину, опрокинув какую-то железную штуковину, и вскочил с мечом наготове, выискивая глазами невидимого противника. В тот миг, когда он заметил тень, которая могла оказаться человеком, что-то со свистом пронеслось от входа и воткнулось в черную фигуру. Таинственная тень застыла неподвижно, а затем рухнула на пол с тяжелым глухим ударом.

– Это человек, – сам не веря себе, сказал Акеба, – по крайней мере, я так думаю. Но человек не падает с таким звуком.

Конан пошарил вокруг и нашел то, что опрокинул в момент броска. Это была лампа, масло из которой еще не успело вытечь. Вытащив из мешочка на поясе трут и кремень, киммериец высек искру и зажег лампу. Дрожащий огонек осветил лежащее тело.

Самарра лежала на спине, ее открытые глаза смотрели в потолок юрты.

– Она знала, – негромко сказал Конан. – Она говорила, что много людей погибнет, если я пойду в Проклятую Землю.

Со вздохом он перенес лампу ко второму, столь странно упавшему телу. Стрела Акебы торчала из горла желтокошего человека в черном. Его миндалевидные глаза были широко раскрыты – он так и не поверил в возможность того, что с ним произошло. Конан потыкал труп

острием меча и удивленно уставился на него: тело было твердым как камень.

— Ну что ж, по крайней мере, ты отомстил за Зорель, — сказал Конан.

— Нет, это не он. Хотя и очень похож. Но я до смерти буду помнить лицо человека, который убил мою дочь. Нет, это не он.

Конан снова повернул лампу к Самарре.

— Я мог бы спасти ее, — прошептал он, — если бы она сказала мне... Ясбет!

Киммериец бросился в другую половину юрты. Там среди оборванных занавесей и раскиданных подушек вперемешку лежали остывшие тела рабов и рабынь. Ни на одном из трупов не было видно ран, но лица всех погибших застыли, искаженные ужасом. Ясбет нигде не было видно.

«Многие погибнут...» — вспомнились Конану слова Самарры. Если она так хорошо видела, как расходятся десятки и сотни линий будущего, то почему же не выбрала какую-нибудь другую?

— Джандар послал в погоню за нами не только этого, — сказал киммериец, вернувшись к Акебе и ткнув мечом в сторону тела кхитайца. — Ясбет исчезла, а остальные мертвые. Все.

Тут в юрту просунул голову Тамур.

— Там какое-то волнение, — начал он. В этот момент его взгляд остановился на лежащем в пятне света теле Самарры. — Кааван, Единый Отец, спаси нас! Так вот почему... Нас четвертуют, сдерут кожу, разрежут на куски...

— Что ты мелешь? — остановил его Конан. — Что случилось?

— Около юрт других шаманов собираются люди. Хотя никто обычно не выходит за порог ночью так близко от Проклятой Земли.

Акеба буркнул:

— Наверное, шаманы почувствовали смерть одного из своих.

— Но вовсе нет смысла предоставлять им возможность застукивать нас рядом с трупами, — сказал Конан, гася лампу и направляясь в полной темноте к выходу.

Снаружи стоял Шарак, опершись на свой посох и напряженно вглядываясь в приближающиеся к юрте Самарры огоньки факелов. Он даже подпрыгнул, когда Конан прикоснулся к его плечу.

— Если мы собираемся возвращаться в Проклятую Землю, то лучше поторопиться. Я думаю, что эта компания не будет рада, застав нас разгуливать по их лагерю.

— Ясбет исчезла, — тихо сказал ему Конан. — Ее похитили или убили. Самарра мертва.

Конан отвернулся, и Шарак быстро засеменил за ним.

Как четыре тени, они бесшумно шли к своему лагерю, по возможности стараясь не обращать внимания на шум и крики за их спинами. Вдруг от юрт донесся яростный крик сотен глоток. Акеба поравнялся с Конаном и сказал:

— Они обнаружили ее. Но это еще не значит, что они обвинят в этом нас.

— Мы тут чужаки, — невесело усмехнулся Конан. — Что бы сделали твои солдаты, если бы нашли мертвую принцессу Аграпура, а рядом — лагерь чужеземцев?

Туранец только процелил сквозь зубы:

— Да пошлет нам Митра время, чтобы добраться до лошадей.

Не говоря больше ни слова, все четверо перешли на бег. Конан и Акеба покрывали дистанцию огромными шагами. Тамур почти, семенил ногами, но двигался с не меньшей скоростью. Даже Шарак умудрялся не отставать, находя при этом силы, чтобы пожаловаться на возраст.

— Подъем, — крикнул Тамур, добежав до почти погасших костров их лагеря. — Быстро по коням!

Кочевники повыскакивали, одетые и обутые, из-под одеял и, держа оружие наготове,

уставились на Тамура.

— Надо сматываться! Мы теперь — вне закона! — крикнул он, затем повернулся к Конану и покачал головой: — Нам не уйти. У нас тут хилые клячи с побережья. А у тех, кто бросится в погоню, — боевые кони. Наши лошади не выдержат скачки и сдохнут до рассвета, а их скакуны смогут почти без остановок проделать весь путь к морю.

— Вьючные лошади, — сказал Конан, — они могут выдержать человека?

Тамур кивнул:

— Но ведь у нас хватает верховых лошадей.

— Подожди, а что, если в тот момент, когда наши кони совсем замучаются, мы сменим их на других, пусть и усталых от скачки, но проделавших путь не под седлом? А когда и эти... — Он вопросительно посмотрел на Тамура.

Конан слышал об этом способе в одном из трактиров. А трактирные байки — это вовсе не обязательно полная чушь, но все же лучше не доверять им без проверки.

— А что... — протянул Тамур, — может, и сработает. Точно! Кааван — Единый Отец! Это должно сработать.

Акеба кивнул:

— Я уже думал об этом. Наши так иногда делали в войне на южной границе.

Но тут вмешался Шарак:

— А товары? Их что, придется оставить?

— Ты что, хочешь погибнуть ради них? — оборвал его Конан и бросился распутывать стреноженных лошадей. Все остальные последовали его примеру. Шарак — последним, не торопясь и ворча себе что-то под нос.

Кочевники не стали терять времени на обсуждение предложения Конана, а вскочили на своих лошадей, взяв свободных на повод. В какой-то момент Конан вспомнил о золоте, потраченном на товар, о прибыли и, зло сплюнув, послал свою лошадь галопом. Смерть шла за ним по пятам.

* * *

Когда их отряд выбрался на песок прибрежных дюн, запасных лошадей уже не было. Более того, на некоторых животных сидело по два всадника. Взмыленные животные растянулись длинной цепочкой, но никто не понуждал их, боясь, что его лошадь может рухнуть и больше не подняться. Путь, занявший два дня в первый раз, сейчас был проделан меньше чем за день. Впереди послышался шум волн.

— Как ты думаешь, — спросил Конан у Акебы, — на сколько они отстали от нас?

— На пару часов, может меньше.

— Но зато они не загнали лошадей, — добавил Тамур. — Наши скоро передохнут, а их скакуны будут еще в форме, когда нас наконец настигнут.

— Никого они не настигнут, — ухмыльнулся Конан. — Мы уже почти добрались до корабля...

Его смех и недоговоренная фраза повисли в воздухе, когда, забравшись на гребень дюны, киммериец увидел берег и море. Пляж был пуст.

Лишь следы костров подтверждали, что путники вышли к тому самому месту. Далеко, почти на горизонте, виднелось небольшое треугольное пятнышко — скорее всего парус «Танцующей в волнах».

— Никогда я не доверял этому борову — Мухтару, — зло сказал Акеба. — Слушай, Конан. Наши лошади свое уже отыграли. Мы выглядим не многим лучше. Конечно, этот вонючий песок — не

самое подходящее место для смерти. Да и где оно – подходящее-то mestечко? Не пора ли подумать, как забрать с собой побольше врагов, отправляясь в последний путь. Что скажешь, киммериец?

Конан, погруженный в свои мысли, ничего не ответил. Что же это такое получается? Проделать такой путь, потратить столько сил – и результат? Самарра мертва, Ясбет похищена людьми Джандара. Даже в мелочах боги отвернулись от него. Наторгованное добро пришлось оставить. А ведь за него Конан заплатил сотню золотых монет, нелегко, кстати, доставшихся ему: ценой убийства друга, пусть и заколдованных злым колдуном. От золота остались две монеты, позякивавшие на поясе вместе с огнivом, точильным камнем, порошком Самарры и ломтем вяленого мяса. И ко всему прочему – такое невезение. Опоздать на каких-то полчаса. Конечно, денег на обратный путь нет. Но убедить Мухтара, приставив ему нож к горлу, было бы не самой большой трудностью.

– Ты что, не слушаешь? – Акеба потряс его за плечо. – Я думаю, лучше вернуться по нашим же следам и спрятаться в дюнах. Застанем их врасплох, и, думаю, последний счет будет в нашу пользу.

Со стороны гирканийцев послышался недовольный ропот.

Конан по-прежнему молчал. Ясбет похищена людьми Джандара. Внутренний голос подсказывал киммерийцу, что в этом скрыт какой-то смысл, что-то важное.

– Умрем как мужчины, а не как жуки, разорванные муравьями на части! – продолжал настаивать Акеба, косясь на кочевников. Некоторые из них выражали одобрение, но многие явно были не в восторге от такого предложения и поглядывали в сторону преследователей, хотя и молча.

Туранец презрительно прищурился:

- Если вы мужчины, то не должны умереть безропотно, не унеся с собой жизни врага...
- Мы одной с ними крови, – глухо сказал Тамур.

Акеба просто взорвался:

– Митра! Я что-то не припомню, чтобы разговоры об общей крови остановили кинжал гирканийца, перерезающий горло соплеменнику. Да ты сам что нам наобещал: нас четвертуют, сдерут кожу, яйца вырвут, еще черт знает что! Чего ты боишься? Хуже нам не будет!

Тамур тоже перешел на крик:

– Пойми ты, мы теперь вне закона. Обычаи нашего народа больше не защищают нас. И если мы убьем хоть одного из тех, кого шаманы снарядили в погоню, то наши души навеки обречены маяться, не обретя покоя.

– Но ведь ни ты, ни твои друзья не убивали Самарру! – запротестовал Акеба. – И уж ваш бог точно знает это. Конан, поговори сам с этим придурком!

Но киммериец просто не замечал ничего вокруг. Слабый луч надежды вдруг забрезжил перед его внутренним взором.

– Мы хотим предстать перед Единым Отцом, не нарушив закона! – крикнул Тамур.

– Эрлик побери ваши законы! Когда вам было нужно, вы решились нарушить запреты шаманов и поклялись отомстить Джандару! А теперь вы просто собираетесь сдаться. Трусливые псы! Бабы, умоляющие о легкой смерти!

Тамур напрягся, его рука потянулась к ятагану.

– Кааван признает месть. А вы – туранцы, чьи женщины ослабили кровь вашего племени, рожая от мужчин разных народов, – вы уже не способны понять этого благородного чувства. И я не собираюсь долго объясняться с тобой!

Клинки вылетели из ножен, но были перехвачены на лету сильными руками Конана.

– Спокойно! – сказал он. – Мы поживем на корабле.

Акеба удивленно воззрился на киммерийца. Гирканийцы неуверенно топтались на месте, понимая, что им ничего хорошего не сулил бой с обезумевшим синеглазым великаном. Шарак, покосившись на едва видную «Танцовщую в волнах», негромко уточнил:

— Ты полагаешь, мы сможем превратиться в рыб?

— Галера! — крикнул Конан, приходя в ярость оттого, что остальные никак не могли сообразить, о чем идет речь. — Ну, насколько раньше нас люди Джандара выехали из лагеря? Наверняка, не видя погони, они не гнали лошадей так, как мы. Их галера наверняка так и ждет их. Вот мы ею и воспользуемся.

— Я и ломаного медяка не поставлю на это дело, — сказал Акеба. — Скорее всего, галера давно уже вышла в море.

— Ты можешь предложить что-нибудь лучшее? Оставаться здесь, например? — сухо спросил его Конан.

Акеба с сомнением пожал плечами.

Гирканийцы, пожалуй, больше были озабочены своей злобой на турецкого. Шарак тоже замер в размышлениях. Конан помолчал и добавил:

— Я не собираюсь сидеть тут и ждать, пока меня прирежут. А вы делайте что хотите. — Повернув коня на юг, он пришпорил его.

Не проехал он и сотни шагов, как Шарак нагнал его, подбадривая свою клячу ударами посоха. С бесстрашным выражением лица он заметил:

— Миленькое приключение. Слушай, а пленных на галере брать будем? Я слышал, что герои в сагах никогда не берут пленных.

Акеба присоединился к ним, пустив своего коня неким подобием галопа.

— Знаешь, киммериец, деньги — дело серьезное. Я уже сказал, что не поставлю на это дело ни гроша. А такой пустяк, как моя жизнь, — пожалуйста. Тем более, что есть шанс чуть продлить ее.

Конан улыбнулся.

За их спинами послышался шум копыт нескольких лошадей. Киммериец не обернулся, чтобы посмотреть, многие ли из кочевников последовали за ними. Один или все — это не важно. Хватит. Должно хватить. Сам удивляясь своей уверенности, Конан повел их на юг.

Глава 22

За первым же холмом одна из лошадей рухнула на колени, а затем завалилась на бок. Еще одна свалилась замертво, прежде чем первая скрылась из виду. Конан поморщился, когда еще один гирканиец пересел на круп лошади к другому. Они и так уже двигались медленнее, чем пешком.

Конечно, сохранить силы перед встречей с командой галеры или людьми Джандара было важно. Но время! Нужно добраться до галеры раньше, чем к ней вернутся похитители Ясбет. По крайней мере раньше, чем галера выйдет в море или чем их догонят разъяренные преследователи. Гирканийцам ничего не стоит найти беглецов: следы лошадиных копыт четко отпечатывались в песке.

Все хорошенько прикинув, Конан слез с коня и пошел пешком. Остальные молча смотрели ему вслед. Конан даже не обернулся. Пусть делают что хотят. У него не было времени убеждать кого бы то ни было.

Местами прибрежные камни так преграждали путь, что человек намного легче преодолевал их, чем измученные лошади. Конан вскоре потерял из виду своих спутников.

Вдруг позади послышалось тяжелое дыхание и недовольная ругань. Задыхаясь, Шарак нагнал киммерийца и пошел рядом с ним. Вдвоем они продолжили путь, проваливаясь глубоко в песок, ступая на камни, которые так и норовили перевернуться и опрокинуть путника в утыканые острыми шипами кусты. Приходилось карабкаться то вверх, то вниз по склонам холмов, обрамлявших каждый заливчик или бухту, врезавшуюся в берег. Чтобы продвинуться на сто шагов вперед, приходилось делать пятьсот, а то и тысячу шагов почти по вертикальным склонам. Лошади были бы здесь абсолютно бесполезны.

Конан не мог бы позволить себе идти чуть дальше от линии берега, там, где холмы переходили в равнину. Так можно было пропустить галеру, стоявшую на якоре в каком-нибудь из крохотных заливов. Киммериец не хотел допустить даже мысли о том, что галера уже вышла в море.

Треск кустов за спиной вывел Конана из состояния задумчивости. Он выхватил меч и чертыхнулся, увидев вылезающего из зарослей Акебу, лицо которого было залито потом и забрызгано грязью.

— Еще две лошади сдохли, — сказал туранец без долгих предисловий, — еще одна вот-вот упадет. Тамур идет по моим следам. Если можно, задержитесь чуть-чуть, чтобы он мог нас нагнать. Когда я спешился, остальные гирканийцы обсуждали, как им поступить. Но я думаю, что все они вот-вот присоединятся к нам.

— Нет времени ждать, — бросил Конан, убирай меч в ножны.

У Шарака не хватило дыхания, чтобы вставить хоть слово, и он молча последовал за киммерийцем. Постояв немного, Акеба последовал его примеру.

Три человека, думал Конан. Всего трое. Это если считать с Тамуром. Шарак ведь не боец. Ну, три с половиной. Тамур наверняка догонит. А на его приятелей особенно рассчитывать не приходится.

В тот момент, когда Тамур догнал их, выдирая колючки, впившиеся в его руки и ноги, и ругаясь так, что у галерного матроса волосы встали бы дыбом, первые крупные капли дождя упали на плечи Конану. Киммериец удивленно уставился на низкие, зловещие тучи, повисшие над ним. До этого он был так занят тем, что происходило на земле, что даже ни разу не взглянул на небо.

Ветер быстро крепчал, заставляя гнуться кусты, завывая все сильнее и сильнее. Дождь

превратился в сильный ливень, смешанный с поднятой ветром пылью и грязью.

Тамур крикнул почти на ухо Конану:

– Это – гнев Каавана! Мы должны спрятаться и молиться.

– Это всего лишь шторм! – крикнул в ответ киммериец. – Мы и похуже попадали. Помнишь, на корабле?

– Нет. Это не обычный шторм. Это гнев Каавана, – казалось, гирканийца покинуло всякое мужество. – Когда он налетает – люди гибнут. Лошадей поднимает в воздух. Целые юрты уносит далеко-далеко. Иногда их так и не находят. Нет, мы должны спрятаться, чтобы выжить. Спрятаться и молить Каавана о милости!

Ветер и вправду стал невыносимым. Казалось, что все кусты вокруг собрались перелететь куда-нибудь в другое место. Капли дождя били по лицу, словно камни из рогатки.

Акеба, поддерживая Шарака, прокричал:

– Киммериец, надо где-то переждать бурю! Старик не выдержит, если мы не найдем места чуть потише. Смотри, он ведь уже и на ногах не стоит.

Оттолкнув туранца, астролог встал прямо, опираясь на свой посох. Ветер хлестал его, разевая седые волосы.

– Если ты, солдат, уже не можешь идти дальше, то так и скажи. А я еще устою на ногах!

Конан жалостливо посмотрел на старика. Пожалуй, лишь посох и поддерживал его в вертикальном положении. Да и остальные выглядели не намного лучше.

– Сколько твоих людей пошли, за нами, Тамур, – спросил киммериец. – Найдут они нас, если мы подождем?

– Пошли все, – ответил Тамур. – Но гирканийцы с места не сдвинутся, когда гневается Кааван. Это смерть, киммериец.

– Но люди Джандара – не гирканийцы. Они будут продолжать путь. Надо успеть добраться до галеры, пока буря не дает ей выйти в море. Если вы не пойдете со мной, я пойду один.

Повисла пауза, прерываемая лишь завываниями ветра. Наконец Акеба произнес:

– Опоздай мы на эту галеру – и мне, пожалуй, уже никогда не добраться до Джандара.

Плечи Тамура поднялись и опустились в глубоком вздохе, неслышном в шуме бури.

– Я даже поставил себя вне закона, чтобы отомстить Баальшаму. Что ж, Кааван признает месть.

Шарак молча повернулся на юг и пошел, тяжело опираясь на посох. Конан и Акеба бросились за ним и подхватили его под руки, не обращая внимания на протесты старика. Так втроем они и пошли вперед, с трудом преодолевая ветер.

Шторм яростно терзал побережье. Толстые деревья и цепко держащиеся за землю кусты скрипели и гнулись. Все звуки слились в единый, совершенно чудовищный гул. Было невозможно расслышать не то что чьи-то слова, но даже собственные мысли.

Из-за этого шума Конан был вынужден чаще оглядываться назад, чтобы не дать преследователям подкрасться незаметно. Хоть Тамур и клялся, что ни один гирканийец шага не сделает в то время, когда гневается Кааван, но по своему опыту киммериец знал, что люди предпочитают делать то, что считают нужным, оставляя богам впоследствии подсчитывать их добрые дела и прегрешения.

Так и произошло. Вскоре их компания пополнилась одним из людей Тамура, затем двумя. Затем еще двумя. Насквозь промокшие, перемазанные с ног до головы, они с радостным удивлением смотрели друг на друга и на троих чужеземцев.

Что заставило их тронуться в путь в такую бурю? Желание отомстить Джандару, страх перед преследователями или боязнь встретить гнев Каавана в одиночестве? Конану не было до этого дела. Чем их больше, тем лучше. Больше шансов спасти Ясбет и захватить галеру. С застывшим,

каменным лицом киммериец шел вперед, буквально прорываясь сквозь ливень и ветер.

Когда горстка смельчаков, обдирая ногти, карабкалась по склону очередного утеса, ветер неожиданно стих. Прекратился и дождь. Тучи все так же зловеще закрывали небо, огромные штормовые волны обрушивались на берег, но по сравнению с грохотом бури в мире воцарилась полная тишина.

— Ну, что я говорил, — крикнул Конан тем, кто карабкался вслед за ним. — Буря кончилась, а мы живы. Даже гнев богов бессилен остановить нас.

Несмотря на дикую усталость, он начал двигаться еще быстрее. После шторма галера сразу же выйдет в море. Тамур крикнул что-то ему вслед, но киммериец ни на миг не замедлил движения, чтобы оглянуться. Выбравшись на гребень утеса, он едва удержал крик радости. Прямо под ним, на узкой полосе прибрежного песка, лежала наполовину вытащенная на него галера. Конан немедленно упал на живот, чтобы не показываться на глаза тем, кто на галере, и подполз к краю обрывистого склона утеса.

Обе мачты галеры лежали, плотно привязанные, вдоль палубы. Два дополнительных якоря были заведены в дюны, чтобы не дать волнам снести судно. Видимо, большего экипаж сделать не успел, когда шторм неожиданно обрушился на них. Обгорелые доски на корме корабля и закопченные реи напоминали о пережитом пожаре.

Постепенно рядом с Конаном выстроилась цепочка лежащих на краю обрыва людей, внимательно рассматривающих судно внизу.

— Чтоб меня сожгли на Девятом Небе Зандру киммериец, — вздохнул Акеба. — Но ты опять оказался прав. Галера и кончившийся шторм. Все, как ты говорил.

— Гнев Каавана еще не излит, — вмешался Тамур. — Именно это я и кричал тебе.

Конан перекатился на бок и покрутил пальцем у виска, будучи уверенным, что от страха перед бурей кочевник повредился в уме:

— Слушай, ведь нет ни ветра, ни дождя. Шторм на море кончается. Что ты привязался со своим Кааваном и его гневом?

— Ты ничего не понимаешь, чужеземец. Это время называется Милостью Каавана. Оно дается, чтобы помолиться перед смертью. Скоро снова пойдет дождь, так же неожиданно, как и прекратился. Задует ветер. Только на этот раз он придет с другой стороны. Шаманы говорят...

— Пошли твои шаманы... — буркнул Акеба.

Кочевники вздрогнули, но все были настолько измучены, что дальше ругательств дело не пошло. Не обращая на них внимания, Акеба продолжил:

— Если Тамур говорит правду, киммериец, то нам крышка. Если мы не отдохнем, то с нами справится даже компания кабацких девиц. Но отдыхать нет времени. Если мы не захватим судно, пока не вернулся этот поганый гнев Каавана... — он выразительно провел ребром ладони по горлу.

— Мы отдохнем, — сказал Конан. Отползши от края обрыва, он встал и подошел к Шараку. Старик лежал, словно мешок с грудой костей, но, увидев киммерийца, сделал попытку встать.

— Лежи спокойно, Шарак, — сказал ему Конан. — Мы тут поторчим немного.

— Только не из-за меня, — возмутился астролог. Он явно собрался вскочить, но Конан удержал его.

— Нет, ну как же так, Конан. Конечно, все эти приключения — сплошное мокрое дело, но моя смелость еще никуда не смылась. Девушка. Мы должны разыскать ее. И Джандара.

— Мы так и сделаем, Шарак.

Старик притих, и Конан повернулся к спустившимся вслед за ним Акебой и Тамуром. Остальные кочевники остались лежать, где лежали, на вершине утеса.

— Что значит ждать? — удивленно спросил Тамур. — Какой еще отдых? Уж тебе ли не

понимать, что галера – наш единственный шанс на спасение.

– Так и есть. Мы подождем совсем чуть-чуть. Пока не вернется гнев Каавана.

Тамур охнул:

– Что? Нападать в тот миг, когда Кааван гневается? Безумие!

– Шторм поможет нам подобраться скрытно, – терпеливо объяснил Конан. – Если нам и удастся одолеть команду галеры, то только воспользовавшись внезапностью. Не забудь, что они нам нужны живыми.

– Живыми? Они же слуги Баальшама. Перерезать им глотки – и все!

– Ты умеешь управлять судном? – спокойно спросил Конан.

– Судном! Я – гирканиец, и какое мне дело... – Вдруг что-то мелькнуло в глазах кочевника, он оборвал фразу и забубнил себе под нос какие-то проклятия.

Конан коротко описал свой план.

– Передай остальным, – закончил он и оставил их обсуждать детали.

Забравшись на вершину утеса, Конан лег на мокрую землю и еще раз внимательно осмотрел судно. Нет, пока шторм не кончится, оно в море не выйдет. Словно леопард, следящий за приближающейся антилопой, Конан затаился и стал ждать.

Вдруг первые капли ударились о землю. И через несколько мгновений, как и предсказывал Тамур, стена ливня снова обрушилась на прибрежные скалы и холмы.

Не говоря ни слова (все слова были бы бесполезны в грохоте бури), Конан повел за собой цепочку людей. Каждый из них держался за шедшего впереди. Киммериец не стал доставать меч. Сначала придется поработать голыми руками. Он решительно продвигался вперед сквозь слепящий дождь.

Наконец его руки уперлись во что-то деревянное. Борт галеры! Веревка хлестнула Конана по лицу. Не обращая внимания на боль, он схватил ее и полез вверх, подтягиваясь на руках. Перевалившись через борт ближе к носу корабля, киммериец почувствовал, как веревка вздрогнула и натянулась. Акеба полез вслед за ним.

Конан быстро оглядел палубу. Сквозь плотную стену дождя невозможно было рассмотреть что-нибудь. Какие-то неясные тени. Но ни одна из них, к счастью, не напоминала человека. Больше всего Конан опасался, что, несмотря на такой шторм, вахтенный останется на своем посту.

Акеба перевалился через борт рядом с Конаном. Вдвоем они пошли дальше по палубе, не дожидаясь остальных. Конан знал, что все до единого последуют за ним. Им просто некуда деваться.

Наткнувшись на люк, прикрывавший ведущий внутрь судна трап, Конан и Акеба переглянулись; затем, резко отбросив крышку, киммериец со звериным рыком бросился вниз.

В уютной каюте, освещенной масляной лампой, потягивая вино, сидели четыре человека – судовые офицеры. Кубки полетели в стороны. Руки моряков потянулись к мечам. Но Конан быстро прервал столь опасные действия. Ударом тяжелого кулака в ухо он уложил на пол одного из сидевших за столом. Нос другого хрустнул под вторым кулаком киммерийца. Сильный пинок настиг третьего, который согнулся пополам, так и не успев выпрямиться, вставая из-за стола.

В эту секунду меч Конана вылетел из ножен и застыл у самого носа четвертого моряка. Изумрудная серьга в ухе и толстая золотая цепь на шее ясно указывали на то, что он – капитан судна. Капитан так и застыл, не успев и наполовину вытащить свой меч из ножен.

– Вы все мне не нужны, – рявкнул Конан, – так что выбирай.

Нерешительно облизнув губы, капитан посмотрел на своих приятелей. Двое все еще неподвижно лежали на полу, один дергался в приступе тошноты.

– Ничего у тебя все равно не выйдет, – хрюкло сказал капитан. – Команда раздерет тебя и

твоих приятелей на куски и развесит мясо на реях.

Однако он благоразумно убрал руки от оружия.

— Интересно, зачем я был тебе нужен? — усмехнулся Акеба, сидя на верхней ступеньке трапа. — Ты и один прекрасно справился.

— А если бы их было пятеро? — ответил Конан с улыбкой, от которой капитан вздрогнул.

— Акеба, тащи сюда Шарака. Тут тепло. И посмотри, как там дела у остальных.

Туранец со вздохом вылез обратно под дождь, а Конан вновь сосредоточил все внимание на капитане.

— Когда должны вернуться те, кто тебя нанял?

— Я сам по себе, приторговываю помаленьку...

Острье меча коснулось губ капитана. Тот скосил глаза и, глотнув, попытался отодвинуться назад. Конан равномерно двигал меч вслед за ним.

— Они не сказали. Мне приказали ждать столько, сколько потребуется. Мне было не до споров и не до выяснения подробностей.

При этих воспоминаниях лицо моряка побледнело. Он замолчал, явно переживая, что сболтнул лишнее.

Пока Конан гадал, чем же так запугали капитана его пассажиры, люк снова открылся, и в него ввалились Тамур и Акеба. Туранец почти тащил на себе Шарака. Усадив старика на скамейку, он налил ему вина. Старый астролог припал к спасительному напитку. Тамур, задержавшись под люком, вытирая кинжал о свою куртку.

Увидев кинжал, киммериец с трудом подавил проклятия, готовые сорваться с его языка.

— Я же сказал, что моряки нам нужны живыми, Тамур. Скольких вы убили?

— Двоих, киммериец. Всего двоих. Еще одного малость поцарапали. Но они же сопротивлялись. Так что мы были вынуждены. Сейчас мои ребята караулят остальных. Там их не меньше дюжины.

— Я же просил: кулаки и рукоятки, — вздохнул Конан. — Шарак, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, намного лучше. Ясбет здесь?

Конан покачал головой.

— Ничего. Мы подождем, пока ее доставят сюда.

— А потом — за Джандаром, — прошептал Шарак, и Конан словно эхо откликнулся:

— За Джандаром.

Тамур все не мог успокоиться и обиженно повторил:

— Они же сопротивлялись. Да их там полно. Управляются.

Никто даже не посмотрел на него. Тогда гирканиец продолжил:

— Слушайте, я тут спустился на палубу к гребцам, ну, чтобы посмотреть, не спрятался ли кто-нибудь из этих водяных крыс среди рабов. И знаете, кого я там нашел? Байана. Ну, того самого, с другого корабля. Сидит себе, закованый, как и все другие гребцы.

Запрокинув голову, Тамур громко засмеялся, словно только что рассказал приятелям забавнейшую историю.

Конан удивленно поднял брови. Байан здесь? В цепях?

— Приведи его сюда, Тамур! Быстро! — рявкнул киммериец так, что гирканийца как ветром сдуло в люк.

— Акеба, свяжи ты этих, — Конан кивнул головой в сторону зашевелившихся офицеров, — чтобы больше не волноваться из-за них.

Подгоняя острием меча, Конан заставил капитана лечь на палубу. Задыхаясь от гнева, моряк подчинился.

К тому моменту, когда офицеры (один из которых так пока и не пришел в сознание) были

крепко связаны, Тамур вернулся, ведя за собой Байана. Тот стоял, закованный в кандалы, опустив голову, и исподлобья глядел на Конана.

Киммериец передвинул скамью и сел, на нее. Свет от лампы отразился в клинке его меча.

– Ну, и как ты здесь оказался, Байан?

– Я пошел погулять по берегу и заблудился, – пробормотал матрос, – а этот мерзавец схватил меня. Среди моряков есть неписаный закон... а они приковали меня к веслу и еще отходили хлыстом, когда я возмутился.

– Что случилось на «Танцующей»? Я не верю, что ты просто пошел погулять.

Байан переступил с ноги на ногу, звякнув цепями, но ничего не ответил.

– Что ж, наверное, придется попросить Акебу, чтобы он подогрел для тебя кое-какие из его железяк. Тогда ты, наверное, заговоришь.

От неожиданности Акеба заморгал, но, сообразив, в чем дело, состроил страшную злобную рожу.

– И говорить будешь только правду, – продолжал Конан. – Этот старик – колдун. Он видит, говорит человек правду или лжет. – Киммериец внимательно, словно изучая, посмотрел на лезвие своего клинка: – За первую ложь – рука. Потом нога. Потом... Интересно, сколько раз ты сможешь солгать? Разва четыре, я думаю, никак не больше.

Еще мгновение Байан моргал, словно парализованный, а затем слова посыпались из него одно за другим.

– На наш корабль пришел человек. Человек с желтой кожей, одетый в черное. А взгляд! Казалось, от этого взгляда сердце остановится. С ним была твоя... эта женщина. Он предложил сто золотых монет за быстрое возвращение в Аграпур. Сказал, что галера повреждена и что «Танцующая в волнах» – быстрее. Он даже не отрицал, что подкупает нас, предлагая отказаться от другого договора. Муктар устал тебя ждать, а когда появился еще и этот, в черном, с твоей женщины, всем стало ясно, что ты мертв. Ну, нам так показалось в тот момент. А потом мы решили, что ничего не стоит шлепнуть этого косоглазого, забрать его денежки, девчонку и...

– Заткнись! – скомандовал Конан. – Что с Ясбет? Она невредима?

Байан с трудом глотнул и продолжил:

– Я... Я не знаю. Перед Митрой и Дагоном я клянусь, что пальцем ее не тронул. Когда я покинул корабль, она была жива. Всем было не до нее. Понимаешь, Муктар дал нам сигнал, и мы втроем, Теуфик, Марангес и я, бросились на желтокожего с кинжалами. И ты представляешь, он убил их, едва прикоснувшись. А потом, потом он приказал Муктару перерезать мне глотку, – Байан издал какой-то звук, между смехом и всхлипыванием, – он сказал, что это в знак верной службы в будущем. И этот жирный козел явно решил выполнить приказ. Я понял это по его глазам. Мне удалось перепрыгнуть через борт и сбежать. Я молю бога, чтобы этот негодяй сгинул со своей посудиной во время шторма.

– Нехорошая у тебя молитва, – заметил Конан. – Там, на борту – Ясбет. Ладно, Тамур, отведи его туда, где он был. Там, у весла, ему самое место.

Проследив, как Тамур выволок Байана наружу, Конан повернулся к капитану.

– Галера действительно не может выйти в море? – спросил он.

Капитан, внимательно слушавший рассказ Байана, фыркнул:

– С чего ты взял? После бури дай мне полдня – и я поплыту на ней куда угодно, при любой погоде.

– Весь необходимый ремонт сделаешь в море. Мы отплываем, как только шторм чуть стихнет. Лишь бы нас прибоем об камни не размазало.

Капитан открыл было рот, но Конан ткнул ему в шею мечом:

– А если нет, то наверняка один из трех твоих приятелей согласится поработать за

капитана.

Капитан выпучил глаза и выдавил из себя:

– Я сделаю. Скорее всего, мы все отправимся на корм рыбам, но я выполню это.

Конан кивнул. Другого решения он и не ждал. С каждым мигом Ясбет приближалась к Джандару. Казалось, что дождь, барабанящий по палубе, и завывающий ветер эхом повторяют ненавистное имя: Джандар. На этот раз они сойдутся лицом к лицу. Он и Джандар. И один из них погибнет. Один или оба. Джандар.

Глава 23

Джандар лежал, развалившись, на шелковых разноцветных подушках, и рассеяно наблюдал, как Давиния восторгается его очередными подарками. На самом деле, мысли колдуна были далеко отсюда. Еще три дня, и если не произойдет то, чего он так ждал, – все его планы рухнут. В первый раз Давиния вызвала его раздражение, – да неужто она не чувствует беспокойства, овладевшего им?

– Какая прелесть, – щебетала Давиния, примеряя пару браслетов с изумрудами, картино подняв руки к небу. Будь Джандар в другом настроении, пот прошиб бы его от этого зреища. Изящно заколотое полотнище золотистого шелка оставляло ее грудь полуобнаженной. Пояс, украшенный сапфирами, лежал на ее бедрах, и лишь шлейф разноцветных перьев южных птиц скрывал то, что находилось ниже.

– Я подумаю над тем, как выразить тебе мою признательность, – томно закатив глаза, сказала она.

Джандар, поглощенный своими мыслями, лишь слегка махнул рукой в ответ. Через три дня этот идиот – король Йилдиз – встречается со своими советниками, чтобы решить наконец, где использовать уже почти созданную заново армию. Из Семнадцати Советников восемь проголосуют за империю, за войну с Заморой. Только восемь. А Йилдиз, по обыкновению, просто сосчитает голоса, не придавая значения ценности совета. Джандару был нужен голос еще одного советника, выступившего за объявление войны. Один из оставшихся девяти. Ведь невозможно, чтобы из девяти таких высокопоставленных людей ни у одного не было какого-нибудь секрета, который можно было бы повернуть против него. Еще один. Всего лишь один. Но все девять, если их не припугнуть, будут голосовать за мир и сокращение армии. Не имея возможности лично влиять на Йилдиза, Джандар сделал все, что мог, но через три дня, если не удастся что-нибудь придумать, пойдут насмарку долгие месяцы трудов...

Повторить сделанное будет еще труднее. Придется организовать убийство одного из советников, может быть и не раз, если вновь назначенный тоже окажется сторонником мира. Затем понадобится время, чтобы заново выстроить армию. А если удастся совершить задуманное через три дня, то они станут первыми днями великой империи, которая только что не будет названа именем Джандара. Короли и князья будут подползать к нему на коленях, чтобы выслушать приказания. Но если не удастся найти еще один голос, то ждать придется едва ли не дольше, чем он ждал.

К этому ожиданию добавлялось ощущение другой опасности. Этот варвар, Конан. Зачем он отправился в Гирканию? Что он мог найти там такого, что можно было бы использовать против Силы? Почему Че Фан до сих пор не вернулся с его головой в корзине?

– Можно я возьму их себе, Джандар? – спросила Давиния.

– Да, конечно, – рассеяно ответил он, а затем, словно вынырнув из своих раздумий, переспросил: – Что возьмешь?

– Рабов. – В голосе Давинии послышалось недовольство. – Ты что, не слушаешь?

– Конечно, слушаю. Просто скажи еще раз, сколько рабов ты хочешь?

– Четырех, – сказала она, пододвигаясь поближе. – Мне нужны молодые и сильные, красивые мужчины. Двое чернокожих и двое с кожей белой как снег. Одних я наряжу в жемчуг и рубины, других – в оникс и изумруды. И все это, чтобы я выглядела для тебя привлекательнее в таком обрамлении.

– Зачем тебе молодые мужчины? – нахмурился он. – У тебя и так полно слуг, чтобы управляться с нарядами и прическами. Да еще эта старая карга, Ренда, с которой ты все время

шушукаешься.

— А кто будет носить мой паланкин? — рассмеялась она и прильнула к нему. — Ну, неужели мой Повелитель, которому я всегда рада служить как могу, откажет мне в моей просьбе?

— Нет, отказать тебе я не в силах. Будут тебе рабы.

В глазах золотоволосой женщины мелькнул огонек удовлетворенной жадности. Джандар вздохнул. Эта стерва сбежит, не задумываясь, к другому, если тот даст ей больше богатства. Конечно, Джандар не опасался, что найдется столь богатый соперник, но все же... Разумеется, ее можно привязать раз и навсегда, слив в чашу кровь из ее горла. Никто из окружающих и не узнает, что Давиния уже не жива, как прежде. Но он-то будет знать.

Кто-то за его спиной аккуратно закашлял. Джандар хмуро обернулся. Зефран стоял на мраморных плитах пола, покраснев до ушей и всячески избегая смотреть на Давинию.

— Ну, что там еще? — раздраженно спросил Джандар.

— Суйтай вернулся, Великий Господин.

Раздражение Джандара как рукой сняло. Вылетели из головы и мысли о Давинии.

— Пошли, — сказал он, вскакивая на ноги. Давиния, не потрудившись накинуть на себя что-нибудь более прикрывающее ее роскошное тело, поспешила за ним. Но Джандар даже не обратил внимания на полуобнаженную красавицу.

Суйтай ждал его в малом приемном зале. У ног кхитайца на мозаичном полу лежал большой мешок.

— Где Че Фан? — спросил Джандар, едва войдя.

— Погиб, Повелитель, — ответил Суйтай, и Джандар чуть не споткнулся.

Он уже привык к мысли о том, что эти двое чуть ли не бессмертны и уж, во всяком случае, неуязвимы для нормального оружия.

— Как?

— Тот варвар воспользовался помощью одной гирканийской ведьмы. Она свое тоже получила.

Кривая усмешка могла означать только одно: Суйтай убил ее.

— Ну, а варвар?

— Тоже мертв, Великий Господин.

Джандар медленно кивнул головой, ощущая странное облегчение. Конан стал для него лишь порывом ветерка, затихающим где-то вдали. Про него можно было забыть.

— С экипажем галеры покончено, как я приказывал? Я не желаю, чтобы между мной и Гирканией оставалось хоть одно живое звено. По крайней мере, пока я не могу взять под контроль эту страну с ее шаманами, и их заклятиями.

Кхитаец смущился:

— Повелитель, галера была сильно повреждена и не могла выйти в море. Я не мог ждать и отправился в путь на другом судне, на том, которое нанял этот киммериец. Я уверен, что племена охотников, живущие на побережье, уже позаботились о судьбе команды галеры.

— А матросы с этого судна?

— Мертвы, Повелитель. Я убил их всех до единого и сам привел судно в нашу бухту. — Что-то дрогнуло в обычно непроницаемом лице убийцы под тяжелым взглядом Джандара. — Ну, если честно, Повелитель, капитан этой посудины, жирный мужик по имени Муктар, выбросился за борт сам. Но это было слишком далеко от берега. Он утонул, я в этом уверен.

— Не слишком ли во многом ты уверен? — Голос Джандара был спокоен и мягок, но царапал, словно коготки скорпиона, карабкающегося по голой коже.

На лбу Суйтая выступил пот. Он-то знал, как колдун склон на расправу с теми, кто неточно выполняет приказания. Кхитаец торопливо наклонился к мешку, лежавшему у его ног:

– Вот, я привез вам это, Повелитель.

Веревки, стягивающие мешок, развязались, и из него на пол выскоцкнула девушка. Ее руки были связаны за спиной, а ноги подтянуты к груди впивавшимися в тело веревками. Она замычала что-то сквозь кляп и попыталась освободиться. Но двигаться могли лишь пальцы ее рук и ног.

– Это та девчонка, которую Конан похитил из нашего лагеря, Повелитель, – удовлетворенно заявил Суйтай.

Джандар только презрительно фыркнул:

– Не думай, что это искупает твои ошибки. Одной девчонкой больше, одной меньше...

– Да это же Эсмира! – воскликнула Давиния.

Джандар раздраженно поморщился. Он и забыл, что Давиния пришла вместе с ним.

– Нет, ее зовут не так, – он напряг память, – ее имя – Ясбет. Точно. А теперь иди в сад, Давиния. У меня тут есть кое-какие дела, которые тебя не касаются.

Но блондинка уже подбежала к связанной девушке и повернула ее так, чтобы лучше видеть ее лицо.

– А я тебе говорю, что это принцесса Эсмира, дочь принца Рошманли.

Во рту Джандара пересохло.

– Ты уверена? Ведь ходят слухи, что принцесса заключена в монастыре при одном из храмов.

Давиния смерила Джандара таким взглядом, которого он не простил бы никому. Но сейчас ему было не до субординации. Принц Рошманли был самым доверенным из Семнадцати Советников. Один из тех девяти. Человек, не водивший интриг с чужими женами, не захватывающий чужого золота, не делающий долгов в игорных домах. Его единственной слабостью, как говорили, была его дочь. Он был готов на все, чтобы оградить ее от черных сторон мира. Ради спасения Эсмиры разве не согласится такой человек ввергнуть Туран в войну? Если действовать аккуратно, то он должен клюнуть.

Вдруг взгляд Джандара упал на Давинию, злорадно улыбающуюся, глядя на связанную девушку. Ему в голову пришла еще одна мысль. Он подозвал блондинку к себе и спросил:

– Ты говорила, что хочешь служить мне. Это правда?

– Тебе, – медленно ответила она, – я говорю только правду.

– Тогда сегодня ночью ты примешь участие в одной церемонии. Тебе нужно будет вонзить кинжал в сердце этой девчонки.

Джандар внимательно смотрел в глаза Давинии, ища в них нерешительность или сомнение. Ничего. Полная уверенность.

– Как мне прикажет мой Повелитель, – почтительно произнесла она.

Джандар сдержал довольную улыбку. Первый шаг сделан. Лишь только она вонзит нож, как окажется прикованной к нему крепче, чем стальными цепями. И этот же удар дает ему девятый голос среди королевских Советников. Империя и женщина. И та, и другая будут принадлежать ему.

Глава 24

Темные волны разбивались об изогнутый нос галеры, которая неслась, движимая ударами шести десятков весел, оставляя за собой фосфоресцирующий след. Туранское побережье виднелось сквозь ночную тьму белой полосой пены прибоя.

Конан стоял рядом с кормовым веслом, наблюдая одновременно за рулевым и за капитаном. Один раз они уже попытались направить корабль не в ту сторону, куда им было приказано, скорее всего – прямо в залив Аграпура. Там киммерийца и его спутников запросто могли схватить как пиратов. Лишь чутье да кое-какие морские навыки Конана уберегли его от этой ловушки. Вся команда, разоруженная и угрюмая, работала под пристальным надзором Акебы, Тамура и других гирканийцев. Шарак, ухватившись за канаты,держивающие мачту, впился глазами в небо, пытаясь прочесть то, что предсказывали звезды.

Конана не очень заботили эти предсказания. Чему суждено случиться – то и будет, и ему не дано ни на йоту изменить судьбу.

– Туда, – он ткнул пальцем в сторону берега, – прямо.

– Но там же ничего нет, – запротестовал капитан.

– Туда. Это место – ближайшее на побережье к тому, куда нам надо. – Конан усмехнулся: – Я полагаю, ты будешь рад увидеть наши спины, где бы мы ни надумали высадиться на берег.

Негромко ругнувшись, капитан передал приказ рулевому, и галера чуть изменила курс, направляясь к указанному Конаном месту.

Хотя киммериец и сам не был до конца уверен в правильности своего выбора. Какие у него ориентиры? Блеск огней Аграпура южнее, мерцание звезд. Инстинкт. Быть может, именно ему киммериец доверял больше всего. Инстинкт настойчиво твердил ему, что именно здесь, чуть в стороне от берега, стоит лагерь Культа Хаоса – место, где находится плененная Ясбет и ненавистный Джандар, человек, которого он должен убить, пусть даже ценой своей жизни.

Под килем галеры заскрипел песок. Судно еще немного продвинулось по инерции и остановилось, накренившись на один борт.

– Готово, – объявил капитан, на лице которого смешались гнев и удовлетворение. – Можете проваливать с моего корабля, а я, пожалуй, воздам большую жертву Дакету, когда вы наконец освободите меня от своей компании.

– Акеба, – позвал Конан. Получив от туранца утвердительный кивок головой, он снова повернулся к капитану: – Я советую тебе и твоей команде двигать отсюда побыстрее. Не знаю точно, что здесь произойдет ночью, но уверен, что высшие силы вырвутся на свободу. Я уже видел одно такое место, где ожидают самые страшные ночные кошмары, а о смерти мечтаешь как об избавлении.

– Колдовство? – нервно посмеиваясь переспросил капитан. – Да какое бы здесь ни развернулось чародейство, я не боюсь попасть в его лапы. Вы еще от берега отойти не успеете, а галера понесет меня прочь отсюда так быстро, как только могут двигать ее весла моих гре... – Свист вырвался из горла капитана, когда он увидел, как с нижних палуб толпой вылезают полуголые измученные люди и, отталкивая друг друга, торопятся выпрыгнуть на прибрежный песок.

– Вы... вы отпустили моих рабов... Да что ты наделал! Идиот... – повернувшись, капитан наткнулся на острие меча киммерийца.

– Шестьдесят весел, – спокойно сказал Конан, – и к каждому приковано по два человека. Не люблю я цепи на людях. Наверное, потому, что и самому довелось изведать железо на шее. Обычно я не занимаюсь освобождением рабов. Я не могу разорвать все цепи в мире, в Туране

или даже в одном городе. А если бы даже и смог, люди все равно нашли бы возможность снова использовать их раньше, чем они запылятся. Но те люди, которые доставили меня сюда, могут погибнуть этой же ночью. Я думаю, они заслужили свободу. А тебе я посоветовал бы брать руки в ноги. Твоя жизнь зависит от того, насколько быстро ты смоешься отсюда.

Лицо капитана побагровело.

– Значит, сначала украл моих рабов, а теперь еще заставляешь меня покинуть мой корабль...

Окинув судно взглядом, капитан понял, что вся команда давно уже последовала советам киммерийца. По-звериному взвыв, моряк бросился в море с кормы галеры и побрел по воде к берегу.

Убрав меч в ножны, Конан развернулся и оказался лицом к лицу с двумя дюжинами освобожденных рабов, собравшихся плотной группой и подозрительно посматривающих на гирканцев.

Высокий человек, с длинной бородой и шрамами от множества ударов кнутом, шагнул вперед и, низко поклонившись, сказал:

– Прошу прощения, господин. Мое имя Акман. Вы освободили нас, и мы хотели бы следовать за вами.

– Никакой я не господин. Проваливайтесь отсюда поживее и будьте счастливы, что не следуете за мною. Я обнажил свой меч против могущественного колдуна, и этой ночью здесь будет много крови.

Часть освобожденных рабов растворилась в темноте, попрыгав за борт.

– Среди нас все равно есть те, кто пойдет за вами, господин, – продолжил Акман. – Для тех, кто жил как мертвец, умереть свободным – лучшая милость, которую могли даровать боги.

– Прекрати называть меня господином!

Акман отшатнулся назад от такого окрика.

Конан тяжело вздохнул и сказал:

– Найдите какое-нибудь оружие и постараитесь помириться со своими богами. Акеба! Тамур! Шарак!

Не дожидаясь, что предпримут новоявленные союзники, Конан и его друзья перевалились через борт галеры и побрали по пояс в воде к песчаному берегу.

– Эти рабы больше будут обузой, а не помощью, – пробурчал Шарак. – Такое дело не для них. Тут место настоящим бойцам.

– Да, уж ты-то знатный боец, – засмеялся Акеба, хлопнув Шарака по плечу, чуть не уронив старика. – Эй, киммериец! А ты-то чего такой мрачный? Даже если нам суждено умереть, мы все равно утащим Джандара на поклон к Эрлику.

– А если при этом Джандар выпустит на свободу все те силы, которые ему подчиняются, как это было во время его прошлого поражения? Тут ведь нет шаманов, чтобы сдержать всю эту мерзость.

Все притихли, обдумывая эти слова. С лица Акебы слетела улыбка, Шарак пристально всмотрелся в звездное небо, губы Тамура, казалось, шевелились в молитве.

Вскоре на берег выбрались и остальные кочевники, бормоча проклятия по поводу всепроникающей воды, а за ними – с десяток рабов, не поддававшихся ни страху, ни чувству здравого смысла, возглавляемых вооруженным багром Акманом.

Странная армия, подумал Конан, армия, пытающаяся спасти мир. Мгновение помедлив, киммериец повернулся спиной к морю. Вслед за ним цепочка отчаянных людей нырнула в темную туранскую ночь.

— Значит, я действительно должна вонзить ей нож в сердце?

— А что, ты уже сожалеешь о принятом решении? — переспросил Джандар, мысленно посылая ей указание — никаких сожалений, убей принцессу, привяжись ко мне сильнее, чем стальными цепями.

— Никаких сожалений, мой Повелитель, — медленно сказала Давиния, глядя на него спокойными и уверенными глазами. — Она прожила жизнь совершенно бесполезно. Пусть хоть ее смерть послужит какой-то цели.

Ругая сам себя, Джандар не смог удержаться от следующего вопроса:

— А если в этом нет никакой цели? Никакого смысла? Просто ее смерть — и все.

— Никакой цели? — Давиния внимательно посмотрела на свои руки: — Нет, мне будет казаться, что я никогда не отмою руки от крови. Просто так я не собираюсь этого делать.

— Не волнуйся, в этом есть свой смысл, — торопливо заверил ее Джандар. — Просто еще не пришло время открыть его тебе.

Чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, Джандар вышел из комнаты.

Нет, так дело не пойдет, подумал он. Нервы совсем расшатались. Кто бы мог подумать: колдун невероятной силы, человек, стоящий на пороге создания своей империи, — и так зависит от привязанности к какой-то светловолосой стерве. Ничего, со смертью Ясбет — если она хочет так себя называть, пускай, недолго ей осталось — он привяжет к себе эту женщину намертво. Ей уже будет не до капризов и интриг.

Все еще кипя внутри, Джандар подошел к бассейну — Вместилищу Первородчины — и усилием воли заставил себя успокоиться. Он должен быть свободен от эмоций, чтобы Сила могла войти в него. Сев скрестив ноги, бритоголовый колдун закрыл глаза и сосредоточился. Медленно-медленно над бассейном стало подниматься легкое свечение...

Сидя в ветвях высокого дерева, Конан внимательно рассматривал лагерь резиденции Культа Хаоса. Белоснежные и золотые купола поблескивали в неярком лунном свете, пурпурные шпили вонзались в небо. Но ни одного огонька не горело среди мраморных стен, ни единого шороха не доносилось из темноты. Киммериец спустился с дерева к поджидавшим его внизу товарищам.

— Запомните, — повторил он, обращаясь больше всего к бывшим гребцам с галеры, — любой человек с оружием в руках должен быть убит. Ибо ни один из них не сдастся.

Гирканийцы только мрачно кивнули. Им-то это было хорошо известно.

— Но желтокожий в черном — мой, — напомнил Акеба. — И вообще, держитесь от него подальше.

— Желтокожий-то, конечно, твой, — взволнованно сказал Акман. — Меня лично больше демоны беспокоят.

Шарак крепко схватил свой посох обеими руками и грозно потряс им в воздухе:

— Я разберусь с этими демонами. Только пусть сунутся! Нет, пусть сунутся!

Тамур мрачно заметил:

— И все-таки хотел бы я обойтись без них.

Конан решил сказать последнее напутствие:

— Главное — держитесь вместе. Те, кто отстанет или потерянется, станут легкой добычей.

С этими словами он дал знак двигаться к видневшейся сквозь темноту белоснежной стене. Крючья, взятые с галеры, взлетели вверх и крепко зацепились за гребень стены. Люди быстро, как муравьи, вскарабкались по веревкам и попрыгали вниз.

Оказавшись по ту сторону стены, Конан словно перестал замечать выстроившихся за ним клином товарищей. Меч киммерийца вылетел из ножен. Джандар. Не обращая внимания на другие строения, Конан бегом направился к самому большому зданию в лагере – алебастровому дворцу с золотыми луковицами куполов, колоннадами портиков и порфировыми колоннами. Джандар наверняка где-то в этом дворце. Джандар и Ясбет, если она все еще жива. Но сначала – Джандар. Пока он жив – ни Ясбет, ни он сам не могли чувствовать себя в безопасности.

Неожиданно на пути киммерийца вырос удивленный человек в оранжевом одеянии. Выхватив из-за пояса кинжал, бритоголовый последователь Культа патетически взвыл: «Именем Священного Хаоса, умри!»

Вот дурак, подумал Конан, – тратить время на пустые разговоры. Через мгновение он уже вытаскивал свой меч из мертвого тела, прикидывая, что же за бог такой этот Хаос.

На крик, поднятый бритоголовым, выскочил еще один человек, одетый точно так же, как и первый. Выставив вперед копье, он бросился на Конана все с тем же непонятным криком. И этот крик захлебнулся в бульканье крови, фонтаном забившей из горла бритоголового после удара меча Конана.

Тогда сотни и сотни одетых в оранжевое мужчин и женщин повыскакивали из своих бараков в ночную темноту. Сначала они выглядели просто любопытными, а затем, увидев рядом с киммерийцем окровавленные тела, закричали. В одно мгновение паника овладела толпой, превратившейся в кипящую массу, жаждущую только спасения бегством. Хотя одним лишь численным превосходством последователи Культа могли задавить чужаков.

Забыв о своих же указаниях держаться вместе, Конан начал пробиваться сквозь мечущуюся толпу по направлению к дворцу. Джандар – единственное слово, крутившееся у него в голове. Джандар.

* * *

– Великий Господин, нашу резиденцию атакуют!

Джандар вздрогнул, возвращаясь из мира медитаций. Несколько мгновений он потратил на то, чтобы осознать, где он находится, оторвать глаза от мерцающего бассейна и сфокусировать взгляд на Суйтае, боязливо косящемся на сияние, исходящее от Сосуда Силы.

– Что это такое? Как ты посмел побеспокоить меня здесь? Ты не знаешь, что это строжайше запрещено!

– Да, Повелитель, но нападение...

На этот раз смысл сказанного дошел до Джандара.

– Нападение? Кто? Армия?

– Нет, Повелитель. Я пока не знаю ни кто они, ни сколько их. Весь лагерь в панике. Невозможно сосчитать нападающих. Я убил одного из них. Он был наполовину голый, со следами оков на руках и ногах.

– Раб? – удивленно переспросил Джандар. Ему все еще стоило большого труда выстраивать нормальную логическую цепочку и выражать ее словами.

– Возьми Избранных. Схватите этих несчастных, дерзнувших нарушить покой Культа. И наведите порядок в лагере.

– Всех Избранных, Повелитель?

— Да, всех, — зло ответил колдун. Неужели этот человек не мог просто сделать то, что приказано, не переспрашивая?

— Значит, церемония откладывается, Великий Господин?

Джандар моргнул, вновь отвернулся от Сосуда Силы и сказал:

— Откладывается? Конечно, нет. Ты думаешь, что их восхищенные взгляды нужны мне, чтобы совершить ритуал? Собери Избранных, как я тебе сказал. Я сам приведу девчонку в Зал Жертвоприношений и сделаю все, что нужно. Пошел вон!

Поклонившись, кхитаец поторопился покинуть зал, радуясь возможности оказаться подальше от этого таинственного бассейна.

Джандар покачал головой и снова направил свой взгляд на бассейн. Светящаяся пелена стояла почти вровень с берегами и звала, затягивала к себе. Джандар с раздражением выкинул из головы непрошеные мысли. Он просто устал. Вот и все. Чтобы прийти в себя, неплохо бы посидеть здесь до рассвета, не набирая в себя Силу, а просто побывать рядом с бассейном. Но времени у него не было. Девчонка должна выполнить свое предназначение сегодня же. Почувствовав Силу, вошедшую в его тело, Джандар встал, готовый совершить ритуал.

Поплотнее запахнув на себе плащ, он вышел из помещения, чтобы отвести Давинию и Ясбет в Зал Жертвоприношений.

Глава 25

Выставив вперед меч, Конан крался вдоль стены одного из дворцовых коридоров, не обращая внимания на красивые ковры и тонкие фарфоровые вазы. По другую сторону коридора, с саблей в руке, крался Акеба. Они, словно два волкодава, вышли на охоту.

Киммериец не знал, где остальные и что с ними. Время от времени до него доносились крики раненых, звон стали, раздававшиеся то снаружи, то где-то в длинных коридорах и огромных залах дворца. Кто побеждал – киммерийца это сейчас мало занимало. Ему был нужен Джандар, и внутренний инстинкт говорил ему, что с каждым шагом он приближается к цели.

Из одного из боковых коридоров безмолвно, словно смерть, выскочили три человека в оранжевом, с саблями наголо.

Конан отразил мечом первый удар, отбросив клинок противника к стене. Затем его меч обрушился на одного из бритоголовых, снеся ему полчерепа. В следующий миг киммериец с размаху ткнул мечом в лицо второму нападающему. В тот же момент сабля Акебы впилась тому в бок. Дважды пронзенное тело рухнуло на пол. Оглянувшись в поисках третьего нападающего, Конан понял, что тот уже имел несчастье встретиться с саблей туранца.

– Хорошо работаешь, – буркнул Акеба, вытирая кровь с клинка об оранжевые одеяния. – Подумай о службе в армии, если мы выберемся из этого... – Его фраза так и осталась недосказанной. Оба друга внезапно почувствовали рядом чье-то присутствие. В коридор шагнул одетый во все черное убийца-кхитаец.

Он, не торопясь, приближался к ним, словно зверь, уверенный в том, что добыча никуда не ускользнет. Его руки были пусты. Никакого оружия. Но Конану не надо было напоминать о тех, кого он видел в юрте Самарры, – без единой царапины на теле, но с выражением ужаса, застывшем на мертвых лицах. Помнил он и Зорель, погибшую от одного прикосновения.

Конан покрепче сжал меч, но стоило ему сделать лишь шаг вперед, как холодная рука Акебы властно легла ему на плечо.

– Он мой, киммериец. По праву кровной мести, он мой.

Конан неохотно уступил ему дорогу. Ему самому был нужен Джандар, но путь к логову колдуна лежал через этот коридор, в котором закружилась в смертельном танце эта странная пара.

Кхитаец улыбнулся. Его рука вылетела вперед, как змея. И, как мангуст, Акеба увернулся. Убийца тоже избежал сверкнувшей стали туранца, но улыбка уже сошла с его губ. Словно две потусторонние тени, стояли противники друг против друга. Сверкающая сталь – против смертельного прикосновения. Каждый понимал опасность другого. Каждый желал только одного – победить, уничтожить противника. Видимо, кхитаец раньше раскусил обманные движения Акебы. Рука в черном рукаве вылетела вперед, явно направленная в горло туранцу. Отчаянным движением Акеба попытался заблокировать удар и подставил под него свою правую руку. Сабля вылетела на пол, рука безжизненно повисла вдоль тела, а Акеба с криком боли схватился здоровой рукой за кинжал. Кхитаец остановился, чтобы перевести дух и закончить дело.

– Кром! – прорычал Конан и бросился вперед. Только сверхъестественная реакция спасла кхитайца от клинка киммерийца, обрушившегося на то место, где тот только что стоял. Снова улыбаясь, убийца кивнул головой Конану, словно приглашая его на поединок.

Не отводя глаз от черной фигуры, Конан сказал Акебе:

– Я обещал, что дам тебе убить его. Но никак не наоборот.

Туранец усмехнулся сквозь слезы, выступившие на его глазах. Он твердо сжимал в руке

кинжал, но стоял опираясь спиной о стену, не в силах оторваться от нее.

– Раз уж ты все равно влез, то посчитайся и за меня, киммериец.

– Да, – прошипел кхитаец. – Убей меня, варвар. Попробуй.

Без предупреждения Конан резко ткнул мечом в живот человеку в черном. Тот словно скользнул назад, остановившись как раз там, куда чуть-чуть не достал клинок.

– Ты уж постараися, варвар. Че Фан был не прав. Ты – всего лишь обычный человек. Я не верю, что ты и вправду побывал в Проклятой Земле. А если и так, то вырвался ты только потому, что тебе повезло. Сегодня я, Суйтай, положу конец твоим похождениям. Иди сюда, иди же. Здесь ты найдешь свою смерть.

Все время, пока кхитаец говорил, Конан медленно двигался вперед, следя за тем, чтобы ни на миг не потерять равновесия. Меч он держал невысоко, и конец клинка все время двигался из стороны в сторону, словно язык змеи. Хотя кхитаец и говорил самоуверенно и нагло, он все время с опаской следил за поблескивающим в свете ламп клинком.

В тот миг, когда Суйтай закончил говорить, Конан перекинул меч из правой руки в левую. Взгляд кхитайца невольно последовал за блеснувшей стальной молнией. Воспользовавшись этим, киммериец сорвал со стены одну из парчовых драпировок и набросил ткань на плечи и голову противника. Тот даже не успел понять причину своей внезапной слепоты, а меч Конана уже пронзил ткань и плоть, с хрустом взламывая кости.

Кхитаец медленно стащил с головы кусок ткани и, не веря своим глазам, уставился на торчащий из его груди меч, на кровь, ручьем хлынувшую на черную одежду.

– Да, я найду здесь смерть, – сказал Конан. – Но не мою. Твою смерть.

Кхитаец попытался что-то сказать, но кровь хлынула из его горла, и он рухнул на мраморный пол. Вынув из тела меч, Конан старательно вытер его, словно благородный клинок упал в яму с нечистотами.

– Премного тебе признателен, дружище, – сказал Акеба, неуверенно оторвавшись от стены. На лбу туранца выступили капли пота, его рука все так же безжизненно висела вдоль тела, но он нашел в себе силы устоять на ногах, глядя на труп убийцы его дочери.

– Теперь у тебя есть свое собственное дело, ради которого ты пришел сюда.

– Джандар, – сказал Конан и, не говоря больше ни слова, двинулся дальше по коридору.

Как крадущийся тигр, он пересекал один за другим залы и коридоры дворца. Боги хранили тех, кто не попался на его пути. Киммериец не стал бы терять время, выясняя, есть ли у них оружие или нет. Его кровь кипела. Только смерть Джандара могла успокоить киммерийца.

Наконец путь ему преградили тяжелые бронзовые двери, покрытые странным хаотическим узором. Напрягшись всем телом, Конан распахнул одну из створок и шагнул внутрь, выставив меч вперед.

Страшная картина открылась его взору. К черному каменному алтарю была привязана Ясбет. Прямо над ней стояла Давиния, занеся нож для удара в сердце. А рядом – Джандар, воздевший руки к небу и нараспев читающий свои заклинания. Над всеми тремя повис еще почти прозрачный, светящийся голубым пламенем купол.

– Нет! – крикнул Конан.

Он понял, что не успеет добежать до алтаря и перехватить кинжал Давинии. Тогда киммериец выхватил кинжал и метнул его в застывшую от его крика Давинию. Но в этот момент Джандар, оборвав свои заклинания, шагнул вперед, чтобы увидеть того, кто посмел нарушить его тайный ритуал. Остро отточенная сталь вонзилась в руку застонавшего колдуна.

Зажав рану, Джандар посмотрел на Конана и нараспев произнес:

– Именем Крови и Земли, именем Сил Хаоса я призываю вас. Уничтожьте этого варвара.

Давиния вся сжалась и подалась назад, словно желая убежать, но не осмеливаясь сделать

это.

Пол задрожал, и Конану пришлось остановиться, когда осколки мрамора взлетели чуть ли не из-под самых его ног. Там, среди камней и земли, прокладывало себе путь отвратительное создание – из тех, что уже встречались Конану. Размахнувшись изо всех сил, киммериец одним ударом разрубил оскаленный череп по самые плечи. Но чудовище, не истекая кровью и не страдая от боли, продолжало свой путь к жертве. Конану пришлось рубить и рубить мечом, но даже отрубленные куски мертвой плоти продолжали извиваться в безудержной ярости. Еще несколько адских созданий вылезло из-под пола, преграждая Конану путь к алтарю и окружая его с трех сторон. Клинок киммерийца безостановочно взлетал в воздух и с размаху врезался в очередную цель. Отрубленные конечности, головы, куски тел усеивали пол. Но все больше и больше оскаленных пастей вылезало из-под ломающихся плит пола. Конан оказался отрезанным от алтаря и от Ясбет и все свои силы тратил на то, чтобы удержать чудовищные создания на расстоянии от себя.

Довольная улыбка появилась на искаженном болью лице Джандара.

– Значит, Суйтай согнал мне. Ничего, с ним я еще разберусь. А сейчас, варвар, если у тебя найдется свободная минута, взгляни на то, что сейчас будет с этой женщиной по имени Эсмира. Давиния! Мы снова приступаем к нашему ритуалу. Делай все, как я тебе приказал.

Давиния, с искаженным от ужаса лицом, снова занесла серебряный кинжал. Ее выпученные глаза со страхом следили за наступавшими на Конана созданиями, но руки не дрожали. Джандар снова начал читать заклинания, призывая Силу.

Конан яростно попытался пробиться к алтарю, но на месте каждого разрубленного им противника тотчас же появлялись двое новых.

За его спиной послышалась какая-то возня. Киммериец обернулся и увидел падающего на пол человека в желтом, бессильно выронившего саблю. Из раны на его голове потоком хлынула кровь. Вслед за ним в зал ввалился Шарак.

Конан был так потрясен этим, что даже опустил на мгновение меч. Этим замешательством воспользовались чудовища, чтобы сомкнуть вокруг него кольцо.

Посох Шарака воткнулся в лицо еще одного вбежавшего в зал бритоголового служителя Культа. Тот рухнул на пол, а его меч покатился по полу, чуть не доехав до алтаря. Джандар поморщился, но не прекратил своих завываний. Конан отхватил мечом зелено-серую руку, затем голову, пнул слепо размахивающее единственной рукой тело в пасть другому чудовищу. Но все напрасно. Киммериец чувствовал, что силы его на исходе.

Неожиданно рядом с ним очутился Шарак, яростно размахивающий посохом.

– Убирайся отсюда! – крикнул Конан. – Ты слишком стар, чтобы...

Посох с треском обрушился на обтянутый серой кожей череп. Чудовище взмыло. Более того, Джандар у алтаря вздрогнул, словно от сильного удара. Даже другие подземные твари замерли, когда синие искры посыпались из тела их собрата, получившего удар посохом. С сильным хлопком чудовище взорвалось и исчезло, оставив после себя лишь маслянистое облако черного дыма.

– Я же тебе говорил! – закричал Шарак. – Это волшебный посох!

Еще один удар – и еще одно облачко дыма поднялось к куполу потолка.

Подземные создания попятались, жалобно вращая глазами и поглядывая на Джандара. На какой-то миг, по крайней мере, путь к алтарю освободился. Конан ринулся к черному камню.

Мгновенно развернувшись, Джандар прохрипел:

– Я призываю Силы, которые ты не видел и в кошмарном сне. Встреться же с ними!

С этими словами бритоголовый колдун юркнул в узкий проход рядом с алтарем. Увидев его бегство, чудовища, видимо, сочли себя свободными от выполнения приказов и исчезли, не

ожидалась ударов посохом.

Неуверенность овладела Конаном. Да, главная цель – это Джандар. Но тут на алтаре остается прикованная Ясбет. И Давиния с кинжалом в руках.

Почувствовав на себе холодный взгляд киммерийца, Давиния торопливо заговорила:

– Он меня заставил, Конан. Этот Джандар, он, оказывается, волшебник. Он заколдовал меня и заставил пойти на это.

Она держала кинжал, низко опустив его, так, как держат те, кому приходилось втыкать клинок в живот противнику.

Следя краем глаза за Давинией, Конан шагнул к алтарю. Ясбет извивалась в цепях. Четыре раза заносил Конан меч. Наконец каленая сталь клинка одолела черное цепное железо.

Вытащив изо рта кляп, Ясбет вскочила и схватила валявшийся рядом с алтарем меч погибшего служителя Культа. Ее волосы свободно растекались по плечам и груди. В этот миг она была похожа на нагую богиню войны.

– Я сама разберусь с этой...

Девушка явно не знала нужных слов, чтобы описать свое отношение к Давинии.

– Дура! – рявкнул на нее Конан. – Я не для того освободил тебя, чтобы ты получила нож в бок.

– Это ты, я вижу, сдурел, киммериец, – крикнул Шарак, продолжая тыкать посохом в валяющиеся тут и там на полу обрубленные части тел чудовищ. – Твое дело – убить этого колдуна. А не то все старания насмарку!

Старик прав. Конан знал это. Бросив последний взгляд на гневно приближающуюся к Давинии Ясбет, он нырнул в тот же проход, в котором скрылся Джандар.

Узкий коридор оказался недлинным. Почти сразу же Конан увидел впереди уже знакомое ему голубое сияние и через несколько шагов оказался в небольшом, ничем не украшенном помещении. В его центре среди колонн бурлила и кипела светящаяся дымка. Едва видный сквозь туман, Джандар стоял, разведя широко руки, и что-то нараспев говорил на совершенно незнакомом Конану языке. То, что исходило от бассейна и туманного облака над ним, киммериец не смог бы определить как добро или зло. Скорее это было отрицанием существования чего бы то ни было. Конан почувствовал себя так, словно неведомая сила хочет рассыпать его, разделить на тысячу кусков.

Краем глаза Конан заметил две подкрадывающиеся к нему фигуры. Сквозь туман он понял, что это все те же подземные чудовища. Обе тени двигались вдоль стены, явно опасаясь приближаться к сиянию. Что ж, разделаться с этими уродами (благо, их всего двое), а затем – за Джандара. Но при этом в голове Конана зашевелилась какая-то совершенно незнакомая мысль. Сам себе не веря, он вдруг понял, что собирается сдаться. Все ясно, это штучки колдуна. Конечно, рядом с этим поражающим воображение сиянием нетрудно внушить человеку мысль о бесполезности сопротивления, да и вообще всякой борьбы. Вздрогнув, киммериец сжал зубы и напряг всю свою волю. Он не сдастся. Он – не – сдастся!

Бессловесный крик первобытной ярости вырвался из горла киммерийца. Размахнувшись мечом, словно топором, он одним ударом рассек пополам тело приблизившегося к нему чудовища. Теперь Джандар, мелькнуло в голове Конана. Но от дважды убитой твари было не так легко отделаться. Верхняя часть тела, упав, судорожно схватила человека за ноги. Оскаленные челюсти впились в живое тело. Не удержав равновесия, Конан покатился по полу, нанося рукоятью меча удар за ударом по лицу противника, пока оно не превратилось в бесформенную маску. Но, несмотря на это, костлявые лапы так и не ослабили хватку.

Над всем этим раздавались непрекращающиеся завывания Джандара. Колдун слишком сильно погрузился в источник Силы, чтобы замечать хоть чье-либо присутствие рядом с собой.

Звук царапающих мрамор когтей предупредил Конана о приближении второго чудовища. Почти ослепленный все усиливающимся сиянием купола над бассейном, Конан наугад махнул мечом, отрубив противнику одну ступню. Чудовище огляделось в поисках пропавшей части тела, чуть покачнулось, теряя равновесие, и вдруг рухнуло на ярко светящийся купол. Вспыхнули огненные дуги, раздался треск – и от чудовища не осталось ничего.

Путь к Джандару был открыт. Теперь колдуна не уйти, мелькнуло в голове Конана, даже если для этого придется перегрызть ему глотку. Но сквозь почти животную ярость киммериец вдруг понял, что, скорее всего, колдун уже заканчивал свои заклинания. Его черная работа явно была близка к завершению. Вполне возможно, что киммериец просто не успеет добраться до него прежде, чем прозвучит последнее слово и на землю выплеснутся освобожденные силы Хаоса.

Исчезновение последнего чудовища показалось Конану знакомым. Где же он мог такое видеть? Ну, конечно же, барьер Проклятой Земли. Киммериец судорожно нашарил на поясе мешочек с порошком, оставшийся после того страшного путешествия. Он чуть не рассмеялся. Если там, внутри купола – то, что не привидится даже в кошмаре, то Джандару не удастся убежать. Развязав мешочек, Конан, аккуратно прицелившись, бросил его к ногам захлебывающегося в заклинаниях колдуна. Порошок рассыпался у самого края пылающего купола. Этого будет достаточно.

– Месть за тебя, Самарра, – пробормотал Конан, а затем громко, четко и спокойно отчеканил слова заклинания, выученные в гирканийской юрте. С последним звуком воздух над порошком задрожал и заискрился.

Голос Джандара дрогнул. Долю секунды колдун смотрел на дрожащее пятно, а затем закричал: «Нет, нет! Еще рано. Я еще не ушел!»

Сквозь дрожание, обозначавшее ослабленное место в пылающем куполе, выскоцилзнуло нечто. Разум был не в состоянии определить это. Глаза отказывались видеть. Просто серебристые вспышки в глубине голубого облака. Ничего больше. Но стоило этой штуке появиться из-под купола, как от его границы протянулась к колоннам и стенам глубокая траншея, углубляющаяся с каждым мгновением. Потолок треснул. Светящаяся штуковина прикоснулась к камню – и часть стены и потолка рухнула вниз. Ни один из обломков не долетел до пола, поглощенный этим непостижимым несуществом.

Крупицы здравого смысла вернулись к Конану сквозь всю пелену ужаса, застилавшую его разум. Киммериец увидел, что часть этой штуки направляется в его сторону. С отчаянным усилием он бросился отрывать мертвые костиистые руки от своих ног.

Джандар бросился бежать, но через несколько шагов краешек этой штуки дотронулся до него. Лишь самый край. Но колдун издал истошный крик, словно пытаемая женщина или проклинаемая душа покойника. Оранжевые одежды растаяли, как изморось. При каждом прикосновении сверкающего тумана кусок тела Джандара словно сгорал. Бритоголовый колдун кричал, словно желая превзойти крики всех жертв, замученных им на алтаре.

С грохотом обрушилась и превратилась в пар дальняя часть комнаты. Но даже шум падающих камней не смог перекрыть криков Джандара. Конан удвоил свои усилия. Еще один раз поддать мечом – и мертвая (во всех смыслах) хватка ослабла. Страшные серо-зеленые руки отпустили его.

Откатившись в сторону, киммериец вскочил на ноги и нырнул в коридор, по которому попал в эту комнату. Голубые светящиеся щупальца словно облизали то место, где он только что был. Конан предпочел не дожидаться продолжения и бросился бежать. Мольбы Джандара эхом отдавались в его ушах.

Когда киммериец добрался до зала с алтарем, Шарак нетерпеливо всматривался в темноту

коридора. С безопасного расстояния.

— Что это были за стоны? — спросил старик и задумчиво добавил: — Они прекратились...

— Джандар мертв, — сказал Конан.

Он поиском глазами Ясбет и обнаружил ее сооружающей некое подобие одежды из кусков оранжевой ткани убитого Шараком служителя Культа. Давиния, связанная, но без ран на теле, молча лежала на полу. Во рту у нее торчал кляп из обрывка ее собственного золотистого одеяния. Полоса того же шелка связывала ей руки. Еще одна — в виде петли — была накинута на ее шею. Другой конец куска ткани Ясбет крепко сжимала в кулаке.

Неожиданно земля вздрогнула под их ногами. Пол зашевелился и просел с той стороны, откуда вернулся Конан.

— Эта штука прокладывает себе путь сквозь землю, — пробормотал киммериец.

— Какая штука? — спросил Шарак.

Земля опять покачнулась и больше не останавливалась. С потолка рухнули лампы, залив пол горящим маслом. С каменных плит поднялась в воздух пыль и грязь.

— Времени нет, бежим! — крикнул Конан и, подтверждая слово делом, схватил Ясбет за руку и потащил ее за собой. Та так и не выпустила из рук петлю, удерживающую ее пленницу. Шарак с удивительной для его лет живостью поспешил за ними.

Выбравшись из дворца, они увидели, что и на открытом месте опасность не исчезла. Грохот трясущейся земли наполнил воздух, словно сам Эрлик решил прогуляться по поверхности земли, заставляя ее дрожать под его шагами. С треском валялись вековые деревья. Высокие башни превращались в груды камня.

Повсюду метались люди. Сотни людей. Все пытались спастись бегством, но далеко не всем это удалось. На глазах киммерийца в земле образовалась трещина, в которую рухнули несколько человек: кто-то — в оранжевом плаще, кто-то — в войлочной шапке. Прежде чем Конан подбежал к этому месту, земля захлопнулась, унеся всех в одну братскую могилу.

Через стену перелезать не пришлось. Большая ее часть превратилась в груду бульдожников. Перебравшись через них, Конан ни на секунду не остановился. Он слишком хорошо помнил, что стало с дворцом, чьи развалины он видел в Проклятой Земле. Эти воспоминания гнали его дальше и дальше от резиденции Джандара и его Культа. Киммериец вбежал в окружающий резиденцию лес и продолжил гонку, почти неся на себе Ясбет и волоча полузадушеннюю Давинию.

Неожиданно земля перестала дрожать. Стих грохот камней. Но в наступившей тишине стал расти другой звук — свистящий рокот.

Прислонившись к дереву, не в силах сказать хоть слово, Шарак одними глазами задал киммерийцу вопрос.

— Море, — выдохнул Конан. — Трещины вышли к морю.

Небо за их спинами покраснело. С грохотом взметнулись ввысь языки огненной магмы, смешанной со струями пара. Это морская вода встретилась с раскаленными внутренностями земли. В несколько мгновений стихнувший было ветер превратился в ураган.

— Держитесь! — крикнул Конан, пытаясь помочь женщинам удержаться за деревья. Но даже его сил оказалось мало. В какой-то момент его пальцы ослабли, и он потерял Ясбет из виду. Грязь, листья, ветки деревьев, даже камни — все вертелось в воздухе, словно в кипящем кotle.

Затем земля снова качнулась. Но киммериец уже не почувствовал этого. Последнее, что он увидел, — это несущийся на него огромный сук. Удар в голову, казалось, расколол его череп. Все вокруг погрузилось во мглу.

Эпилог

Конан очнулся, когда день уже наступил. Первое, что бросилось ему в глаза, – холмы, покрытые вывороченными деревьями, на месте прибрежной лесистой равнины. Ясбет. С трудом встав на ноги, он начал пробираться сквозь завалы из деревьев, не переставая звать девушку. Никакого ответа. Забравшись на вершину ближайшего холма, Конан онемел от изумления.

Холмистая местность оказалась не единственной переменой в пейзаже. Далеко в берег врезался залив, над которым поднимались клубы пара.

– Тут-то и стоял их дворец, – раздался хриплый голос, и Шарак, подойдя к киммерийцу, встал рядом с ним. Каким-то чудом старику удалось выжить в этом кошмаре.

– Ты не видел Ясбет?

Астролог покачал головой:

– Я видел много народа, в основном эти бритоголовые. Почти все собирались уйти отсюда куда подальше. Да, еще я видел Тамура с полудюжиной его приятелей. Они тоже решили уезжать из Турана, наплевав даже на то, что их ждет дома. Жаль, но, боюсь, нам уже не удастся поболтать с ними в каком-нибудь кабачке Аграпура. Да, еще Акман. Он ушел куда-то на запад. А Ясбет – я думаю, она погибла.

– Да жива я! Рано ты меня хоронишь, старик, – раздался знакомый голос.

Широкая улыбка расплылась по лицу киммерийца, увидевшего Ясбет, ведущую Давинию на привязи, и Акебу, карабкающегося по склону рядом с женщинами.

– Я потеряла меч, – первое, что заявила Ясбет, забравшись на вершину. По крайней мере, явная нехватка ткани на теле куда меньше беспокоила ее. – Ничего, я добуду себе другой. Ты ведь еще многому должен научить меня. Управляться с саблей, с мечом, да и кое-чему другому еще стоит у тебя поучиться.

Акеба попытался скрыть улыбку, а Шарак, наоборот, демонстративно захихикал.

– Ладно, научу, чему смогу, – улыбнулся Конан. – Слушай, что ты все таскаешь за собой Давинию? Отпусти ее или убей, если хочешь. Ты имеешь на это право. Она ведь собиралась убить тебя.

Давиния рухнула на колени, умоляюще глядя на Ясбет.

– Нет, я поступлю иначе, – сказала девушка, внимательно посмотрев на блондинку. – Продам-ка я ее в бордель. Это единственное место, подходящее для нее.

Давиния замычала сквозь кляп. По ее глазам было видно, что она предпочла бы смерть такой участи.

– Таким образом, – добавила Ясбет, – я себе на меч и заработаю.

– Ладно, друзья, – вступил в разговор Акеба. – Я рад видеть вас всех живыми, но не лучше ли будет поговорить где-нибудь в другом месте?

– И то дело, – согласился Шарак. – Мне тоже нужно побыстрее оказаться в Аграпуре. Теперь, когда волшебная сила моего посоха доказана, я смогу удвоить, нет, утроить мой гонорар. Акеба, ты ведь подтвердишь его силу, правда?

– Опять ты лезешь со своей деревяшкой! Что я должен подтверждать? – затянул уже привычный спор Акеба.

Конан, помогая Ясбет спуститься с холма, подал ей руку и вдруг спросил:

– Слушай, Джандар называл тебя другим именем. Почему так?

– Да ты, наверное, ослышался. Ясбет – мое единственное имя.

При этих словах Давиния забежала вперед, что-то мыча сквозь кляп и отчаянно тараща глаза на Конана. Ясбет хлопнула ее по плечу и негромко сказала:

– Если хочешь, я могу проткнуть тебе уши. За это мне цену не снизят. Девочки, при которых можно свободно болтать, наверное, тоже в цене в борделях.

Глаза блондинки округлились от ужаса. Больше она уже не пыталась обратить на себя внимание.

Конан усмехнулся про себя. Конечно, Ясбет говорила неправду. Но что-то подсказывало Конану, что она имеет на это право. Он решил не настаивать.

Сзади до них донеслись обрывки разговора двух приятелей:

– Если Конан видел, пусть он и подтверждает. А я ничего такого не видел.

– Но ты же местный офицер. Твое слово знаешь сколько стоит? Давай сделаем так. Конан расскажет тебе, а ты подтвердишь, что видел все своими глазами.

Улыбка, не сходившая с лица Конана с тех пор, как он увидел Ясбет живой и невредимой после землетрясения, стала еще шире. Он улыбался впервые за много дней. В конце концов, он жив, в кармане даже позвякивают две золотые монеты. Рядом – добрые друзья. И главное – красивая, любящая его женщина. Что еще может хотеть человек? Чего больше?